

Изъ Записокъ Ипполита Оже.

1814 — 1817.

(Съ неизданнаго Французскаго подлинника).

Мы не считаемъ нужнымъ предпосылать нижеслѣдующимъ Запискамъ біографическія свѣдѣнія объ авторѣ ихъ, такъ какъ читатель можетъ легко познакомиться съ нимъ изъ его собственнаго разсказа. Мелкія подробности, сообщаемыя имъ о событіяхъ современной ему исторіи и о людяхъ, принимавшихъ въ нихъ участіе, имѣютъ для насъ интересъ живаго подлиннаго свидѣтельства. П. Б.

Отовсюду доносились отголоски пушечныхъ выстрѣловъ. Почва Франціи была усыяна трупами: Русскіе, Пруссакі, Австрійцы—лежали въ перемежку съ нашими солдатами, послѣдними остатками арміи. Мы героически боролись, но съ каждымъ днемъ нашъ врагъ, *союзныя войска*, приближался къ сердцу Франціи. Деньги становились рѣдкостью, хлѣбъ дорожалъ, сношенія прекращались: каждый жилъ самъ по себѣ, съ своими скорбями, съ своими надеждами.

По улицамъ раздавались сочиненныя по заказу пѣсни, въ которыхъ говорилось о славѣ, чести, отечествѣ; а у домашняго очага тихонько напѣвались сатирическія строфы Беранже, въ то время только что начинавшаго входить въ славу: Король д'Ивето, Сенаторъ и др. Шла ожесточенная борьба, а во мнѣ въ это время бродили молодыя силы: я ждалъ и волновался ¹⁾).

Казалось, будто люди тогдашняго времени совсѣмъ перестали заглядывать въ свою душу. Они и старались попасть на настоящую дорогу, но шли наугадъ, сами не зная куда и смутно надѣясь, что дорога куда нибудь выведетъ. Что-то такое неизвѣстное, непонятное томило насъ. Намъ хотѣлось видѣть, слышать, двигаться; мы искали простора. Остановиться нельзя было ни на чемъ, потому что, казалось, все подлежало пересмотру: вся совокупность условій умственной жизни, и не одной умственной, но и физической также.

Люди прошлаго глухо волновались. Жертвы, не безъ нѣкоторой отваги, гонители съ затаенною робостью, и тѣ и другіе были крѣпко притиснуты тяжелой пятой властелина.... Вернушіеся эмигранты, сплотившіеся Якобинцы могли дѣйствовать довольно свободно, но были осторожны въ рѣчахъ.... Звукъ оружія раздавался въ Парижѣ. Всѣ прислушивались: казалось, до нашего слуха доносилась пушечная пальба, топотъ приближающагося войска. Но благодаря прочной организаціи, все шло, по наружности, спокойно и своимъ чередомъ.

¹⁾ Автору въ то время было лѣтъ 18 отъ роду.

Хорошо смазанная правительственная машина продолжала двигаться по своей колеѣ. Подъ вліяніемъ боязни люди были холодны, спокойны. Пустота чувствовалась страшная.

Я былъ одинокъ посреди этого хаоса. Скоро я почувствовалъ горячее желаніе пожить гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, другою жизнію. Найти другой міръ, непохожій на тотъ, который, казалось мнѣ, былъ мною извѣданъ. Я понялъ, что та жизнь, которою я до сихъ поръ жилъ, была не то, чего мнѣ было нужно; я хотѣлъ не новости, не разнообразія: мнѣ этого было мало, я жаждалъ чего-то неизвѣстнаго, неизвѣданнаго.... Иногда я отправлялся бродить на удачу, всматривался въ встрѣчавшіяся физіономіи съ надеждою прочесть на нихъ отвѣтъ. Прислушивался къ порывамъ вѣтра, и требовалъ у него, у неба, у земли, разрѣшенія мучившей меня загадки. До сихъ поръ я былъ остороженъ въ поступкахъ, теперь же я готовъ былъ весь отдаться на волю случая. Вооруженная Европа попирала почву Франціи; избѣжать ея нашествія было невозможно, и я ожидалъ ея съ лихорадочнымъ чувствомъ нетерпѣнія, къ которому примѣшивалось чувство ужаса. Я былъ похожъ на раненаго во время сраженія, и готовъ былъ закричать: «добейте же меня, братцы!» Душа была полна новыхъ, неясныхъ впечатлѣній, которыя произвольно, безъ всякой причины, зарождались въ ней. Но не смотря на это тревожное состояніе, дни летѣли быстро. Тяжелы были эти два мѣсяца — Январь и Февраль; но начало Марта было еще ужаснѣе. Горячая кровь и холодный разумъ по очереди брали верхъ надо мною и влекли то къ истинѣ, то къ заблужденію; а я не въ состояніи былъ сказать, гдѣ истина, гдѣ ложь. Всѣ находили, что я развить не по лѣтамъ; но мнѣ казалось, что это было ошибочное мнѣніе. Я не желалъ быть старше своихъ лѣтъ; мнѣ хотѣлось начать съизнова, совсѣмъ изгладить безъ слѣда короткое прошлое, наполненное впечатлѣніями, которыя я прежде считалъ благотворными. Писать еще не значить жить, думалось мнѣ иногда. Наступающая эпоха должна показать мнѣ путь, по которому я пойду. Я буду дѣйствовать, чтобъ стать тѣмъ, чѣмъ я хочу и могу быть....

Будущее неизвѣстно. Я одинъ; я еще не знаю, кто мнѣ другъ; мое личное положеніе имѣетъ много общаго съ положеніемъ Франціи.

Не даромъ была такая трудная беременность и такіе болѣзненные роды: нарождалась новая эра.

Наконецъ наступилъ день капитуляціи. Національная гвардія, вновь образовавшаяся съ тѣхъ поръ, какъ военный вопросъ перенесся на почву Франціи, призывала всѣхъ гражданъ къ оружію. Маршалъ Монсе командовалъ ею. Сначала его обязанностью было наблюдать за спокойствіемъ и порядкомъ въ городѣ; потомъ ему была поручена вышняя защита города. Я находился въ это время въ паркѣ Монсо. Цѣлый день грохотали пушки и шла ожесточенная борьба. На Шомонѣ, на Менильмонтанѣ, ученики Политехнической Школы отличались храбростью. Застава Клиши не сдавалась. Но скоро, съ того мѣста, гдѣ я стоялъ, мнѣ стало видно, какъ непріятельская кавалерія взбиралась на Монмартрскія высоты и овладѣвала батареями, которыя тамъ находились. Потомъ, по дорогѣ, вдоль рва, окружавшаго садъ, проскакали двое всадниковъ съ парламентарскимъ знаменемъ. Они спѣшили отъ заставы къ заставѣ, чтобъ прекратить кровопролитіе.

На другой день неприятельскія войска вошли въ Парижъ и заняли его.

Я жилъ на улицѣ, поглощенный происходившей вокругъ меня драмой.... Я смотрѣлъ и слушалъ. Такимъ образомъ строилось зданіе моего опыта: въ основаніе его легли мои собственныя дѣйствія. Я принадлежалъ себѣ; помощи ждать было не откуда. Мое дѣло было заботиться только, чтобъ мой челнъ не разбился о подводные камни.

Часто, возвращаясь ночью домой, я проходилъ черезъ Елисейскія поля, гдѣ были расположены лагеремъ казаки. Тамъ и сямъ горѣли костры и освѣщали группы людей какимъ-то зловѣщимъ свѣтомъ. Я шептъ, задыхаясь отъ невольнаго чувства страха. Я чувствовалъ, какъ у меня то замирало сердце, то снова начинало биться съ удвоенной силой, когда посреди величественной тишины и мрака ночи раздавалось «ура», Русскій окликъ; и послѣдній отголосокъ его, постепенно ослабѣвая вдаль, затихалъ наконецъ безъ отзыва въ моей взволнованной душѣ.

Въ Парижѣ быстро привыкають ко всякому новому положенію, какъ бы противоположно оно ни было прежнему. Не прошло недѣли, какъ всѣ уже примирились съ присутствіемъ побѣдителей. Много тутъ помогало любопытство. О томъ, что ожидаетъ Парижъ въ будущемъ, думали мало: Парижъ не заботится о далекомъ будущемъ; но за то личныя опасенія за сегодняшний день вмѣстѣ съ забвеніемъ всего, что было вчера, давали возможность людямъ, предвидѣвшимъ паденіе Наполеона, безпрепятственно стремиться къ достиженію своихъ цѣлей. Борьба еще продолжалась: на югѣ сражались противъ Англичанъ, предводимыхъ Веллингтономъ; императорская гвардія отступившая къ Фонтенебло, окружала своего великаго полководца, перемѣнившего скипетръ на шпагу. Въ пользу Бурбоновъ происходили заранѣе подготовленныя манифестации. Якобинцы оставались въ тѣни, а пришельцы заботились о себѣ и не думали о насъ.

Русскій Императоръ не захотѣлъ поселиться ни въ одномъ изъ дворцовъ. Талейранъ предложилъ ему гостепріимство въ своемъ домѣ, въ улицѣ Риволи, и Императоръ принялъ его предложеніе. Прусскій король жилъ въ улицѣ Лилль, въ домѣ Прусскаго посольства. Генералы обѣихъ армій были размѣщены по лучшимъ домамъ въ двухъ сосѣднихъ кварталахъ. Офицеры жили недалеко отъ казармъ, гдѣ стояли ихъ полки. Съ Фридрихомъ Вильгельмомъ были его два сына; къ Александру I пріѣхали его три брата. Война расчистила широкую дорогу въ наше отечество; вдоль нея стояли отряды Австрійцевъ: императоръ Францъ не желалъ встрѣтиться съ дочерью, принужденною бѣжать вмѣстѣ съ маленькимъ Римскимъ королемъ.

Отреченіе Наполеона и отъѣздъ его на островъ Эльбу облегчили заключеніе предварительныхъ условій мира. Вмѣстѣ съ надеждою вернулось и спокойствіе. Пестрота мундировъ перестала оскорблять зрѣніе Парижанъ. Пришельцы привезли много денегъ (это были наши собственныя деньги); торговые обороты оживились. Удовольствія стали всѣмъ доступны. Въ ресторанахъ Палерояля всѣ столы были постоянно заняты, и за попойками офицеры бросали изъ оконъ деньги толпившемуся народу.

Присматриваясь къ различнымъ фizioноміямъ пришельцевъ, я скоро замѣтилъ рѣзкое различіе національностей, проявлявшееся въ невольной симпатіи къ однимъ и антипатіи къ другимъ. Это было одно изъ тѣхъ впечатлѣній, въ которыхъ, по неожиданности ихъ, невозможно

сразу отдать себѣ отчетъ. Не умѣя еще отличить Русскаго отъ Пруссака по мундиру, мы чувствовали, что между нами возникали токи отталкиванія и притяженія, какъ будто Славянинъ и Германецъ обладали противоположными электричествами. Въ томъ состояніи умственной нерѣшимости, въ которомъ я тогда находился, я не могъ сопротивляться этому закону влеченія и направился къ сѣверному полюсу.

Въ это время жила въ Парижѣ въ улицѣ Серютти (теперешней улицѣ Лафитъ) небогатая вдова хорошей фамиліи, умная, изящная женщина. Оставшись безъ всякихъ средствъ по кончинѣ мужа, она не могла рѣшиться круто разорвать съ прежнею жизнію и отказаться отъ привычныхъ удобствъ, какъ не могла разстаться съ бриллиантовыми сережками, блестящими въ ея ушахъ. Она занимала просторную, красивую квартиру въ третьемъ этажѣ. Квартира оказалась слишкомъ велика для нея; она вздумала предложить друзьямъ своего мужа, холостякамъ, приходить къ ней обѣдать. Три лишнія комнаты были прилично обмѣблированы; она отдала ихъ внаймы. Предложеніе было принято съ радостью. Роскоши, конечно, въ ея домѣ не было; но были всѣ удобства, возможные въ тѣ времена. Обычные посѣтители приводили съ собою друзей. Обѣдъ бывалъ всегда хорошъ; въ гостиной стояла рояль Эрара, два дивана, покойныя кресла; въ холодѣ топились каминъ. Разговоръ шелъ живой, непринужденный. По вечерамъ играли въ бульотъ, по семейному, для препровожденія времени, но не ради выигрыша. Я тоже бывалъ въ этихъ собраніяхъ, и меня любили за природное остроуміе, составлявшее мое отличительное качество. Я не придумывалъ остроотъ: онѣ сами неудержимо срывались съ языка.

Можетъ быть, для меня было бы лучше, еслибъ мои острооты встрѣчались иногда неодобрительнымъ молчаніемъ, но присутствующіе обыкновенно смѣялись, снисходя къ моей молодости. Въ карты я никогда не игралъ; но такъ какъ всѣ знали, что я пописывалъ стихи, то меня заставляли ихъ декламировать. Конечно, никто не придавалъ этому особеннаго значенія.

Недѣли двѣ спустя послѣ занятія Парижа союзными войсками, я пришелъ опять обѣдать въ улицу Серютти. За столомъ сидѣло четверо Русскихъ гвардейскихъ офицеровъ. Ихъ привелъ одинъ изъ обычныхъ посѣтителей, старый эмигрантъ, проведеній нѣсколько лѣтъ въ Россіи и сохранившій дружескія сношенія со многими Русскими семьями, которыхъ гостепріимство ему было памятно. Война ведется между государствами, или лучше сказать между правителями; поданные же, до которыхъ ссора эта нисколько не касается, продолжаютъ по прежнему дружески относиться другъ къ другу. Замолкаетъ громъ пушекъ, и мнимые враги, протягивая другъ другу руку, продолжаютъ прерванный разговоръ. Грустно было бы за человечество, еслибъ это было иначе! Но и помимо этого, между высшими классами въ Россіи и во Франціи много общаго: одинаковое воспитаніе порождаетъ духовное сродство, скрѣпляемое общей литературой и общимъ разговорнымъ языкомъ, такъ что политическая распря была чѣмъ-то въ родѣ семейной размолвки, происшедшей отъ недоразумѣнія и прекратившейся тотчасъ послѣ объясненія, чѣмъ-то въ родѣ вводнаго предложенія въ скобкахъ, не нарушающаго смысла всей рѣчи.

— Мы думали, что вы убиты въ сраженіи, вскричали всѣ при моемъ появленіи.

— Это легко могло случиться, пули такія шальные. Но онѣ, къ счастію, летятъ на высотѣ человѣческаго роста, а я проскользнулъ подъ ними, отвѣчалъ я.

Сѣли за столъ. Насъ не представляли другъ другу, но мы скоро разговорились, какъ обыкновенно бываетъ между благовоспитанными людьми, довѣрчиво и искренно относящимися другъ къ другу.

У меня всегда было честолюбивое желаніе нравиться, и мнѣ это часто удавалось. У ума есть своего рода кокетство, которое тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе опытности у человѣка; а въ разговорѣ эффектъ мѣткого, остраго слова много зависитъ отъ тонкости внѣшней отделки: при умѣнши можно и стразѣ придать блескъ алмаза. Мнѣ уже не разъ случалось сталкиваться съ иностранными офицерами на улицѣ, и мы обмѣнивались обыкновенными, вѣжливыми, ничего незначащими фразами. Но всегда бывало такъ, что меня вызывали на разговоръ Русскіе, справедливо гордившіеся своимъ знаніемъ нашего языка. На этотъ же разъ я сдѣлалъ первый шагъ къ сближенію, съ тѣмъ увлеченіемъ, которое лежало въ моей природѣ и неудержимо овладѣвало мною: разъ пружина заведена, и машина, приспособленная природой на служеніе уму, была пущена въ ходъ. Въ домѣ ко мнѣ всѣ благоволили; новые знакомые тоже скоро почувствовали ко мнѣ расположеніе. Но я, стремясь во что бы то ни стало, изъ чувства прирожденнаго тщеславія, покорить ихъ сердца, запутался самъ въ собственныхъ сѣтяхъ: они побѣдили мое сердце своимъ тонкимъ пониманіемъ и умѣньемъ вести разговоръ по нашему. Остроумнымъ можно быть только въ обществѣ остроумныхъ людей: чрезвычайно пріятно видѣть, что ваша острота понята и оцѣнена по достоинству.

Эти Русскіе были люди молодые. Самому старшему было лѣтъ двадцать пять; онѣ имѣлъ чинъ капитана; четвертый былъ поручикъ. Они стояли на различныхъ ступеняхъ служебной іерархіи, но внѣ службы между ними было совершенное равенство отношеній, позволявшее каждому свободно выказывать свои личныя качества и свойства.

Послѣ обѣда они изъявили желаніе познакомиться со мной. Мы обмѣнялись обычными вѣжливыми фразами, которыя ни къ чему не обязываютъ, но иногда могутъ имѣть серьезныя послѣдствія.

На другой день я не могъ удержаться, чтобъ не отправиться опять обѣдать въ улицу Серютти. Очарованіе было слишкомъ сильно: мнѣ оставалось только покориться ему и безпрекословно идти, куда влекла судьба.

Я былъ настоящій Парижанинъ, слѣдовательно не отличался устойчивостью мнѣній: они зарождались внезапно и произвольно. Почва была глубоко взрыта, но посѣянные сѣмена только еще пускали ростки: всходовъ не было видно.

Меня приняли ласково. Въ этотъ вечеръ случилось такъ, что разговоръ невольнo принялъ задушевный характеръ. Прапорщики, милые молодые люди, легкомысленные и веселые какъ дѣти, чувствовали непреодолимое желаніе кинуться въ открывавшуюся передъ ними жизнь. Они имѣли передо мной то преимущество, что у нихъ была семья, имя; въ будущемъ ихъ ожидало богатство и вѣрная карьера. Но за то у меня былъ сильный рычагъ—жгучее желаніе быть чѣмъ нибудь, имѣть значеніе, добиться своего, во что бы то ни стало. Они были спокойны за свою будущность и не думали о ней; для

меня будущее было мечтою, полною надеждъ и ожиданій. Что же касается до капитана, ихъ старшаго, отличавшагося живостью и энергіей, то онъ и въ жизни занималъ тоже мѣсто, какъ и въ полку. Онъ казался положительнѣе ихъ, но опытности у него было не больше. Всѣ трое, привыкшіе къ обезпеченной жизни, никогда не задумывались надъ ея серьезной стороною: они не знали ни труда, ни заботъ. Безпечность—лучшее средство для сохраненія молодости; вотъ отчего у нихъ были такія невозмутимо-спокойныя лица, такой ровный, привѣтливый характеръ. Все это за одно съ запахомъ духовъ, до которыхъ Русскіе такіе охотники, придавало имъ всеѣмъ аристократическій отпечатокъ. Суровое ремесло войны сдѣлало ихъ мужественными, но не лишило природной граціи; они сильно загорѣли, но нѣжныя очертанія лицъ, гладкій лобъ безъ морщинъ, ясный взоръ—оставались тѣже какъ и прежде. Молодая жизнь въ нихъ была ключомъ.

За обѣдомъ въ улицѣ Серютти заговорили о театрахъ и указали на меня, какъ на будущаго драматическаго писателя. Это сблизило насъ еще болѣе ¹⁾. Они, конечно, пожелали узнать наши театры подъ моимъ руководствомъ. Партеръ бывалъ обыкновенно биткомъ набитъ Русскими офицерами, и вскорѣ, благодаря частымъ встрѣчамъ, я очутился въ центрѣ многочисленнаго кружка *новыхъ друзей*, которые не покидали меня ни на минуту. Я долженъ отдать имъ справедливость: въ нихъ не замѣчалось ни малѣйшаго признака Русскаго *шовинизма* (это слово было въ послѣдствіи нарочно придумано для насъ); у нихъ ни разу не вырвалось ни одного хвастливаго слова, которое могло бы испортить наши отношенія. Казалось, они вошли въ Парижъ не какъ побѣдители, но просто съѣхались случайно, изъ любопытства, изъ простаго желанія пожить всеѣмъ вмѣстѣ. Избранное Русское общество, въ которое я имѣлъ честь быть принятъ, доказывало этимъ свое умѣнье жить, свой тактъ. Приглашенія сыпались на меня со всѣхъ сторонъ: я принималъ участіе во всѣхъ удовольствіяхъ и даже во всѣхъ сумазбродствахъ. Я не отказывался, но всегда предупреждалъ, что не могу отплатить тѣмъ же. Конечно я не очень настаивалъ на послѣднемъ обстоятельстве, потому что не хотѣлъ, чтобъ они знали, въ какомъ положеніи я находился. Если намъ нравится избранное общество, и мы хотимъ бывать въ немъ, то обязаны слѣдовать его обычаямъ. Меня считали однимъ изъ своихъ, благодаря моей осанкѣ и манерамъ.

Вмѣсто того, чтобъ показываться имъ, такъ сказать, въ природной наготѣ, я напротивъ старался быть всегда одѣтымъ прилично случаю, по модѣ, изящно и съ умѣньемъ. Это была лесть, любезность свѣтскаго челоѣка, кокетство, если хотите; но съ моей стороны дурныхъ намѣреній не было: я поступалъ такимъ образомъ скорѣе для другихъ, чѣмъ ради собственной выгоды. Сверхъ того, въ Парижѣ я былъ дома, на собственной сценѣ, гдѣ и люди и предметы получаютъ условное, не-истинное значеніе, благодаря яркому, искусственному освѣщенію. Зачѣмъ было отнимать у моихъ *друзей-враговъ* нравившуюся имъ иллюзію, вводить ихъ за кулисы, показывать всѣ нити, пружины движенія? Я не хотѣлъ ихъ обманывать; я обманывалъ самого себя, играя вполне естественно свою роль въ челоѣческой, или скорѣе въ соціальной комедіи, полной случайно-

¹⁾ Господинъ Ипполитъ Оже въ послѣдствіи сдѣлался извѣстнымъ во Франціи и у насъ драматическимъ писателемъ. II Б.

стей, происходящихъ отъ столкновѣнія противоположныхъ стремленій. Кто же не имѣетъ права желать участвовать въ ней, въ ожиданіи развязки? Да и къ тому же, спектакль былъ даровой: зрители мнѣ ничего не платили.

Въ этой нескончасмой драмѣ, носящей названіе «общественная жизнь» п раздѣленной на явленія называющіяся *днями*, всякій костюмируется сообразно своей роли. Конечно, я знаю, что люди, оцѣнивая поступки своихъ ближнихъ, руководствуются произволомъ: одинаковаго, точнаго мѣрила не существуетъ; но мнѣ тоже извѣстно, что добросовѣстные судьи принимаютъ въ расчетъ смягчающія обстоятельства, между которыми первое мѣсто занимаетъ та общественная среда, гдѣ челонѣку приходится жить.

Во описываемую нами эпоху, публицистика, объясняющая по свѣдѣму политическія событія, еще не имѣла теперешняго вліянія на молодежь: мы не такъ рано достигали зрѣлости и дольше противились порчѣ.

Въ то время, какъ я завязывалъ новыя отношенія, не обрывая прежнихъ связей, мысль о необходимости прочнаго положенія все болѣе и болѣе овладѣвала мною. Я чувствовалъ, что мнѣ нужна твердая почва подъ ногами, гдѣ бы могли развернуться на просторѣ мои способности и то жгучее честолюбіе, которое начало тогда волновать меня.

Возвращеніе Бурбоновъ, это прикрытіе новой штукатуркой прогнившихъ стѣнъ зданія, для меня не представляло никакихъ выгодъ, не открывало никакой дороги въ жизни, и я относился къ этому событію очень равнодушно. Тѣ изъ моихъ прежнихъ друзей, которые привѣтствовали его какъ исполненіе, если не надеждъ своихъ, то по крайней мѣрѣ желаній, были слишкомъ заняты собою, чтобъ думать обо мнѣ. Еслибъ не было моихъ Русскихъ, я бы очутился въ совершенномъ одиночествѣ. Но, не смотря на оживленіе, которое сообщалось мнѣ въ ихъ присутствіи, мысль о будущемъ не покидала меня: я начиналъ тревожиться тѣмъ болѣе, что настоящее понемногу изнашивалось.

Подъ впечатлѣніемъ этой заботы я однажды, вмѣсто того чтобъ идти по привычкѣ въ улицу Серютти, отправился къ капитану. Я могъ уже теперь назвать его *своимъ капитаномъ*, хотя онъ только впослѣдствіи сдѣлался моею собственностію. Я его засталъ за чаемъ, въ халатѣ и съ трубкою въ зубахъ.

— О! сказалъ онъ, не скрывая своего удивленія, что случилось? Вчера, какъ мнѣ показалось, вы были чѣмъ-то озабочены.

— Дѣйствительно, и на это есть причины, отвѣчалъ я: вы насъ скоро покинете.

— Что же дѣлать? У насъ тоже есть отечество; а такъ какъ Францію мы вамъ передаемъ въ хорошемъ видѣ, безъ особенныхъ поврежденій, то и намъ пора пожить дома, повидаться со своими.

— Съ общей точки зрѣнія я на это не жалуюсь; но меня лично это огорчаетъ. Что же я буду дѣлать безъ васъ?

— Тоже что дѣлали бы, еслибъ обстоятельства сложились иначе. Напьемтесь-ка вмѣстѣ чаю, чтобъ разогнать такія мысли.

Онъ кликнулъ слугу, и черезъ минуту мнѣ принесли стаканъ чаю и набитую Турецкимъ табакомъ трубку съ длиннымъ чубукомъ и янтарнымъ мундштукомъ.

— Я не курю, сказалъ я.

— Напрасно. Еслибъ бы прїѣхали къ намъ, вы бы скоро при-
выкли.

— Прїѣхать къ вамъ?

— Прежде всего курить. Что касается до посѣщенія, то, если вамъ
вздумается прїѣхать къ намъ, мы будемъ очень рады и встрѣтимъ
какъ друга. Русскій человѣкъ гостепріименъ, что хорошо извѣстно
многимъ изъ вашихъ соотечественниковъ. И такъ, въ качествѣ ди-
каря, я вамъ предлагаю трубку мира. Вы, конечно, не безъ цѣли
пришли ко мнѣ такъ рано?

— У меня была цѣль васъ видѣть: развѣ этого недостаточно?

— Но у васъ при этомъ была и другая цѣль?

— И да, и нѣтъ!

— Вы хотите задать загадку?

— Вотъ вамъ отгадка: уже нѣсколько дней, какъ демонъ пред-
усмотрительности не даетъ мнѣ покою. Онъ пугаетъ меня будущимъ,
не даетъ проходу на улицѣ, заслоняетъ все собою. До сихъ поръ я
шелъ по тропинкамъ, ведущимъ на большую дорогу; но куда же меня
приведетъ большая дорога?

— Куда сами захотите.

— Дѣло не въ хотѣннїи только: съ тѣхъ поръ какъ вы явились къ
намъ, все перемѣнилось.

— Слѣдовательно вы возлагали какія нибудь надежды на павшее
правительство?

— Да я надѣялся, что въ какомъ нибудь сраженіи меня убьютъ.

— И только?

— Только.

— А чтѣ же настоящее правительство?

— Оно лишило меня даже этой надежды. Дратся мы, можетъ быть,
и будемъ, но только между собою, что не представляетъ особенныхъ
выгодъ. Какъ-же вы хотите, чтобы король Людовикъ XVIII удовле-
творилъ въ одно и тоже время и старое дворянство, требующее сво-
ихъ прежнихъ правъ и преимуществъ, и новое, не желающее отка-
зываться отъ того, что ему принадлежитъ теперь.

— Къ которому изъ нихъ вы принадлежите?

— Я принадлежу къ тому, о которомъ говорится въ пожалованной
намъ хартіи: «Всѣ Французы равны передъ закономъ и могутъ быть
допущены къ исполненію всякихъ должностей».

— Обѣщаніе прекрасное!

— Хорошая протекція была бы мнѣ прїятнѣе.... Въ началѣ ны-
нѣшняго столѣтія, нашъ Талейранъ... впрочемъ онъ столько же вашъ
какъ и нашъ.... предсказывалъ, что Францію возмемъ тотъ, у кого
больше денегъ, а не тотъ, у кого самый старинный гербъ. У моего
отца было одиннадцать человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ семеро живы;
я самый старшій. Поэтому вы можете заключить, что въ семьѣ есть
еще малолѣтныя, которымъ надо дать воспитаніе; а доходы съ родо-
ваго имѣнія незначительны. Отецъ благословилъ меня и затѣмъ предо-
ставилъ мнѣ полное право самому заботиться о своей будущности.

— Онъ вполне былъ увѣренъ въ васъ.

— Конечно! Свобода — славное, благородное дѣло, и я не употре-
билъ ее во зло. Я старался приготовить себя къ будущей дѣятель-
ности, хотя и до сихъ поръ не знаю, что будетъ со мной. Вотъ эта-то
мысль и не даетъ мнѣ спать. Сегодня утромъ, я почти невольно, самъ не
зная какъ, очутился у дверей вашей квартиры, подъ вліяніемъ ин-

стинкта, который заставляетъ человека идти туда, гдѣ онъ можетъ найти что ему именно нужно въ эту минуту, что-то хорошее, успокоительное, но чего самъ не умѣешь назвать.

Капитанъ поспѣшилъ протянуть руку и, дружески пожимая мою, сказалъ:

— Представьте, что вы уже совсѣмъ нашъ: раскурите трубку, выпейте еще стаканъ чаю, и будемте разговаривать серьезно. Хорошо, что вы пришли утромъ: я по утрамъ бываю серьезенъ.

Дѣйствительно я замѣтилъ, что онъ слушалъ меня со вниманіемъ, въ то же время что-то обдумывалъ.

— Въдѣ вы совершенно полны въ своихъ поступкахъ; такъ предоставьте все случаю, продолжалъ онъ. Въ азартныхъ играхъ вѣроятности выигрыша и проигрыша бываютъ равны, а при извѣстномъ умѣнн и благодаруміи перевѣсъ часто даже на сторонѣ перваго. Жизнь—таже игра! Ваше отечество не можетъ дать вамъ ничего вѣрнаго: найдите себѣ другое отечество. Поѣзжайте въ Россію искать счастья. Я постараюсь быть вамъ полезнымъ, потому что вы мнѣ съ перваго разу внушили къ себѣ довѣріе, которое еще болѣе утвердилось, благодаря напимъ ежедневнымъ сношеніямъ; теперь же, послѣ нашего откровеннаго признанія, ничто не въ состояніи поколебать его.

— Но развѣ это возможно?

— Если возможно дѣлать глупости, то отчего же не попробовать сдѣлать что нибудь разумное? Сидя на мѣстѣ, далеко не уѣдешь. Для успѣха въ свѣтѣ необходима дерзость: позволяйте себѣ многое, смѣло высказывайтесь и не бойтесь запутаться.

— Но что же я буду дѣлать въ Россіи?

— Что умѣете.

— Увы! я ни на что не способенъ.

— Напротивъ, я васъ считаю способнымъ на все.

— Капитанъ, это двусмысленность, которую....

— Дайте же договорить.... Я считаю васъ способнымъ на все честное, благородное. Вы не игрокъ, не кутила; на ваше слово можно положиться. Впрочемъ я понимаю ваше положеніе и догадываюсь о многомъ; дайте же мнѣ денѣкъ подумать.

— Но, капитанъ, повторяю еще разъ, что я буду дѣлать въ Россіи?

— Ну, подумаемъ, поищемъ.... Вы хорошо знаете свой языкъ?

— Я сдѣлалъ все, что слѣдовало, чтобъ изучить его.

— Ну такъ вы будете обучать ему другихъ. Въ Россіи любятъ говорить пофранцузски: въ хорошемъ обществѣ у насъ иначе даже и не говорить. Мы вамъ найдемъ ученика, честолюбиваго юношу, княжескаго имени, съ несмѣтнымъ богатствомъ. У насъ это не рѣдкость.

— Нѣтъ, нѣтъ, капитанъ. Это честное, благородное занятіе; но я не чувствую въ себѣ способности къ самопожертвованію. Я люблю свою свободу. Обязанность таже тюрьма; и по крайней мѣрѣ нужно выбрать такую, которая бы не уморила. У меня нѣтъ педагогическихъ способностей: я себя чувствую еще такимъ школьникомъ, что, право, не гожусь въ наставники.

Онъ закрылъ глаза и сдѣлалъ легкую гримасу; потомъ быстро подошелъ и обнялъ меня.

— Вы именно такой человекъ, какъ я думалъ. Хотите служить въ нашей арміи?

— Поднять оружіе противъ своего отечества?...

— У насъ теперь миръ. Но во всякомъ случаѣ васъ бы никто не принуждалъ къ этому. Въ рядахъ нашего войска много Французовъ: какой-то Сентъ-Приестъ былъ убитъ въ сраженіи при Реймсѣ, но онъ самъ того хотѣлъ. Ришельё, Ланжеронъ, Рошюаръ, Брольи и другіе состоятъ въ Русской службѣ. Не говорю о генералѣ Моро. Послѣ объявленія войны, благодаря которой мы познакомились съ вами, Государь приказалъ объявить всѣмъ Французамъ, числившимся въ нашей арміи, что они могутъ отказаться отъ участія въ ней. Мы не такіе варвары, какъ обыкновенно воображаютъ. Тѣ же, которые пошли съ нами, сражались за свои убѣжденія. Убѣжденія—таже родина. Войны между Россіей и вашей Бурбонской Франціей не предвидится. Если и придется драться, то вѣроятно на Востокѣ. Лафайеты отпавлялись же сражаться въ Америку изъ любви къ искусству. Мнѣ хочется васъ убѣдить для вашей же пользы. Если вы согласитесь, я постараюсь облегчить вамъ всѣ способы. Сейчасъ я просилъ дать мнѣ подумать, а теперь я предоставляю это вамъ. Въ ожиданіи вашего отвѣта, я начну разубивать и расчищать дорогу.

Лакей вошелъ съ платьемъ. Онъ одѣлся, и мы вышли вмѣстѣ. Онъ пошелъ въ Военную Школу, гдѣ стоялъ его полкъ; а я, въ сильномъ раздумьи, не спѣша, отправился по своимъ дѣламъ.

Вечеромъ, за обѣдомъ въ улицѣ Серютти, я увидалъ еще одного Русскаго офицера, который до того времени тамъ не бывалъ. Остальные Русскіе, обычные посѣтители, обращались съ нимъ съ такимъ вниманіемъ и предупредительностью, которыя явно свидѣтельствовали объ его превосходствѣ надъ ними. Меня волновало предчувствіе чего-то: тутъ былъ и страхъ, и надежда. Впрочемъ волненіе продолжалось не долго: я вспомнилъ все, что говорилось утромъ о случайностяхъ игры и рѣшилъ не вмѣшиваться ни во что, предоставляя все дѣло случаю, если ужъ рулетка пришла въ движеніе. Русскіе, отличающіеся вообще проницательнымъ, тонкимъ умомъ, умѣютъ читать между строками и сразу все понимаютъ, тѣмъ болѣе, что и сами они любятъ показывать то, что въ нихъ есть, а можетъ быть и то, чего нѣту. Да кому какое до этого дѣло? «Они мяко стелятъ», писалъ о нихъ Кюстинъ. Я ихъ за это не упрѣкаю: если люди желаютъ быть любезными, то ихъ можно только поблагодарить за это.

За обѣдомъ хозяйка, всегда ласковая со мной, съ особенною милою внимательностью старалась дать мнѣ случай сказать какую-нибудь остроту. Какъ будто она тоже чувствовала все значеніе игры, гдѣ я имѣлъ долю въ ставкѣ; она словно передавала мнѣ всѣ козырные карты.

Послѣ обѣда въ *Русскомъ углу*, какъ мы его называли, завязался живой разговоръ.

Уходя, *новый знакомый* удостоилъ произнести обыкновенную фразу, которая имѣетъ значеніе только тогда, когда служить выраженіемъ истиннаго чувства: «Очень радъ, что познакомился съ вами». Мой капитанъ, уходя съ нимъ вмѣстѣ, назначилъ мнѣ свиданіе на слѣдующее утро, сказавъ, что я долженъ придти къ нему на урокъ куренія. Слова эти не были Парейнской стрѣлой; наоборотъ, я принялъ ихъ какъ масличную вѣтвь, принесенную голубемъ послѣ потопа.

— Вы все обдумали? сказалъ онъ, только что я вошелъ къ нему на слѣдующее утро.

— Нисколько! Къ чему?

— Стало быть, вы рѣшились?

— Эхъ! Развѣ можно противиться потоку своихъ желаній? Не лучше ли, вмѣсто того, чтобъ окунаться въ горькія волны разлуки, отдаться спокойному теченію надежды? Поступить иначе было бы глупостью.

— Говорить глупости можетъ умный человѣкъ, но и онъ не долженъ ихъ дѣлать: это первое условіе. Теперь выслушайте: вы будете служить въ гвардіи, въ томъ полку, гдѣ я командую ротой; васъ зачислятъ въ наши списки. Вы не испортите нашего строя: это что-нибудь да значить. Въ Петербургскихъ салонахъ мы будемъ васъ показывать какъ трофей побѣды. Да! Мы понимаемъ, что значить истинное тщеславіе. Не даромъ насъ зовутъ сѣверными Французами. Теперь вамъ нужно прежде всего получить формальное согласіе вашего семейства. Мы иногда увозимъ модистокъ, но литераторамъ мы предоставляемъ свободный выборъ. Вы рѣшаетесь спрятать перо писателя въ патронташъ солдата и будете отвѣчать за послѣдствія этого поступка. Сегодня утромъ, другъ мой, Александръ Корсаковъ поговорить о васъ съ барономъ Розеномъ, начальникомъ гвардейской пѣхоты. Онъ служитъ у него адъютантомъ и постарается обставить дѣло такъ, чтобъ оно имѣло заманчивость необычайности. Если баронъ Розень выразитъ одобреніе, то съ своей стороны долженъ будетъ похлопотать за васъ у Великаго Князя Константина Павловича, шефа всѣхъ гвардейскихъ полковъ. Великій Князь смиренъ какъ ягненокъ, нужно только умѣть блеять за одно съ нимъ. Онъ любитъ все оригинальное. Такъ какъ вы одинъ только являетесь съ подобной просьбой, то онъ обратитъ на нее вниманіе. Послѣ этого дѣло будетъ подано на высочайшее утвержденіе Его Императорскаго Величества: вотъ вамъ и все. Теперь выпейте стаканъ чаю, такъ какъ эта живительная влага вамъ нравится, вдохните немного табачнаго дыму, чтобъ привыкнуть къ нему, а потомъ начинайте дѣйствовать: пишите, готовьтесь. Походъ въ Россію скоро будетъ объявленъ.

Я написалъ къ отцу. Отецъ мой пріѣхалъ. Онъ былъ ослѣпленъ всѣмъ, что видѣлъ; онъ удивлялся мнѣ и тѣмъ скорѣе далъ мнѣ согласіе, что оно избавляло его отъ дальнѣйшихъ заботъ о моей карьерѣ.

Вплоть до окончательнаго рѣшенія этого великаго дѣла моей жизни, я былъ такъ занятъ и жилъ такъ быстро, что всѣ подробности совсѣмъ изгладились изъ моей памяти. Черезъ недѣлю меня повезли къ барону Розену, который принялъ меня очень милостиво. Онъ мнѣ назначилъ дожидаться его на другой день у Великаго Князя Константина Павловича ¹⁾. Великій Князь не показался мнѣ страшенъ: онъ соизволилъ сказать мнѣ нѣсколько ласковыхъ словъ и велѣлъ быть въ отелѣ Талейрана, при выходѣ Государя, гдѣ и онъ долженъ былъ тоже находиться. Я отправился туда въ сопровожденіи моихъ добрыхъ застольныхъ друзей изъ улицы Серютти. Государь вышелъ вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ. Поровнявшись со мною, Великій Князь остановился и сказалъ Императору нѣсколько словъ по-русски. Им-

¹⁾ Великій Князь Константинъ Павловичъ, проживая въ Парижѣ въ 1814 году, вошелъ въ дружескія отношенія съ нѣкоторыми Французскими семействами. См. въ Р. Архивѣ 1870 года его письма къ маркизъ де-Кюбьеръ, коей сынъ (отъ перваго брака), г-нъ Оливъ поступилъ къ нему на службу и пользовался постоянно его довѣріемъ и милостью. П. Б.

ператоръ благосклонно взглянулъ на меня и сдѣлалъ знакъ согласія: я былъ принятъ въ императорскую гвардію.

Въ тотъ же день, друзья, чтобъ отпраздновать мое и свое торжество, дали мнѣ у Вери обѣдъ съ Шампанскимъ, безъ котораго въ Россіи никакъ не могутъ обойтись въ важныхъ случаяхъ жизни. Пили много за мое благополучіе, и я говорю съ гордостью, за союзъ между Франціей и Россіей.

Я рассказываю все это не для того, чтобы объяснить свое поведение, или оправдать свой выборъ: я всегда былъ убѣжденъ, да и теперь думаю также, что, повинаясь прихоти фантазіи, я, какъ молодой человѣкъ, нетерпѣливо желавшій узнать міръ, невѣдомый доселѣ, и ясно сознававшій въ себѣ потребность отыскать свой уголокъ въ жизни, въ чужой ли, въ своей ли странѣ, гдѣ бы можно пожить по своему разумнію. я не сдѣлалъ ничего предосудительнаго ни для себя, ни для другихъ; въ моемъ свободномъ рѣшеніи не заключалось ни для кого ни оскорбленія, ни насилія.

Полудикое растеніе, взросшее на почвѣ старой цивилизаціи, было пересажено на почву почти совсѣмъ нетронутую, гдѣ царило неограниченное самодержавіе: какой цвѣтъ, какой плодъ долженъ былъ появиться на этомъ растеніи? Вотъ что мнѣ хотѣлось показать, потому что, по моему мнѣнію, это-то и составляетъ философическую, поучительную сторону моихъ Записокъ, наиболѣе достойную вниманія. Всякій человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, составляетъ одно изъ звѣньевъ общественной цѣпи; играетъ ли онъ страдательную роль или дѣятельную, онъ близокъ намъ, и поступки его какимъ бы то ни было образомъ отражаются на насъ. Всякій человѣкъ имѣетъ собственную тайную исторію, которую знать не бесполезно: все приноситъ пользу тому, кто умѣетъ всѣмъ пользоваться.

Послѣ того какъ я ужъ заранѣе прочувствовалъ всю горечь разлуки, которая должна была прервать привычныя, имѣвшія для меня такую прелесть, отношенія, я сталъ нетерпѣливо дожидаться отъѣзда, который долженъ былъ скрѣпить ихъ еще болѣе. Эти послѣднія двѣ недѣли я провелъ безъ заботъ, ожидая дня отъѣзда, и испытывалъ странное чувство счастія. Наконецъ великая минута наступила: я, Французъ, ѣхалъ въ чужую страну, не съ товаромъ какъ купецъ; не какъ артистъ, чтобы извлечь пользу изъ своихъ талантовъ; не какъ ремесленникъ, чтобы приложить къ дѣлу свое умѣнье; не какъ ученый, отправляющійся въ качествѣ врача или наставника подѣлиться своими знаніями съ молодымъ народомъ, который нуждается въ нихъ и съ радостію принимаетъ.... Я ѣхалъ учиться тому суровому ремеслу, которое, преобладавъ въ Европѣ съ 1791 года, разрушило ея прежній строй.

Я брался за оружіе въ такую минуту, когда мирное настроеніе дѣлало его ненужною вещію, существующей только на показъ. Но если человѣкъ дѣлаетъ что можетъ, стало-быть онъ дѣлаетъ должное.

Такъ гласитъ одно изъ пресловутыхъ правилъ нашего вѣка.

Въ 1814 году Русскій народъ состоялъ изъ двухъ сословій: дворянства и крѣпостныхъ. Въ качествѣ иностранца, человѣка свободнаго, я естественно былъ причисленъ къ дворянскому сословию, вслѣдствіе чего меня приняли въ гвардію юнкеромъ. Будь я честолюбивъ, то, пользуясь такимъ хорошимъ началомъ, можно бы пойти далеко; но, къ несчастію, честолюбія у меня не было ни капли. Такъ какъ Преображенскій полкъ, старшій между всѣми гвардейскими пѣхотными

полками, былъ сформированъ Петромъ I изъ дворянъ, которые служили въ немъ простыми солдатами: то всякій дворянинъ, поступавшій въ гвардію, долженъ былъ въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ исполнять солдатскую службу и числился таковымъ въ спискахъ арміи. Потомъ ему давался чинъ унтеръ-офицера или подпрапорщика, и онъ оставался въ этомъ чинѣ два года, если только онъ предварительно не получилъ необходимо обязательнаго военнаго образованія въ Пажескомъ корпусѣ или иномъ кадетскомъ. Въ молодости сильно чувствуется потребность передвиженія, а когда къ этому стремленію присоединяется желаніе видѣть, слышать, испытать новое, неизвѣстное доселѣ, узнать новые предметы въ мірѣ внѣшнемъ и новыя ощущенія въ мірѣ внутреннемъ, тогда любовь къ путешествіямъ переходитъ въ настоящую страсть. Такъ было и со мною: случай вознаграждалъ меня за недостатокъ богатства; онъ далъ мнѣ возможность исполнѣ удовлетворить своимъ стремленіямъ, хотя и пришлось пожертвовать за это свободой, часть которой уходила на исполненіе обязанностей службы. Но нѣтъ ни одного рода дѣятельности, который бы не налагалъ на человѣка болыпаго или меньшаго принужденія. и я долженъ сознаться, что для меня просидѣть каждый день отъ десяти до четырехъ часовъ въ канцеляріи какого нибудь министра было бы сущимъ наказаніемъ. Люди вообще, какъ бы ни благопріятствовало имъ счастье, каково бы ни было ихъ общественное положеніе, всегда бывають склонны къ возмущенію: таково свойство человѣческой природы. Такъ какъ, благодаря стараніямъ моего отца и усердію моего капитана, положеніе мое относительно Россіи и Франціи вполнѣ опредѣлилось, то мы думали только объ отъѣздѣ. Рѣшено было, что я надѣну мундиръ только по пріѣздѣ въ Петербургъ, хотя буду идти вмѣстѣ съ полкомъ. Офицеры забавлялись мною какъ игрушкой; они наперерывъ другъ передъ другомъ старались сообщить мнѣ необходимыя свѣдѣнія, начиная съ Русскаго языка, обо всемъ, что касалось службы, или могло облегчить мнѣ сношенія съ людьми въ моемъ новомъ отечествѣ.

Я долженъ сознаться, что никогда не могъ выучиться хорошо говорить порусски; можетъ быть это произошло отъ того, что со мною всегда всѣ говорили пофранцузски. Въ Парижѣ для меня отыскиали азбуку, словарь, книгу діалоговъ. По моему мнѣнію, приличіе требовало, чтобъ я умѣлъ поздороваться порусски, до вступленія въ обѣтованную землю, и мнѣ хотѣлось приготовить къ этому еще въ Парижѣ, чтобы не сочи меня за вполнѣ чужаго. Такимъ образомъ я былъ избавленъ отъ многихъ затрудненій, которыя вездѣ ожидаютъ новоприбывшаго вначалѣ.

Гвардія отправилась въ Шербургъ, гдѣ ее ожидали корабли; а я могъ вѣхать, когда хотѣлъ. Черезъ недѣлю я догналъ свой полкъ въ Канѣ.

Я выѣхалъ въ Воскресенье вечеромъ, въ день праздника Тѣла Господня, праздновавшагося въ первый разъ послѣ революціоннаго погрома. Утромъ я ходилъ смотрѣть на приготовленія къ церковнымъ процессіямъ. Парижъ былъ оживленъ; но это оживленіе, вслѣдствіе реставраціи, казалось чѣмъ-то страннымъ.

Старинные друзья пришли проводить меня. Они были растроганы; мы сказали другъ другу «прости», но въ сердцахъ осталась надежда, что мы когда нибудь снова увидимся.

Отъѣздъ произвелъ на меня такое сильное впечатлѣніе, что оно заслонило собою всѣ второстепенныя путевыя впечатлѣнія. Душа

была полна неясныхъ мыслей, предчувствій; это было безсознательное состояніе, которое постепенно проходило по мѣрѣ того, какъ выяснились предметы, и будущее принимало осязательную форму.

Походъ изъ Кана въ Шербургъ былъ продолженіемъ Парижской жизни: время быстро проходило въ разсказахъ, въ веселыхъ разговорахъ, которые незамѣтно коротали намъ дорогу. Мнѣ дали лошадь, и мы шагомъ ѣхали всѣ вмѣстѣ вслѣдъ за батальонами. Это былъ прологъ къ жизни, ожидавшей меня въ столицѣ Русской имперіи. Русскіе любятъ говорить, отчасти прикрасить истину; они не прочь и прихвастнуть немного, и всегда готовы выказать свой умъ и знаніе, такъ что, во время нашихъ разговоровъ на большой дорогѣ, мнѣ приходилось лишь давать короткіе отвѣты, чтобы доказать, что я умѣю слушать. Такого рода лести дѣйствуетъ неотразимо на болтливыхъ людей, а иногда она помогаетъ противъ нихъ.

Я еще не былъ знакомъ съ генераломъ Храповицкимъ, въ полку котораго числился послѣднимъ изъ его подчиненныхъ, и не могъ ему представиться, по неимѣнію мундира. Мы должны были ограничиваться поклонами по военному. Странно, что генералъ не зналъ ни слова пофранцузски, что и помѣшало мнѣ засвидѣтельствовать ему мое уваженіе, какъ того требовали приличія, и постараться заслужить его расположеніе. Съ одной стороны, это обстоятельство избавляло меня отъ скучной обязанности посѣщать генерала, который, можетъ быть, важничалъ своими густыми эполетами; но за то, оно лишало меня возможности прибѣгать къ его покровительству. Такое неестественное положеніе постоянно тревожило меня все время службы и имѣло вліяніе на мои послѣдующія рѣшенія.

Слѣдовало бы учиться Русскому языку; но я думалъ на своемъ родномъ языкѣ, вокругъ меня почти всегда говорили пофранцузски. Вслѣдствіе этого я облѣнился, и лѣнь моя повредила мнѣ впослѣдствіи. Я тщеславился своей жалкой дѣтской болтовней на Русскомъ языкѣ и пренебрегалъ выгодами основательнаго знанія.

Генералъ Храповицкій получилъ командованіе однимъ изъ гвардейскихъ полковъ, благодаря не связямъ въ обществѣ, но единственно своей личной храбрости: это упрочивало ему его власть и значеніе. Въ кампаніи 1805 года, онъ обратилъ на себя вниманіе и, потерпѣвъ неудачу при Аустерлицѣ, былъ въ числѣ побѣдителей въ 1814 году. Сорокъ лѣтъ спустя, я увидался съ нимъ опять; онъ занималъ тогда важный постъ Петербургскаго генералъ-губернатора и говорилъ пофранцузски совершенно свободно, благодаря невѣроятной легкости, съ которою Русскіе усваиваютъ себѣ иностранные языки. Онъ выучился ему, види, что знаніе это ему необходимо въ его сношеніяхъ съ дворомъ. Для меня это было урокомъ, но я получилъ его въ такомъ возрастѣ, когда уже было невозможно имъ воспользоваться. Имѣя и болѣе способностей къ серьезнымъ занятіямъ и менѣе склонности къ пустикамъ, жизнь моя сложилась бы иначе. Но тогда идти противъ природы у меня не доставало мужества, которое является только подъ давленіемъ крайней необходимости. Мнѣ же все улыбалось въ молодости, все дѣлало жизнь легкой и пріятной. Несчастій и никогда не зналъ и не боялся ихъ; я жилъ безпечно, нисколько не гордясь своей удачей, что было бы смѣшно; когда же во мнѣ развилась предусмотрительность, то было слишкомъ поздно.

Въ Шербургѣ, для перевозки гвардейской пѣхоты были приготовлены большіе Русскіе и Англійскіе корабли. Въ первый разъ въ жизни

я увидалъ море, и оно произвело на меня невыразимое впечатлѣніе. Огромный, семидесяти - пушечный, парусный корабль плылъ, слегка покачиваясь; волны ударились о бортъ его, вокругъ насъ было небо и море. Тутъ я постигъ, какъ велико могущество человѣка; душа моя была потрясена: я чувствовалъ въ одно и тоже время и страхъ и гордость.

Флотилія наша представляла красивое зрѣлище: корабли плыли въ равномъ разстояніи одинъ отъ другаго; надъ нами было ясное небо, и солнце обдавало яркимъ блескомъ волнующееся море. Этотъ видъ придаетъ величіе мысли и пробуждаетъ въ человѣкѣ сознаніе его духовности. Мы чувствуемъ присутствіе Бога; въ силѣ нашей называется Его могущество. Забываешься, и въ этомъ забытьѣ душа отдыхаетъ, чтобы потомъ, почерпнувъ новыя силы въ созерцаніи безконечнаго, употребить ихъ на преслѣдованіе жизненныхъ цѣлей. Безъ всякихъ усилій съ нашей стороны, движешься впередъ, доставляя стихіямъ везти насъ къ нашему назначенію.

Русскій Императорскій корабль, на которомъ я ѣхалъ изъ Франціи, назывался «Не тронь меня». Въ 1854 году, сорокъ лѣтъ спустя, когда Франція отплатила въ Крыму за 1814 годъ, корабль этотъ былъ въ числѣ другихъ потопленъ при входѣ въ Севастопольскій портъ.

Переплывъ Ла-Маншъ и Па-де-Кале, эскадра наша остановилась на рейдѣ въ Дилъ, у береговъ Англіи, чтобы запасти провизіей. Тогда еще не было пароходовъ, и потому во время затишья, плыли медленно, вслѣдствіе неизбѣжныхъ обходовъ въ узкихъ мѣстахъ, гдѣ лавировать часто бывало невозможно. Офицеры высадились на берегъ; нѣкоторые поѣхали въ Лондонъ, гдѣ тогда находился Императоръ Александръ; другіе же удовольствовались посѣщеніемъ магазиновъ Дили. Англія была первая чужая земля, которую я увидалъ.... Англія показалась мнѣ холодной, непривѣтной, и потому я смотрѣлъ на нее равнодушно, тѣмъ болѣе что надежда влекла меня дальше, и я стремился поскорѣе достигнуть цѣли. Увы! жизнь показала мнѣ, что чѣмъ ближе мы подвигаемся къ цѣли, тѣмъ болѣе она отъ насъ удаляется.

Мы снова отплыли, но вскорѣ затишье принудило насъ остановиться въ Бельтѣ. Отъ нетерпѣнія я былъ въ сильной тревогѣ. Жаръ и неподвижное стояніе на мѣстѣ дѣйствовали на насъ очень утомительно. Тогда, отъ нечего дѣлать, мы стали ѣздить въ гости съ корабля на корабль; лодки засновали во всѣхъ направленіяхъ: видъ былъ оживленный и живописный. Въ одну изъ этихъ поѣздокъ я въ первый разъ увидѣлъ генерала Храповицкаго. Жена его, которая была съ нимъ въ продолженіе всей кампаніи, послужила намъ переводчицей. Свиданіе было самое обыкновенное, но за то Главный Штабъ принялъ меня очень любезно. Это случилось вечеромъ, или лучше сказать въ свѣтлую ночь. Полковая музыка играла мотивы изъ *Весталки* и народныхъ Русскія пѣсни, которыя привели меня въ восхищеніе: я покинулъ Францію, но я еще былъ не въ Россіи; гармоническіе звуки служили соединительнымъ звѣномъ между нами: они возбуждали въ сердцѣ надежду, и оно сочувственно откликалось на нихъ. Я былъ безмятежно счастливъ: на горизонтѣ не было ни одной черной точки.

По обѣимъ сторонамъ корабля спустили въ море большой парусъ, поддерживаемый реями, и въ этой ваннѣ мы могли безопасно плавать, что доставляло намъ здоровое и во всѣхъ отношеніяхъ полезное

упражненіе. Такъ прошло нѣсколько дней; но подулъ легкій вѣтеръ, потомъ все сильнѣе, паруса надулись, и мы снова двинулись въ путь.

Въ Балтійскомъ морѣ я въ первый разъ узналъ что такое полярныя ночи, волшебнымъ дѣйствіемъ которыхъ объясняется мечтательность сѣверныхъ поэтовъ. Онѣ поразительно прекрасны, и подъ ихъ магнетическимъ вліяніемъ душа смягчается, впадая въ какое-то безсиліе. Духъ Оссіана и его бардовъ носится невидимо въ воздухѣ: все такъ неясно, полно таинственности.

Одно воспоминаніе до сихъ еще поръ волнуетъ мою кровь, точно я снова его переживаю: это внезапное, грубое пробужденіе, пушечная пальба, гдѣ-то очень близко.... Въ маленькихъ моряхъ, густые туманы часто мѣшаютъ плаванію: осторожность заставляла насъ подвигаться очень медленно. Было скучно; никто не могъ мнѣ навѣрное сказать, гдѣ мы находимся; я заснулъ съ этой скукой.... и вдругъ пушка извѣщаетъ о нашемъ прибытіи.. «Вставайте! Койки внизъ!» Все пришло въ движеніе, мы привѣтствуемъ Кронштадтъ, а Кронштадтъ привѣтствуетъ насъ. Я выхожу на палубу. Золотой куполь церкви бросается мнѣ въ глаза.... Первый предметъ, произведшій на меня впечатлѣніе своимъ особеннымъ характеромъ, было зданіе воздвигнутое во славу Господа, Отца *всѣхъ* человѣковъ.

Привѣтствую тебя заочно, гостепріимная земля, гдѣ я провелъ лучшее время моей жизни! Лѣта и обстоятельства измѣнили меня; но не измѣнились мои чувства, и теперь, когда завершается кругъ моей жизни, воспоминаніе о надеждахъ молодости сливается съ чувствомъ благодарности въ душѣ моей.

Со всѣхъ кораблей, большая часть офицеровъ поспѣшили высадиться на берегъ. Послѣ утомительной кампаніи имъ естественно хотѣлось поскорѣе, если можно такъ выразиться, обнять свое Отечество, разсказать съ благородною гордостью своимъ объ одержанныхъ ими побѣдахъ. Поспѣшность ихъ была мнѣ понятна, тѣмъ болѣе, что я самъ испытывалъ сильное нетерпѣніе, хотя совсѣмъ по другимъ причинамъ. Дѣло въ томъ, что за что бы ни принялся человѣкъ, онъ всегда желаетъ поскорѣе добиться цѣли. Для меня окончаніе путешествія было началомъ новой жизни; я уже зналъ слишкомъ много, чтобъ не желать узнать еще больше. Жребій былъ брошенъ: исходъ игры зависѣлъ отъ случая. Кромѣ того, ожиданіе какого нибудь предвидѣннаго событія всегда производитъ перемежающуюся лихорадку, въ которой страхъ смѣняется надеждою.

Мои новые друзья увлекли меня съ собою, завтракать въ трактиръ къ Кронштадскому Вери. Заказаны были Русскія кушанья, которыми они съ наслажденіемъ лакомились послѣ долгаго лишенія; для меня же они были отвратительны. Странность всего окружающаго мѣшала составить вѣрную оцѣнку: благодаря ей, всѣ предметы казались иными, отчасти прикрашенными.

Черезъ день всѣ войска были высажены на берегъ и размѣщены по окрестностямъ, въ ожиданіи дня торжественнаго вступленія въ Петербургъ. Измайловскому полку назначили для временнаго мѣстопробыванія Ораніенбаумъ, на другомъ берегу Финскаго залива. Такъ какъ капитанъ мой, еще до отъѣзда изъ Франціи, взялъ меня на свое попеченіе, то мнѣ и не приходилось беспокоиться. Прислуга его заботилась объ устройствѣ жизни и о доставленіи матеріальныхъ удобствъ: постель моя была всегда готова, приборъ стоялъ на столѣ, платье вычищено, и все это дѣлалось безъ моего вѣдома: я пользовался вполне гостепріимствомъ хозяина.

Въ странахъ низкихъ и болотистыхъ дорожатъ всякимъ холмикомъ. Берегъ, гдѣ находится Ораніенбаумъ, возвышается на нѣсколько футовъ надъ уровнемъ моря. Тамъ знаменитый Меншиковъ, любимецъ Петра Великаго, построилъ одноэтажный деревянный домикъ, а повелитель его самъ создалъ себѣ подобіе Версаля, на томъ же берегу, въ такой же мѣстности, но ближе къ столицѣ. На песчаной, мягкой почвѣ выросли, какъ могли, кое-какіе сады: лиственницы, березы, блѣдные, зачахлые цвѣты придаютъ имъ грустный характеръ, не лишенный своего рода граціи. Послѣ лѣтнихъ резиденцій въ окрестностяхъ Парижа, въ Ораніенбаумѣ мнѣ все показалось очень бѣднымъ; однакоже на немъ лежитъ особый отпечатокъ: чувствуется попытка могучей воли, которая, начавъ съ подражанія, создаетъ будущее величіе. С.-Петербургъ—это результатъ идеи, попавшей на неблагоприятную почву. Меншиковъ сдѣлался княземъ, домъ его сталъ называться дворцомъ, а потомъ, перешедши въ собственность казны, сдѣлался любимымъ мѣстопробываніемъ герцога Голштейнъ-Готторпскаго, избраннаго въ наслѣдники престола.

На берегахъ Невы еще свѣжи воспоминанія недавняго прошлаго; если же изустныя преданія и принимаютъ отчасти легендарный характеръ, то это дѣлается, чтобъ смягчить истину фактовъ. Пословица говорить: «Не всякъ попъ кто въ ризѣ», но тамъ приходится измѣнить пословицу и довѣриться виѣшности. Въ самомъ городѣ и во дворцѣ все еще пахнетъ Нѣмцами, которыхъ выводилъ на ученье Петръ III, фанатическій подражатель Фридриха Великаго; въ воздухѣ чуются отголоски команды, подъ которую двигались размѣренными шагами Голштинцы....

Черезъ нѣсколько дней послѣ нашего поселенія въ Ораніенбаумѣ наступило 29-е Юня, Петровъ день, который по преданію всегда празднуется въ Петергофѣ; и тутъ я имѣлъ случай увидать вблизи Петербургское населеніе и, судя только по виѣшности, могъ составить себѣ хоть какое нибудь понятіе о незнакомой для меня странѣ и ея жителяхъ.

Мы отправились туда моремъ. Петергофскій праздникъ, самый блестящій, живописный и многолюдный изъ всѣхъ лѣтнихъ гуляній, заслуживаетъ описанія и по цѣли, и еще болѣе по своему оригинальному характеру. Для Петербурга Петергофъ тоже чтó для Парижа Версаль, т. е. средоточіе роскоши и великолѣпія, куда городскіе жители отправляются удивляться и вспоминать о событіяхъ, сохраняющихся въ памяти многихъ и передаваемыхъ, въ изустныхъ разсказахъ, тѣми, которые знали, видѣли и слышали участниковъ Петергофскихъ драмъ.

Петръ I началъ строить Петергофъ, послѣ того какъ увидалъ Версаль, но императорская резиденція имѣетъ многія преимущества, которыхъ лишенъ Версаль: изъ оконъ дворца царь могъ любоваться флотомъ, между тѣмъ какъ Французскому королю никогда не пришло въ голову помѣстить что нибудь кромѣ маленькой лодочки на большомъ Швейцарскомъ пруду.

Петергофскій дворецъ строилъ Французскій архитекторъ Леблондъ. Начиная отъ самаго зданія, по всей отлогости тянутся и спускаются къ морю сады. На одномъ концѣ возвышается златоглавая церковь, а на другомъ павильонъ. Внутри дворецъ великолѣпно отдѣланъ; тяжелыя рѣзныя украшенія, съ густой позолотой, имѣютъ старинный характеръ. Петергофскій дворецъ не обширенъ, такъ что августѣйшая семья не

можетъ въ немъ помѣститься. Причина этой относительной тѣсноты заключается въ извѣстной простотѣ нравовъ Преобразователя, который не любилъ обширныхъ зданій, такъ что пришлось придѣлать многочисленныя пристройки. Съ одной стороны на берегу моря, въ самой уединенной части парка, стоитъ *Монтлемиръ*; на другой сторонѣ выстроенъ, тоже на берегу, каменный, двухъ-этажный замокъ Марли, окруженный со всѣхъ сторонъ водою, который императрица Елисавета предпочитала большому зданію, казаншемуся ей слишкомъ тѣснымъ для дворца. Дальше, на берегу же моря, стоитъ одна изъ тѣхъ деревянныхъ хижинъ, въ которыхъ любилъ жить основатель Петергофа.

Петергофскій фонтанъ напоминаетъ нѣсколько фонтанъ въ Сентъ-Клу, хотя онъ меньше его и не такъ изыщенъ; но въ немъ замѣчательна бронзовая группа Самсона, разрывающаго пасть льву. Колоссальная струя воды вырывается изъ пасти и падаетъ съ необычайной высоты. Группа имѣетъ аллегорическое значеніе: она напоминаетъ Полтавскую побѣду, одержанную въ тотъ день, когда празднуется память св. Самсона. Какъ извѣстно, на гербѣ Карла XII былъ изображенъ левъ.

Еще наканунѣ, заливъ, начиная отъ пристани по Невѣ и вплоть до императорской дачи, представлялъ дорогу, сплошь покрытую всевозможными лодками. Такъ какъ въ это время года ночи не бываетъ, а только сумерки, то всѣ предпочитаютъ ѣхать до солнечнаго восхода, во избѣжаніе сильнаго жара. Великолѣпное зрѣлище представляетъ спокойный, свѣтлый заливъ, по волнамъ котораго извивается безконечная черная лента, связывающая между собою городъ и дворъ Петра Великаго. (Петергофъ значитъ дворъ Петра). Въ неясномъ сумракѣ ночи все сливается вмѣстѣ: и предметы, и море, и небо; лодка тихо покачивается, и черезъ нѣсколько часовъ вы достигаете цѣли, не успѣвъ даже подумать объ опасности.

Въ самый день праздника, толпа въ садахъ увеличивается съ часу на часъ; вплоть до ночи она свободно вездѣ разгуливаетъ, даже подъ окнами дворца. Днемъ бываетъ разводъ, вечеромъ въ залахъ дворца маскарадъ, куда допускаются всѣ безъ различія сословій; при звукахъ огромнаго оркестра, Императоръ и всѣ члены царской фамиліи проходятъ въ этой сплошной толпѣ; прогулка эта называется полонезомъ. Названіе же маскарада нельзя принимать въ обыкновенномъ смыслѣ слова: въ немъ допускается на минуту сліяніе всѣхъ сословій, но всѣ присутствующіе безъ масокъ; только военные и мушкетеры, принадлежащіе къ высшимъ классамъ общества, обязаны надѣвать сверхъ мундира небольшой черный шелковый плащъ въ родѣ Венеціанскаго. Балъ продолжается недолго, потому что самое любопытное зрѣлище въ саду.

Разноязычная пестрая толпа людей всѣхъ сословій, всѣхъ возрастовъ, въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, движется почти беззвучно во всѣхъ направленіяхъ. Это отличительная черта Русскаго народа, что онъ двигается безъ шума и въ молчаніи. Особенно поражаетъ разнообразіе физіономій и народностей: мѣдножелтые Татары, Славяне, красотою типа напоминающіе Грековъ, блѣловолосые Финны, щеголи, одѣтые по послѣдней Парижской модѣ, бородастые купцы-милліонеры отличающіеся простотою въ одеждѣ; съ ними ихъ жены и дочери въ старинныхъ народныхъ одѣяніяхъ, золотыхъ и парчевыхъ кофтахъ, и на головѣ повязка, усыпанная жемчугомъ и брилліантами.

На газонахъ между аллеями разносятъ чай, кофей, медъ; продаютъ плоды, соленья, Шампанское и Русскую водку. Всѣ проводятъ этотъ день въ саду, кто какъ хочетъ и какъ можетъ. Гуляютъ по берегу моря, вдоль озера, которое, находясь на возвышеніи позади дворца, снабжаеетъ водою каскады и фонтаны; осматриваютъ оранжереи, любуются цвѣтами, стоящими большихъ трудовъ и денегъ; удивляются огромной купальнѣ, которая такъ обширна, что могла бы при случаѣ служить ареной для примѣрнаго морскаго сраженія; останавливаются передъ рѣшетками, окружающими Монплеизиръ и Марли. Корабли и яхты, разукрашенные флагами, раскинулись полукругомъ, точно лагерныя палатки. Ихъ видно отовсюду. Направо виднѣется Кронштадтъ, нѣскольکو главъ Петербургскихъ церквей. Наступаетъ лучшая минута праздника.

По деревьямъ кое-гдѣ скользятъ почти незамѣтно бѣглые огоньки. Они разгораются, поднимаются, опускаются. Вдругъ, по мановенію волшебной палочки, бассейны охвачены огненнымъ кольцомъ, фонтаны брызжутъ блестящей струей; деревья покрыты мириадами звѣздъ; на сводахъ аллей нависли яркіе фестоны, горящія гирлянды. Тысячи фантастическихъ рисунковъ, фигуръ, граціозныхъ арабесковъ свѣтятся по всему саду, дворецъ и терраса сплошь залиты огнемъ, безчисленныя радуги сверкаютъ вокругъ группы Самсона. Въ концѣ канала, идущаго отъ террасы къ морю, высоко въ небѣ горитъ вѣнзель Императора посреди громаднаго солнца изъ брилліантовъ, изумрудовъ и рубиновъ, а въ глубинѣ залива корабли иллюминированы по всѣмъ снастямъ, и длинная вереница огней теряется въ туманной дали.

Волшебный міръ Арабскихъ сказокъ встаетъ передъ вами, и вы вспоминаете тѣ чудныя картины изъ тысячи и одной ночи, которыя такъ восхищали васъ въ дѣтствѣ. Только въ Россіи возможна такая мгновенная, магическая иллюминація. Всеобщій восторгъ овладѣваетъ зрителями, и нельзя не сочувствовать ему и не раздѣлять народнаго энтузіазма, при появленіи Государя, миротворца Франціи и Европы, окруженнаго сіяніемъ славы. Великая тѣнь Петра паритъ надъ всѣми чудесами волшебнаго міра.

Такимъ образомъ, еще прежде вступленія въ столицу Россіи, я уже испыталъ такія сильныя впечатлѣнія, которыя забыть невозможно. И когда, вернувшись въ нашъ уединенный Ораніенбаумъ, я хотѣлъ выразить ихъ моимъ друзьямъ, приковавшимъ меня, такъ сказать, къ своей побѣдной колесницѣ, въ первый разъ въ жизни, обычное многорѣчіе покинуло меня: я почувствовалъ на глазахъ слезы. Этотъ способъ выраженія чувства былъ лучше всего, что я могъ бы сказать.

Офицерамъ было позволено, еще до торжественнаго вступленія войскъ, съѣздить въ Петербургъ, но только въ статскомъ платьѣ. Мой капитанъ предложилъ мнѣ отправиться вмѣстѣ, такъ какъ одному мнѣ было бы невозможно ѣхать. Послѣ Петергофскаго великолѣпія, городъ Петра I разочаровалъ меня съ перваго взгляда; только центръ его немного соотвѣтствовалъ моимъ ожиданіямъ. Начиная отъ заставы, гдѣ была на время воздвигнута триумфальная арка въ видѣ декорации, и до самой Фонтанки, гдѣ находились казармы Измайловскаго полка, я ничего не видалъ, кромѣ деревянныхъ домиковъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ на огромномъ пространствѣ, и проектированныхъ, грязныхъ улицъ, гдѣ нужно было пробираться по деревяннымъ мостикамъ. Домъ Гарновскаго, въ которомъ помѣ-

щались офицеры, находился на набережной; тамъ же долженъ былъ жить и я, благодаря гостепріимству человѣка, который какъ будто усыновилъ меня. Поѣздку эту онъ предпринялъ отчасти съ цѣлію увидать заранѣе что нужно для мебелировки нашего жилища, чтобы можно было тотчасъ по пріѣздѣ приняться за дѣло. Человѣкъ этотъ не былъ ни богатъ, ни знатенъ; но доброе сердце и привлекательный умъ придавали истинное благородство его личности: его внутреннія достоинства замѣняли титулы, которыхъ у него не было.

Рано утромъ, еще до разсвѣта, мы отправились въ маленькомъ экипажѣ, называемомъ дрожками и пріѣхали въ Петербургъ къ завтраку. Тогда существовалъ только одинъ ресторанъ, устроенный по образцу Парижскихъ. Онъ помѣщался въ небольшомъ зданіи на Адмиралтейскомъ бульварѣ. Мы заплатили очень дорого за очень плохой обѣдъ.

На бульварѣ сидѣлъ на скамейкѣ какой-то человѣкъ. При нашемъ приближеніи, онъ всталъ и поздоровался съ моимъ капитаномъ.

— Какъ я радъ видѣть васъ! сказалъ онъ. До сихъ поръ мнѣ еще не удалось взглянуть ни на одного изъ нашихъ славныхъ героевъ! Поздравляю и васъ и себя съ счастливымъ возвращеніемъ. Вы, кажется, здѣсь инкогнито?

— Да, я долженъ былъ удовлетворить любопытству этого господина: онъ желалъ видѣть Петербургъ; отвѣчалъ капитанъ. Позвольте, Филиппъ Филиппычъ, познакомить васъ съ молодымъ Французомъ, который препорученъ моимъ попеченіямъ: онъ поступилъ къ намъ на службу.

Исторія моя была передана въ короткихъ словахъ, но очень мило и съ умѣньемъ. Слушая его, я понялъ, какова должна быть тема моихъ рассказовъ въ послѣдствіи, и какъ ее можно видоизмѣнять при случаѣ, для различныхъ особъ, которымъ нужно внушить о себѣ выгодное мнѣніе. Мой покровитель сѣялъ на хорошо подготовленную почву, и сѣмя тотчасъ же пускало ростки: я замѣтилъ, какъ сильно подѣйствовала на слушателя оригинальность моего положенія.

— Но это прелестно! сказалъ онъ. Это истинно-Французская лестъ: мы должны васъ благодарить и гордиться, какъ трофеемъ побѣды. Мы обязаны васъ хорошо принять; мы, Русскіе, умѣемъ любить тѣхъ, кто насъ любитъ. Очень радъ съ вами познакомиться. Вы теперь нашъ, по волѣ Государя, и другой рекомендаціи не нужно. Я болѣе не сомнѣваюсь въ искренности примиренія между Россіей и Франціей.

Слова эти были проговорены такъ вѣжливо, искренно и сопровождались такимъ глубокимъ, выразительнымъ взглядомъ, что я едва не смѣтился. Я понялъ, что передо мною человѣкъ, въ совершенствѣ изучившій искусство сразу овладѣвать людьми, чтобы потомъ дѣлать изъ нихъ что ему угодно. Но если онъ былъ хитеръ, то и я былъ не изъ робкихъ.

Мой капитанъ, казалось, былъ очень доволенъ этой встрѣчей. Увѣренный въ моей смѣтливости и зная, что я съумѣю быть именно такимъ, какъ слѣдуетъ быть и казаться, онъ сдѣлалъ рѣшительный шагъ, который могъ способствовать моимъ успѣхамъ. Хотя мое присутствіе нисколько не могло стѣснить моего вожатаго, благодаря моему незнанію Русскаго языка; однако онъ, подъ предлогомъ визитовъ къ почтеннымъ родственникамъ и другихъ дѣлъ, попросилъ Филипа Филиппыча взять меня на свое попеченіе и быть

моимъ путеводителемъ по незнакомымъ улицамъ и площадямъ Петербурга.

— Во имя Русскаго гостепріимства, сказалъ онъ ему: замѣните мѣсто опекуна.

— Я буду вашимъ адъютантомъ по гражданской части, благосклонно отвѣчалъ тотъ.

— Ну въ этомъ случаѣ вы можете помѣяться силами, господа. Но я увѣренъ, что вы будете драться тупымъ оружіемъ, какъ всегда дѣлается въ началѣ. Хотя вы оба охотники острословить, но вамъ нѣтъ выгоды колоть другъ друга. Филиппъ Филиппычъ, рекомендую вамъ писателя, который нисколько не думаетъ отказываться отъ своего званія. Будьте Меценатомъ этому Горацію, и онъ будетъ васъ восхвалять въ своихъ одахъ.

Въ глазахъ моего новаго знакома блеснуло добродушное лукавство. Я понялъ, что насъ думали сблизить посредствомъ притягательной силы литературы. Мы условились съ капитаномъ, гдѣ и когда намъ опять сойтись, и я остался подъ покровительствомъ одного изъ самыхъ остроумныхъ людей, какого я когда либо встрѣчалъ и который служилъ мнѣ путеводителемъ во все время моего пребыванія въ Россіи. Какъ же послѣ того не поклониться неизвѣстному божеству, называемому случаемъ?

Ф. Ф. Вигель было тогда лѣтъ тридцать. Съ перваго взгляда онъ не поражаѣлъ благородствомъ осанки и тою изящною образованностью, которою отличались Русскіе дворяне и которая была выдающеюся чертою общества, стремящагося къ цивилизаціи и желающаго казаться уже цивилизованнымъ (хотя въ дѣйствительности все это было только на поверхности). Слова Наполеона: «*Поскребите Русскаго, и окажется Татаринъ*», были вполне справедливы въ то время. Но я думаю, что мой новый знакомецъ оказался бы не Татариномъ, а скорѣе Византійскимъ Грекомъ, конечно не такимъ педантомъ, какъ они, но можетъ быть похитрѣе и во всякомъ случаѣ остроумнѣе ихъ. Круглое лицо съ выдающимися скулами заканчивалось острымъ пріятнымъ подбородкомъ; ротъ маленькій съ ярко-красными губами, которыя имѣли привычку стягиваться въ улыбку и тогда становились похожи на круглую вишенку. Это случалось при всякомъ выраженіи удовольствія: онъ какъ будто хотѣлъ скрыть улыбку, словно скупой, который бережетъ свои золотыя слова и довольствуется только ихъ звукомъ. Рѣчь его отличалась особеннымъ характеромъ: она обильно пересыпалась удачными выраженіями, легкими стишками, анекдотами, и все это вмѣстѣ съ утонченностью выраженія и щеголеватостью языка придавало невыразимую прелесть его разговору. Его слова были точно мелкая, отчетливо-отчеканенная монета; она принималась охотно во всѣхъ конторахъ. Но иногда его заостренные словечки больно кололись: очень остроумнымъ нельзя быть безъ нѣкоторой дозы злости. Его взоръ блестѣлъ лукаво, но въ тоже время и привлекалъ къ себѣ. Какъ всегда въ природѣ, электрическая искра служила предвозвѣстницей громоваго удара.

Не желая изучать Вигеля, я съ перваго раза высказался передъ нимъ весь, безъ утайки, для того чтобъ оправдать лестное мнѣніе, которое ему было внушено обо мнѣ. Кокетство умомъ становилось обязательнымъ, хотя я тоже понималъ, что онъ не долженъ видѣть моихъ уловокъ. Я старался держать себя просто, безъ претензій: и, вѣроятно, судя по разговору, который тянулся не прерываясь, ров-

ною нитью, я успѣлъ ему понравиться. Мы направлялись къ Невѣ, чтобы, какъ сказалъ мой проводникъ, прежде поклониться работнику, а потомъ уже осматривать его произведеніе.

Мы остановились передъ статуей Петра Великаго. Какъ очень умный человѣкъ, Вигель не обратился ко мнѣ съ излишними вопросами, непремѣнно требующими изъясненій восторга; онъ ограничился простымъ объясненіемъ, какъ будто хотѣлъ этимъ сказать: «истинное гостепріимство заключается въ томъ, чтобъ никого ничѣмъ не стѣснять; вы вольны въ своихъ сужденіяхъ».

— Этотъ памятникъ, сказалъ онъ, воздвигнутый Петру Первому Екатериной II, какъ вы можете видѣть изъ Латинской надписи, есть произведеніе вашего соотечественника Фальконета. Гранитный утесъ, служащій ему подножіемъ, былъ первоначально вдвое выше; но вы видите, что теперь изъ него сдѣлали, вѣроятно, для того, чтобы опровергнуть слова Сегюра, вашего литературнаго собрата, который увѣряетъ въ своемъ стихотвореніи (написанномъ, впрочемъ съ похвальною цѣлю), что съ высоты царю кажется его имперія гораздо обширнѣе, чѣмъ какъ она создавалась въ его воображеніи.

— Господинъ Сегюръ не виноватъ, отвѣчалъ я, если вы постоянно расширяете предѣлы вашихъ владѣній. Конечно, онъ не могъ предвидѣть, что одинъ изъ его собратьевъ по стихотворству (я только повторяю ваши слова) будетъ привезенъ изъ Парижа, и суждено будетъ ему жить подъ сѣнію вашихъ знаменъ, среди вашихъ побѣдоносныхъ легионовъ. Благодаря вамъ, я теперь вижу такое безграничное пространство вокругъ себя, что глаза мои должны сначала привыкнуть различать предметы, прежде чѣмъ я могу составить себѣ приблизительно - вѣрное понятіе объ ихъ отношеніяхъ. Въ настоящую минуту я плохой судья; позвольте сначала осмотрѣться.

Губы сложились въ вишенку, въ глазахъ блеснула улыбка. Онъ отвѣчалъ съ чисто-Русскою живостію:

— Вы очень осторожны. Чтобъ судить о предметахъ, нужно ихъ прежде видѣть. Въ эту минуту, наша прогулка имѣетъ лишь топографическую цѣль. Положимъ, что Петръ I и не созерцаетъ свою имперію, но рука его простирается надъ Невой. Еще нѣсколько шаговъ, и вы увидите нашу рѣку въ ея гранитномъ ящикѣ.

Видъ Невы произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Мостъ, соединявшій въ этомъ мѣстѣ обѣ части города, былъ разведенъ, и множество барокъ двигалось вдоль величественной рѣки. Обстоятельство это удивило моего чичероне. Онъ обратился съ распросами къ другимъ, и мы узнали, что въ этотъ день съ Адмиралтейской верфи готовились спускать большой, только что отстроенный, корабль, и что Императоръ и весь дворъ должны были присутствовать при этой церемоніи.

— Видите ли, какое великолѣпное зрѣлище назначено въ честь вашего пріѣзда! А я этого и не зналъ. Надѣюсь, что вы насъ поблагодарите за сюрпризъ. Я вообще не люблю толпы; но вамъ, вѣроятно, будетъ любопытно видѣть все, и вы не побоитесь тѣсноты. Вашъ капитанъ можетъ вамъ оказать покровительство, хотъ онъ и безъ эполетъ сегодня. Теперь я васъ оставляю, но надѣюсь, что увижу васъ опять. Вотъ что я вамъ предлагаю: вамъ необходимо имѣть друзей вашихъ лѣтъ; я вамъ ихъ доставлю, и всѣмъ отъ этого будетъ хорошо. По крайней мѣрѣ это будетъ моей заслугой, за неимѣніемъ другихъ. Послѣ церемоніи, я васъ увижу и не разстанусь съ вами до самаго отъѣзда.

Предложеніе было принято съ радостью. Капитанъ мой поздравилъ меня съ побѣдой.

Хотя всѣ побаивались въ Вигелѣ его саркастическаго ума, а можетъ быть и вслѣдствіе этого, онъ былъ вездѣ принятъ; у него были обширныя связи именно въ томъ мірѣ, гдѣ я могъ надѣяться на успѣхъ, въ мірѣ литературномъ, во главѣ котораго стоялъ Карамзинъ, знаменитый историкъ, благодаря которому литераторы начинали имѣть значеніе въ обществѣ.

Скоро Адмиралтейская площадь покрылась экипажами и пѣшеходами. Тѣ, у которыхъ были билеты, входили въ зданіе верфи; толпа стояла у воротъ. Приѣхало нѣсколько придворныхъ каретъ, и наконецъ Государь вмѣстѣ съ императрицей Маріей Ѳеодоровной, окруженные многочисленной, блестящей свитой. Всѣ присутствующіе сняли шапки и наклонили головы въ почтительномъ безмолвіи. Тутъ я понялъ, что «ура»—не выраженіе радости, но скорѣе военный крикъ: у Русскихъ энтузіазмъ выражается молчаливою радостью и внутреннею увѣренностью, что повелитель не сомнѣвается въ ихъ вѣрности и любви къ нему. Когда вы стоите въ толпѣ, то если у васъ нѣтъ особыхъ поглощающихъ интересовъ, вы непременно подчиняетесь всеобщему настроенію, и волею пли неволею тоже начинаете волноваться вмѣстѣ съ другими.

Блескъ и пышность, окружавшія неограниченнаго властителя, приковали мое вниманіе, и я не могу забыть впечатлѣнія, произведеннаго всей этой сценой. Особенно поразили меня своею странностью двое молодыхъ людей, слѣдовавшихъ верхомъ за императорской каретой. Нужно замѣтить, что лошади ихъ становились на дыбы. Они были высокаго роста, въ шитыхъ золотомъ мундирахъ, съ напудренными головами и въ треугольныхъ шляпахъ, привязанныхъ ремнемъ подъ подбородкомъ. Вѣроятно, этотъ рѣзкій контрастъ между костюмомъ и свѣжими, молодыми лицами особенно привлекъ мой взглядъ; я смотрѣлъ на нихъ такъ внимательно, что ихъ лица, замѣчательныя по правильности линій, навсегда остались въ моей памяти и чрезвычайно отчетливо. Въ Петергофѣ, гдѣ все было такъ пышно и торжественно, я не удивлялся, видя высшихъ сановниковъ съ напудренными головами; но здѣсь, въ этой маленькой свитѣ, эти молодые люди казались мнѣ такъ странны, что я выразилъ свое удивленіе. Мнѣ отвѣчали, что эти всадники—придворные пажи.

Императрица Марія Ѳеодоровна строго держалась придворнаго этикета, установленнаго въ предыдущія царствованія, и покуда она была жива, въ этомъ отношеніи не было сдѣлано ни малѣйшаго измѣненія. По этому поводу разсказываютъ слѣдующій анекдотъ о князѣ Куракинѣ. Стѣснительный, мелочпой этикетъ находилъ себѣ ревностныхъ защитниковъ и послѣдователей въ кругу приближенныхъ ко двору особъ. Князь Александръ Куракинъ, бывшій посланникомъ въ Парижѣ передъ войной съ Наполеономъ, принадлежалъ къ этому кружку. Каждое утро, когда онъ просыпался, камердинеръ подавалъ ему книгу, въ родѣ альбома, гдѣ находились образчики матерій, изъ которыхъ были сшиты его великолѣпные костюмы и образцы шитья. При каждомъ костюмѣ были особенная шапа, пряжки, перстень, табатерка и т. д. Какъ говоритъ маркизъ Маскариль у Мольера: «все было въ особенностяхи и въ исправности». Однажды, играя въ карты у Императрицы, князь внезапно почувствовалъ дурноту: открывая табатерку, онъ увидалъ, что перстень, бывшій у него на пальцѣ,

совсѣмъ не подходитъ къ табатеркѣ, а табатерка не соотвѣтствуетъ остальному костюму. Волненіе его было такъ сильно, что онъ съ крупными картами проигралъ игру; но, къ счастью, никто кромѣ него не замѣтилъ ужасной небрежности камердинера.

Когда Императоръ со свитою взошелъ на верфь, вся толпа хлынула къ Невѣ, чтобъ видѣть, какъ будутъ спускать корабль: набережная съ обѣихъ сторонъ вплоть до залива была усыяна любопытными, и когда громадный колоссъ величественно поплылъ по волнамъ, его привѣтствовало громогласное ура. Отъ сильнаго сотрясенія рѣка взволновалась, но вскорѣ успокоилась и понесла новый корабль къ цѣли его назначенія.

Наступилъ часъ, назначенный Вигелемъ для нашего свиданія. Условившись насчетъ отъѣзда въ Ораніенбаумъ, капитанъ опять поручилъ меня тому, кто долженъ былъ открыть мнѣ двери гостиныхъ и тѣмъ закрыть пути къ серьезной дѣятельности, которая могла бы и меня, какъ и другихъ, привести къ богатству и почестямъ. Если вы не очень устали, сказалъ мнѣ Вигель, пойдемте пѣшкомъ; по крайней мѣрѣ вы познакомитесь съ нашими ужасными мостовыми. Да кромѣ того, на ходу лучше говорится, такъ что я буду въ барышахъ; а въ нашихъ экипажахъ стукъ колесъ заглушаетъ слова. Прежде всего, я долженъ вамъ сказать, куда я васъ веду. Есть у меня родственникъ, нѣкто г-нъ Тухачевскій. Онъ губернаторомъ въ Пензѣ и управляетъ своимъ краемъ, и кромѣ того своими собственными дѣлами, дѣлами племянника, имѣющаго пятнадцать тысячъ душъ крестьянъ (онъ состоитъ его опекуномъ), а также изъ усердія и моими дѣлами, за что я ему весьма благодаренъ. Жена его принуждена жить въ Петербургѣ, такъ какъ этого требуетъ будущая польза ихъ дѣтей. Къ ней-то я васъ и веду. Домъ ея не роскошенъ и не обширенъ, но вы тамъ найдете ласковый пріемъ, а это лучше всего. Кажется, для начала вамъ нужно именно такое общество; а потомъ въ знакомыхъ у васъ не будетъ недостатка: вы Французъ, а къ Французамъ мы все таки чувствуемъ большое расположеніе; вы молодцы, а мы любимъ молодость и весну; у васъ, кажется, очень живой умъ, вы оживите насъ. Такъ какъ я первый васъ нашелъ, то для меня тутъ есть выгода; стало быть, благодарить вамъ меня не за что. Впослѣдствіи когда вы нѣсколько обрусѣете (Французъ всегда остается Французомъ, Русскимъ и вы не будете), то я васъ познакомлю съ людьми, которые составляютъ нашу гордость: вы безъ сомнѣнія счумѣете оцѣнить ихъ достоинства. У г-жи Тухачевской вы встрѣтите одну изъ вашихъ соотечественницъ. Нѣтъ ни одной семьи, гдѣ бы ихъ не было въ качествѣ чего нибудь. Мы—сѣверные Французы, не забывайте этого. Постарайтесь ей понравиться; на всякій случай даю вамъ благоразумный совѣтъ.

Въ эту минуту Филиппъ Филиппычъ показался мнѣ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Это былъ уже не свѣтскій Русскій, желающій подчинить всѣхъ своему вліянію и для этой цѣли пускающій въ ходъ всю силу ума и сарказма; это былъ простой Русскій, такой, какого мнѣ было надо. Я внезапно почувствовалъ приливъ любви и признательности, и эти чувства навсегда остались во мнѣ, не смотря на то, что его характеръ, капризный, требовательный, измѣнчивый, подчасъ даже сумасбродный, имѣлъ вліяніе на наши отношенія. Вигель былъ не изъ тѣхъ людей, которыхъ можно опредѣлить съ перваго раза: чтобъ изучить его хорошія и дурныя свойства, нужны

были благопріятныя обстоятельства, много наблюдательности и способность къ анализу.

Такъ какъ въ Петербургскомъ обществѣ отдѣлъ въ газетахъ подъ названіемъ «*Разныя Извѣстія*», «*Смѣсь*», не отличался разнообразіемъ, то я почти увѣренъ, что Вигель уже разболталъ обо мнѣ. Отчасти онъ это сдѣлалъ, чтобъ заинтересовать своихъ друзей, а отчасти чтобъ имѣть удовольствіе быть живымъ предисловіемъ къ странной исторіи, которую я изображалъ собою. Но я не думаю, чтобъ онъ успѣлъ предупредить свою родственницу. Въ то время гостепріимство было отличительной чертой Русскихъ нравовъ. Можно было пріѣхать въ домъ къ обѣду и сѣсть за него безъ приглашенія. Хозяева предоставляли полную свободу гостямъ и въ свою очередь тоже не стѣснялись, распоряжаясь временемъ и не обращая вниманія на посѣтителей: одно неизбѣжно вытекало изъ другаго.—Разсказывали, что въ нѣкоторыхъ домахъ, между прочимъ у графа Строгонова, являться въ гостинную не было обязательно. Какой-то человѣкъ, котораго никто не зналъ ни по имени, ни какой онъ былъ націи, тридцать лѣтъ сряду аккуратно являлся всякій день къ обѣду. Неизбѣжный гость приходилъ всегда въ томъ же самомъ чисто-вычищенномъ фракѣ, садился на тоже самое мѣсто, и наконецъ сдѣлался какъ будто домашнею вещью. Одинъ разъ мѣсто его оказалось незанято, и тогда лишь графъ замѣтилъ, что прежде тутъ кто-то сидѣлъ. «О! сказалъ графъ, должно быть, бѣдняга померъ». Дѣйствительно онъ умеръ дорогой, идя по обыкновенію обѣдать къ графу.

(Продолженіе будетъ).

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ИППОЛИТА ОЖЕ ¹⁾.

(Переведено съ неизданнаго Французскаго подлинника).

Вигель представилъ меня своей родственницѣ, какъ умнаго Француза, не помнящаго зла, и въ доказательство разсказалъ, зачѣмъ я пріѣхалъ въ Россію и какъ я путешествовалъ съ Измайловскимъ полкомъ. Г-жа Тухачевская была одна въ гостпной. Она поздравила меня и сказала, что съ своей стороны постарается сдѣлать для меня пребываніе въ Россіи по крайней мѣрѣ пріятнымъ и сочтетъ себя счастливой, если ей это удастся.

Это была женщина довольно толстая, нисколько не изящная, но на лицѣ ея выражалась такая доброта, что я ее сразу полюбилъ за ласковыя слова.—«Мой старшій сынъ, сказала она, еще не вернулся изъ Франціи, хотя Семеновскій полкъ уже пришелъ; онъ хотѣлъ повидаться въ Мецѣ съ семействомъ одной Француженки, дорогой для насъ особы. Недавно я ее выдала замужъ за Француза, и она по прежнему живетъ у насъ въ домѣ. У меня другой сынъ и племянникъ вашихъ лѣтъ. Сегодня вы ихъ увидите; они нынче отдыхаютъ послѣ дежурства. Подите, познакомьтесь съ ними: Филиппъ Филиповичъ ихъ вамъ представитъ. Дочь моя тоже скоро пріѣдетъ, и мы всѣ будемъ всегда вамъ рады». Голосъ у ней былъ пріятный, и она проговорила все это чрезвычайно любезно и ласково.

Мы отворили дверь въ комнату молодыхъ людей, и чтоже? Я увидалъ передъ собою молодыхъ пажей, которые такъ поразили меня утромъ, когда они ѣхали за каретой Императрицы. Головы ихъ все еще были напудрены, и впечатлѣніе на этотъ разъ было такое же, какъ и тогда: что-то въ родѣ предчувствія, хотя предчувствовать было нечего.... Они были веселы, шаловливы какъ дѣти; и я, смотря на нихъ и слушая ихъ рѣчи, пожалѣлъ, что, при всемъ равенствѣ лѣтъ, я не могу быть такъ безпеченъ, какъ они: я не могъ забыть прошлаго, не могъ не думать о будущемъ.

Благодаря Вигелю, завязался непринужденный разговоръ, въ которомъ каждый принялъ участіе, не боясь показаться ни слишкомъ пустымъ, ни слишкомъ серьезнымъ. Чтобъ заставить такъ разговаривать людей совершенно незнакомыхъ, которымъ нечего сказать другъ другу кромѣ пустяковъ, нужно много остроумія; даже больше: нужно имѣть особенный талантъ. Вигель владѣлъ этимъ искусствомъ въ совершенствѣ: онъ извлекалъ звуки изъ камня, но, конечно, не могъ заставить дурака говорить умно. Этого чуда и онъ не въ состояніи былъ сдѣлать.

¹⁾ См. выше, стр. 51.

Пришли доложить, что кушанье подано. Пажи сняли халаты, эту необходимую принадлежность отдыха для людей, затинутыхъ въ мундиры, и надѣли изящные полуформенные сюртуки. Мы вчетверомъ отправились въ гостиную, какъ люди уже освоившіеся между собою. Съ хозяйкой сидѣли двѣ дамы: одна ея дочь, молодая граціозная женщина, одѣтая чрезвычайно просто; другая, другъ дома, маленькая, сухая, угловатая Француженка, повидимому безъ всякихъ претензій. Рядомъ съ ней сидѣлъ ея мужъ, длинный, безобразный, вульгарный Французъ-учитель, г-нъ Туванъ (Touvent). Онъ первый заговорилъ со мной.

И опять Вигель, съ обычнымъ остроуміемъ и рѣдкимъ тактомъ, повелъ разговоръ такъ, что каждый имѣлъ возможность вставить свое слово. За обѣдомъ говорили обо всемъ: о Россіи, о Франціи, о войнѣ, о мирѣ, о дружескихъ отношеніяхъ въ будущемъ и очень много обо мнѣ, такъ что я могъ бы смутиться, если бы у меня были какіе нибудь предвзятые планы.

Но въ этомъ отношеніи меня ничто не стѣсняло, и я могъ говорить что хотѣлъ, подвергаясь опасности быть заподозрѣну, что я или слишкомъ скрытенъ, или же совершенно равнодушенъ къ будущей судьбѣ своей. Такъ какъ я держалъ себя очень непринужденно, то и нельзя было сразу составить обо мнѣ какое нибудь мнѣніе. Какъ мнѣ показалось, Вигель, будучи безспорно умнѣ всѣхъ остальныхъ собесѣдниковъ, старался по догадкѣ оцѣнить мои достоинства, и повидимому былъ доволенъ: впечатлѣніе не понизилось; оно стояло на нулѣ.

Меня пригласили бывать какъ можно чаще, какъ только я устроюсь съ своими служебными дѣлами. Добрая Тухачевская выразилась, что она на меня будетъ смотрѣть, какъ на родного сына. «Еслибъ, сказала она, одному изъ моихъ сыновей пришлось въ ваши лѣта быть во Франціи въ такомъ же положеніи, въ какомъ теперь вы, какъ бы я была счастлива, еслибъ могла думать, что ваша мать приняла въ немъ участіе, какъ я принимаю въ васъ».

Камеръ-пажъ Николай Тухачевскій представлялъ собою самый красивый типъ Славянина, какой только можно было встрѣтить въ Петербургѣ. Сложеніемъ и чертами лица онъ напоминалъ древняго Антиноя. Напудренная голова придавала ему еще болѣе изящества. Его двоюродный братъ Кирѣевскій, бывший также пажемъ, не уступалъ ему наружностью, хотя черты лица у него были менѣ правильны. Какъ у всѣхъ Русскихъ, музыкальное чувство въ нихъ было сильно развито отъ природы. Славянинъ поетъ какъ птица: у него свои напѣвы съ особеннымъ ритмомъ, чистый голосъ и вѣрный слухъ; пѣніе онъ любитъ больше всего на свѣтѣ.

Во всѣхъ Русскихъ деревняхъ, во всѣхъ полкахъ есть свои хоровыя пѣсни, въ коихъ мелодія искусно сочетается съ гармоніею, и все это дѣлается само собою, безъ знанія какихъ бы то ни было правилъ. Въ пѣсняхъ преобладаетъ минорный тонъ, но хоровые припѣвы поражаютъ и увлекаютъ неожиданнымъ контрастомъ. Дайте Русскому струнный инструментъ, и онъ, не зная ни одной ноты, по слуху, по голосу, руководимый природнымъ вкусомъ, подберетъ вамъ совершенно правильные аккорды.

За обѣдомъ говорили о новой опереткѣ «Казакъ Стихотворецъ», которая тогда имѣла большой успѣхъ на сценѣ Русскаго театра. Когда встали изъ-за стола, Филипъ Филиповичъ, отчасти чтобы сдѣлать

мнѣ удовольствіе, а также изъ легко-понятнаго національнаго тщеславія и чтобъ окончательно побѣдить меня, попросилъ молодыхъ людей спѣть что нибудь изъ этой оперы. Они тотчасъ же исполнили его желаніе, какъ будто у нихъ вошло въ привычку находить удовольствіе въ томъ, что могло быть пріятно другимъ. Я былъ въ восхищеніи: я зналъ многое множество оперъ, но ничего подобнаго никогда не слыхалъ.

Послѣ того Вигель, съ тонкимъ тактомъ всегда отличавшимъ его, обратился къ молодой Тухачевской:

— А вы, прелестная кузина, сказалъ онъ, протяните ваши прекрасныя ручки къ арфѣ: она давно зоветъ васъ.

— О нѣтъ! отвѣчала она съ милой улыбкой: у меня болитъ палецъ.

— Какой смѣшной пальчикъ! возразилъ Вигель: разболѣлся намъ на зло. Бьюсь объ закладъ, что это тотъ самый, на которомъ вы носите вѣнчальное кольцо.

— Какой вы злой! сказала она, подѣтски надувъ губки, совсѣмъ непохоже на вишенку двоюроднаго братца.

— Это почему? Въ самомъ дѣлѣ, я не вижу у васъ кольца.

— Оно у брильянтика, вмѣшалась въ разговоръ г-жа Туванъ.

— Уже сломано?

— Оно было слишкомъ широко.

— Рука, должно быть, похудѣла, хотя обыкновенно бываетъ наоборотъ: въ замужествѣ все принимаетъ большіе размѣры, начиная отъ мѣшка съ червонцами.

Разговоръ этотъ имѣлъ какой-то скрытый смыслъ, котораго я понять не могъ. Вигеля называли злымъ языкомъ, потому что онъ часто въ свѣтѣ говорилъ колкія вещи и всегда съ цѣлю уязвить челоуѣка.

Я долженъ сказать, что Лиза Тухачевская была выдана замужъ, въ угоду Императору, за *выбритаго* сына *бородатаго* купца, страшнаго богача, миллионера, и гордость Вигеля, какъ родственника, нѣсколько страдала отъ этого родства. Императоръ Александръ I, по своей предусмотрительности, рѣшивъ необходимость реформы, совершившейся только въ наше время, хотѣлъ создать еще третій классъ, среднее сословіе, и въ видѣ опыта думалъ посредствомъ браковъ слить два сословія: дворянство и купечество. Купецъ Кусовъ обладалъ несмѣтными богатствами, которыя онъ приобрѣлъ удачными торговыми предпріятіями. Царь велѣлъ сказать Кусову, что онъ ему доставитъ большое удовольствіе, если женить сына на дворянкѣ, а Тухачевской предложилъ выдать дочь за его сына.

Молодую Кусову нельзя было назвать красавицей, но она была въ высшей степени граціозна и мила. Лицо ея не отличалось чистотою линій и правильностію чертъ: оно было слишкомъ кругло. Она и братъ ея Николай могли служить представителями Славянскаго типа, въ которомъ всегда существовало рѣзкое различіе въ наружности мужчины и женщины: превосходство на сторонѣ перваго, согласное съ закономъ природы. Кусова поражала граціей и гармоничностію всего своего существа; прямодушный взглядъ, улыбка, голосъ, лѣтний умъ—все гармонировало между собою. Иногда она оживлялась, и тогда отвѣты ея бывали быстры и мѣткі. Подъ безмятежною наружностію таилась искра, которая могла вспыхнуть въ послѣдствіи. Подчинившись волѣ другихъ, она не отказалась отъ своей внутренней самостоятельности и доказала это. Тридцать лѣтъ

спустя, я ее увидалъ въ Москвѣ, окруженную красивыми дѣтьми: овдовѣвъ, она вышла замужъ за Француза, доктора Делонэ.

Но въ то время, когда я увидалъ ее въ первый разъ, она была невинна и спокойна какъ ребенокъ: и чувства, и воображеніе еще не проснулись. Однако Вигель разгадалъ ее. Однажды она ему сказала: «Посмотрите, я точно изъ снѣгу!» Онъ отвѣчалъ: «Огонь бьетъ и подо льдомъ». Одѣвалась она всегда съ большимъ вкусомъ, но чрезвычайно просто, безъ брилліантовъ и блестящихъ украшеній, хотя ея шкатулкѣ могли бы позавидовать многія женщины. Гладко причесанные, блѣдно-бѣлокурые волосы низко спускались на лобъ и вполне гармонировали съ матово-бѣлымъ цвѣтомъ лица; эта нѣжная, неопредѣленная окраска придавала ей большую прелесть. Единственная роскошь, которую она себѣ позволяла, это выѣзды, непременно цугомъ и въ каретѣ съ фамильными гербами. Вигель сердился на нее за это дѣтское тщеславіе и въ тоже время гордился этимъ.

Наступило время возвращенія въ Ораніенбаумъ. Вигель отвезъ меня къ капитану и простился со мной.

Такъ кончился первый день, проведенный мною въ столицѣ Россіи. Впечатленіе было самое пріятное.

Здѣсь кончается *прологъ*. Но мнѣ хочется еще рассказать о праздникѣ, данномъ императрицей Маріей Ѳеодоровной Государю и офицерамъ гвардіи, за нѣсколько дней до торжественнаго вступленія войскъ въ Петербургъ. Память мнѣ не измѣнила: я все рассказываю по порядку.

Хотя я не былъ приглашенъ на этотъ праздникъ, но отправился изъ любопытства, какъ и многіе Петербургскіе жители. Этимъ торжествомъ мать Государя желала выразить своему сыну и его сподвижникамъ благодарность и радость по случаю ихъ благополучнаго возвращенія и окончанія славной войны. Назначено оно было въ ея любимомъ Павловскѣ, который тогда, благодаря ея ежегодному пребыванію, считался лучше и пріятнѣе всѣхъ императорскихъ лѣтнихъ резиденцій. Праздникъ имѣлъ сельскій характеръ. Устройство его было поручено придворному балетмейстеру Дидло, и онъ придумалъ представить Русскую деревню съ ея жителями и пастораль въ національномъ вкусѣ.

«Ваше Величество», сказалъ онъ. Императрицѣ, «дадите мнѣ вашихъ коровъ, овецъ, козъ... сыръ отъ этого не будетъ хуже. (Императрица устроила у себя на фермѣ производство Швейцарскаго сыра, который шелъ на продажу въ Петербургъ). Мнѣ нужно мужиковъ, бабъ, дѣвушекъ, дѣтей, всю святую Русь.... Пусть все пляшетъ, играетъ, поетъ и веселится. Ваши гости совсѣмъ сдѣлались Парижанами: пусть же они снова почувствуютъ, что они Русскіе». Императрица любила обычаи прошлаго столѣтія; къ тому же она видала пасторали во всемъ ихъ блескѣ въ Трианонѣ, у королевы Маріи Антуанеты, и для нея въ этомъ праздникѣ воспоминанія прошлаго соединялись съ мыслію о недавнихъ событіяхъ, когда Франція опять была возвращена Бурбонамъ. Для придворнаго бала построили большую залу, окруженную галлереей; на панеляхъ было нарисовано множество розъ, и съ тѣхъ поръ павильонъ сталъ называться *розовымъ*. Гвардейскіе офицеры, вернувшіеся въ Россію, стояли по квартирамъ въ разныхъ мѣстахъ. Удобныхъ экипажей не было, а между тѣмъ они должны были явиться въ Павловскъ въ лѣтней формѣ безукоризненной свѣжести. Для этого нужна была

смѣлость, и они не струсили и тутъ, какъ не трусили на войнѣ. Я былъ въ статскомъ платьѣ по тогдашней модѣ: въ черномъ фракѣ, бѣломъ жилетѣ, нанковыхъ панталонахъ въ обтяжку и высокихъ сапогахъ съ кисточками; въ Парижѣ такіе сапоги назывались: а ла Суворовъ. На этомъ праздникѣ я казался чернильнымъ пятномъ на ярко-раскрашенной картинѣ. Но мои друзья водили меня всюду съ собой, и я, любуясь окружавшимъ меня великолѣпіемъ, свободно разгуливалъ въ толпѣ, вездѣ встрѣчалъ ласковый пріемъ и не задумываясь надъ причинами его. Чернильное пятно было тутъ, хотя условія міра были уже подписаны. Но «въ счастіи люди всегда добры».

Въ этомъ деревенскомъ праздникѣ принимали участіе всѣ лучшіе драматическіе пѣвцы и танцовщики императорскаго балета. Я какъ теперь еще слышу теноръ Самойлова и басъ Злоба: такое сильное впечатлѣніе произвели они на меня. Когда стемнѣло, зажгли великолѣпный фейерверкъ, и весь садъ освѣтился разноцвѣтными Бенгальскими огнями. Балъ начался полонезомъ. Красота женщинъ, ихъ свѣжіе Парижскіе костюмы, точно волшебствомъ перенесли меня опять въ мой Парижъ, покинутый безъ сожалѣнія; а между тѣмъ живое воспоминаніе о немъ, возбужденное во мнѣ въ эту минуту, наполняло счастьемъ мою душу. Политическія событія вылетѣли изъ головы: я чувствовалъ только, что мнѣ 17 лѣтъ, и волновался отъ смутныхъ надеждъ, отъ нетерпѣливаго желанія поскорѣ занять мѣсто въ средѣ взрослыхъ людей. Между красавицами, которыми я любовался, одна особенно привлекла мое вниманіе. Это была Марія Антоновна Нарышкина, бывшая тогда во всемъ блескѣ красоты и славы. Она была одѣта очень просто, но казалась лучше всѣхъ. Въ ея правильномъ Греческомъ лицѣ красота чертъ соединялась съ прелестью выраженія: оно сіяло привѣтливостію. Стоя въ розовомъ павильонѣ, я смотрѣлъ и учился, какъ танцуютъ вальсъ и мазурку, замѣчая манеры и обычаи большаго свѣта, чтобъ по возможности усвоить ихъ себѣ. Чернильное пятно обратило на себя вниманіе: великій князь Константинъ Павловичъ узналъ меня и удостоилъ сказать мнѣ нѣсколько словъ. При этомъ я замѣтилъ, что моя исторія возбуждала всеобщее участіе, которое въ послѣдствіи могло мнѣ пригодиться: на сильныхъ міра мелочи производятъ иногда большое впечатлѣніе.

По окончаніи ужинали во дворцѣ. Во всѣхъ залахъ были накрыты столы, на которыхъ въ красивомъ безпорядкѣ стояли цвѣты, плоды и кушанья. Все было прелестно и великолѣпно: торжественность не мѣшала простотѣ, а роскошная, изящная обстановка придавала идеальный характеръ предметамъ матеріальной жизни. Тутъ я могъ составить понятіе о томъ, какъ живутъ въ Россіи. Ужины при дворѣ отличаются полнѣйшимъ отсутствіемъ этикета: всякій можетъ садиться, гдѣ и съ кѣмъ хочетъ. Впрочемъ эта свобода, идущая сверху, не производитъ враждебныхъ столкновеній, какъ это иногда случается тамъ, гдѣ она идетъ снизу; здѣсь же свѣтскій тактъ и благовоспитанность гостей служатъ достаточнымъ обезпеченіемъ. Подобные примѣры и впечатлѣнія не могли не имѣть на меня вліянія. Мнѣ предстояло на выборъ: или быть ничѣмъ, оставаясь самимъ собою, или стараться возвыситься, чтобъ въ свою очередь дѣйствовать на другихъ. Судьба моя была рѣшена.

Къ концу ужина Императоръ и Императрица-мать, въ сопровожденіи остальныхъ членовъ царской семьи и первыхъ лицъ двора обо-

шли всѣ столы. Всѣ вставали при ихъ приближеніи и съ бокалами Шампанскаго въ рукахъ привѣтствовали ихъ благодарно и восторженно.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого праздника, было назначено торжественное вступленіе гвардіи въ столицу Имперіи. Это былъ всеобщій праздникъ. Войска собрались на Петергофской дорогѣ; здѣсь былъ произведенъ смотръ, и послѣ небольшого отдыха полки двинулись. Въ то время, вдоль всей дороги, начиная отъ Петергофа вплоть до Петербурга, тянулись дачи, гдѣ проводили лѣто богачи-дворяне. Роскошные дома, самой разнообразной архитектуры, тонули въ цвѣтахъ; подъ деревьями стояли скамейки; на прудахъ плавали лодки, украшенные флагами. По случаю торжества вездѣ было много гостей. Всѣ радовались возвращенію войскъ; солдатъ угощали квасомъ, офицеровъ пивомъ и медомъ. Знакомые узнавали другъ друга, называли по именамъ, кланялись; дамы махали платками, офицеры отдавали честь по военному. На меня указывали нѣсколько разъ, потому что я шелъ отдѣльно отъ другихъ, а не въ рядахъ Измайловскаго полка. Вигель уже успѣлъ вездѣ протрубить мою исторію, и на меня смотрѣли какъ на рѣдкость, привезенную изъ путешествія, или даже какъ на непріятельскій доспѣхъ, добытый на полѣ сраженія. Увы, я тогда еще былъ слишкомъ молодъ, слишкомъ влюбленъ въ свою личность, чтобъ чувствовать, какъ странно и смѣшно было мое тогдашнее положеніе. Лишь въ послѣдствіи я все понялъ.

Вечеромъ я пришелъ на квартиру къ моему капитану, гдѣ для меня была назначена маленькая комнатка и скоро заснулъ съ спокойною совѣстью, на жесткомъ диванѣ, который у Русскихъ зовется постелью. Утромъ, когда я проснулся, деньщикъ принесъ мнѣ стаканъ чаю и трубку. Потомъ пришелъ мой хозяинъ и, дружески пожимая мнѣ руку, просилъ считать его домъ своимъ.

Теперь, когда послѣ многихъ, многихъ лѣтъ, я пишу эти строки, я все еще съ гордостью и благодарностью вспоминаю это время и друзей, которые пришли *поздравить* меня. Они дѣлали это совершенно искренно, безъ малѣйшей ироніи, и они были правы: они считали мою судьбу дѣломъ своихъ рукъ и воли. При нихъ пришелъ полковой портной снять съ меня мѣрку, и они наперерывъ давали совѣты и старались *обрусить* меня помощію хорошо-сшитаго мундира.

Поступая въ гвардію, я не зналъ, что жалованье, получаемое офицерами, такъ ничтожно, что они его предоставляютъ солдату, который чиститъ сапоги и платье. Впослѣдствіи это обстоятельство имѣло вліяніе на мое дальнѣйшее рѣшеніе; но въ началѣ я не обратилъ на него вниманія.

Но прежде, чѣмъ ввести меня окончательно въ роту, капитанъ мой долженъ былъ, по приказанію великаго князя Константина Павловича, представить меня ему.

На другой же день мы отправились въ Стрѣльну. Я былъ очень взволнованъ предстоящимъ свиданіемъ, хотя оно было уже не первымъ. Но тогда я былъ еще свободенъ, теперь же это свиданіе рѣшало мою судьбу: я дѣлался рабомъ дисциплины. Но это было послѣдствіемъ моего сумазброднаго поступка: я самъ отказался отъ свободы, никто меня не принуждалъ. И теперь, нечего дѣлать, приходится покоряться. Я сдѣлалъ усиліе надъ собой, и необходимая самоувѣренность вернулась опять ко мнѣ.

Великій князь принялъ меня очень милостиво, такъ что я немного ободрился. Онъ благоволительно осмотрѣлъ меня съ головы до ногъ и сказалъ:

— Очень радъ, что вижу васъ такимъ молодцомъ. Какъ вамъ нравится у насъ?

— Ваше высочество! проговорилъ я съ поклономъ....

Одинъ изъ адъютантовъ поспѣшилъ меня выпрямить, говоря, что я долженъ стоять прямо и неподвижно.

Офицеры, бывшіе тутъ, захохотали; великій князь засмѣялся тоже. Я долженъ былъ проглотить готовую уже рѣчь.

Это происходило у входа въ садъ. Какой-то офицеръ показался въ концѣ крытой аллеи. «Идите, идите скорѣе, сказалъ великій князь: мы пробуемъ Француза и находимъ его подходящимъ во всѣхъ статьяхъ». Вновь прибывшій удивленно посмотрѣлъ на меня; въ свою очередь и я былъ изумленъ. Но адъютантъ ни на минуту не измѣнилъ своему величавому спокойствію, а я стоялъ смиренный и неподвижный, какъ того требовала моя военная форма.

Офицера этого я часто встрѣчалъ въ Парижѣ въ обществѣ, про которое нельзя сказать, чтобы оно было избранное.

— Все обошлось благополучно, сказалъ мой капитанъ, выходи изъ дворца.

— Кто этотъ офицеръ? спросилъ я.

— Это Алексѣй Орловъ.

Въ 1844 году, когда я въ другой разъ жилъ въ Россіи, я разъ получилъ приглашеніе отъ архитектора Монферрана пріѣхать къ нему. Онъ писалъ, что у него я увижу *одного изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ людей* въ Россіи. Это былъ графъ Орловъ, тогда только что назначенный шефомъ жандармовъ и пользовавшійся дружбою Государя. Онъ не забылъ прошлаго и доказалъ это.

И такъ, въ концѣ лѣта 1814 года, я надѣлъ мундиръ подпрапорщика и былъ зачисленъ въ Измайловскій полкъ. Я продолжалъ жить по прежнему, беззаботно отдаваясь на волю случая, изо дня въ день, не загадывая о будущемъ, довольный всѣмъ окружающимъ и въ особенности довольный успѣхомъ, который я имѣлъ въ свѣтѣ, какъ Французъ. Къ несчастію мнѣ все приходилось имѣть дѣло съ людьми чрезвычайно добрыми, которые только и старались о томъ, чтобы сдѣлать мое положеніе пріятнымъ; между тѣмъ какъ для моей пользы слѣдовало бы, чтобы кто нибудь взялъ меня въ руки и заставилъ заняться чѣмъ нибудь полезнымъ, напр. Русскимъ языкомъ, или бы принудилъ подчиниться требованіямъ службы. Но я дѣлалъ что хотѣлъ: въ качествѣ иностранца меня избавляли по желанію и отъ военного ученія, и отъ караула, и даже позволяли носить статское платье, что было строго запрещено всѣмъ безъ исключенія. Конечно, я занимался Русскимъ языкомъ, окружилъ себя книгами, твердилъ слова, составлялъ фразы, даже началъ писать и немного говорить. Всѣ мнѣ по-немногу помогали и, видя мое желаніе выучиться, относились ко мнѣ снисходительно. Но въ сущности я былъ непослушнымъ ученикомъ, солдатомъ, не знавшимъ дисциплины, оставался тѣмъ же Парижаниномъ-вертопрахомъ и продолжалъ пописывать пустые стихи изъ тщеславія, которое всегда портитъ людей, хорошо одаренныхъ отъ природы.

Вигель не забылъ меня. Не дожидаясь моего визита, онъ самъ пріѣхалъ къ капитану, съ которымъ онъ не былъ близокъ, да и не желалъ сблизиться; но такъ какъ мои приключенія давали матеріалъ для разсказовъ, то онъ, за неимѣніемъ лучшаго, спѣшилъ пользоваться **мною** какъ новинкой.

— Ну, началъ онъ, вотъ вы живете въ большомъ селѣ. Привыкаете вы къ нашему климату?

— Климатъ вещь второстепенная, отвѣчалъ я. И тепло, и холодъ зависятъ отъ людей.

— Ну въ такомъ случаѣ, я надѣюсь, что вы перенесете и ту температуру, которая отъ людей не зависитъ. Но для этого нужно взаимное расположеніе; за насъ я ручаюсь...

— Увѣряю васъ, что я ничего такъ не желаю, какъ заслужить его.

— Если это такъ, то все дѣло во времени.

— Я не хочу предоставлять это времени и не пожалѣю усилій.

— Васъ полюбили въ семьѣ Тухачевскихъ и надѣются, что вы будете ихъ посѣщать.

— Я нетерпѣливо желаю поблагодарить ихъ за ласковый пріемъ. Для этого я даже сегодня хотѣлъ ѣхать къ вамъ.

— Не зная, гдѣ я живу?

— Я бы добрался.

— Будетъ гораздо благоразумнѣе, если я вамъ скажу свой адресъ. Я полагаю, капитанъ не пуститъ васъ одного странствовать по нашимъ пустынямъ; такъ я скажу его кучеру. Глаза у васъ есть, доброе намѣреніе тоже, какъ вы говорите; стало быть вы въ другой разъ не заблудитесь, когда пойдете ко мнѣ.

— Какъ вы думаете, дома сегодня г-жа Тухачевская?

— Она никогда не выѣзжаетъ. Но лучше пріѣзжайте завтра. Тамъ будетъ обѣдать вся семья: это ихъ день.

— Но вы мнѣ сказали, что я долженъ сначала ихъ поблагодарить за прежнее угощеніе.

— Такъ и будетъ, если вы опять пріѣдете къ нимъ обѣдать.

— Приличіе...

— У насъ приличіе требуетъ бывать часто въ домѣ, гдѣ намъ хорошо. Такъ какъ каждый можетъ пообѣдать у себя дома, то это нѣчто въ родѣ самопожертвованія, когда мы ѣдемъ обѣдать къ другимъ. Милостивый государь, мы въ Россіи: не забывайте!

Съ тѣхъ поръ и въ Россіи, и во Франціи многое перемѣнилось, благодаря цивилизації: обычай гостепріимства уже не таковъ какъ прежде. Говорятъ, это прогрессъ.

Я счелъ долгомъ тотчасъ же отдать визитъ Вигелю, точъ въ точъ какъ это дѣлается между коронованными особами. Какъ только онъ уѣхалъ, я велѣлъ кучеру везти меня къ нему, и мы въ одно время подѣхали къ дому. Онъ жилъ небогато; да по моему мнѣнію ему не нужна была роскошная обстановка: его живой умъ, образованность, тонкій, изящный разговоръ были дороже всего. Я не зналъ ни одного Русскаго, съ которымъ бы было такъ пріятно разговаривать. Онъ былъ знакомъ съ нашими писателями и кстати умѣлъ приводить мѣста изъ ихъ сочиненій. Мы разговорились, а такъ какъ говоря съ умнымъ человѣкомъ и самъ бываешь умнѣе, то мы были очень довольны и другъ другомъ, и сами собою.

Въ серединѣ разговора, онъ вдругъ, безъ всякаго приготовленія, что было несогласно съ его обычаемъ, спросилъ, что могло заставить меня поступить въ Русскую военную службу. Я не сконфузился; напротивъ: я уже по опыту зналъ, что гораздо выгоднѣе смѣло говорить правду.

— Милостивый государь, сказалъ я, невольно принимая серьезный тонъ: я родился послѣ революціи, сравнившей права всѣхъ сословій.

Выигралъ я или проигралъ отъ этого, можете судить сами. Мы вольны ничего не дѣлать, оставаясь въ ничтожествѣ; но въ тоже время способностямъ каждаго открыто широкое поприще, и онъ можетъ добиваться всего. За то, соискателей теперь такое множество, что мы мѣшаемъ другъ другу: прежде нужно было родиться на свѣтъ дворяниномъ, теперь нужно быть богатымъ.

— У насъ, прервалъ онъ мои слова, революціи никакой не было, ну а все таки нужно родиться и богатымъ, и знатнымъ.

— У отца моего большая семья, и состоянія никакого. Я старшій: нужно было подумать о карьерѣ. Въ Парижѣ я имѣлъ честь познакомиться съ Русскими, они меня совершенно обворожили. Мнѣ захотѣлось посмотрѣть, каковы вы у себя дома, я и поѣхалъ въ Россію.

Губы Вигеля стянулись въ вишенку, и онъ по своему обыкновенію быстро сталъ тереть указательный палецъ правой руки объ указательный лѣвой, что служило у него признакомъ удовольствія.

— Вы поступили еще лучше: вы стали нашимъ.

— Я имѣю склонность къ литературѣ; но чтобы существовать ею, нужно имѣть извѣстность. Я послушался совѣтовъ благоразумія.

— Извѣстность пріобрѣтается трудомъ.

— Не всегда, мнѣ кажется: трудится работникъ, а создаетъ геній.

— Но есть много писателей совсѣмъ негеніальныхъ, которые однако живутъ хорошо.

— Счастливая случайность; а иногда продажность мнѣній много помогаетъ.

— Но вы продолжаете писать?

— Желалъ бы перестать, но не могу: пьяница всегда будетъ пить.

— Ну и продолжайте пить! Я васъ познакомлю съ нашими поэтами. Самъ я не писатель, но за то знатокъ и цѣнитель. У насъ есть люди съ неоспоримымъ талантомъ: я близокъ съ ними и васъ познакомлю; вы меня поблагодарите за это.

Разговоръ, принявшій серьезный тонъ, смутилъ меня. Я инстинктивно дорожилъ молодостью и мечталъ какъ можно дольше продолжать ее: это было выгодно, потому что давало право на снисхожденіе. Я готовъ былъ испугаться, но подумалъ, что съ такимъ руководителемъ, какъ Вигель, бояться нечего.

Я уже собирался уходить, какъ онъ попросилъ меня сказать какіе нибудь стихи моего сочиненія. Я колебался, но отказаться было бы смѣшно, потому что онъ могъ подумать, что я придаю слишкомъ большое значеніе своимъ стихотворнымъ опытамъ. Я прочелъ шансонетку подъ названіемъ «Блудный сынъ». Она ему понравилась, вѣроятно потому, что въ этотъ день онъ былъ въ милостивомъ расположеніи духа; я долженъ былъ написать ему мои стихи. Въ то время отъ стиховъ требовались только звучность, легкость и рифма. Лиризмъ не выражался въ неестественности чувства, въ причудливости образовъ и туманности выраженій. Викторъ Гюго еще не существовалъ. Вольтеръ все еще служилъ образцомъ не по разрушительному духу своихъ произведеній, но болѣе благодаря прелестной формѣ и отдѣлкѣ легкихъ стихотвореній. Вигель не хуже любого профессора сдѣлалъ тонкую оцѣнку Вольтера и, въ заключеніе, съ удивительною искренностію чувства и вѣрностію интонаціи, проговорилъ стансы Вольтера:

Si vous voulez que j'aime encore,
Rendez-moi l'âge des amours,

Au crépuscule de mes jours
Ajoutez, s'il se peut, l'aurore *).

Одного этого литературнаго разговора было бы достаточно, чтобы полюбить Вигеля и признать его власть надъ собою. У этого чело-вѣка была пропасть яркихъ недостатковъ, но за то много и добрыхъ качествъ. Къ нему можно было приложить афоризмъ: хорошо, если про чело-вѣка говорятъ и дурное, и хорошее; за хорошее ему изви-нять дурное, а за дурное простять хорошее.

Разговоръ о Вольтерѣ и его стансы заставили меня почувствовать мое ничтожество; самолюбіе мое было уязвлено, и я сказалъ Вигелю: Вы мнѣ дали жестокий урокъ за мои куплеты.

— О нѣтъ, отвѣчалъ онъ. Я заговорилъ о Вольтерѣ, какъ о пи-сателѣ, который можетъ служить для всѣхъ образцомъ. Обижаться тутъ нечѣмъ.

Послѣ того какъ онъ заставилъ меня высказать причины, побу-дившія меня поступить на Русскую службу, я счелъ себя въ правѣ удовлетворить своему любопытству и потому спросилъ у него, со-стоитъ ли онъ самъ на какой нибудь службѣ.

— О конечно, отвѣчалъ онъ: въ Россіи служба обязательна для всѣхъ. Чело-вѣкъ не служащій считается за ничто, потому что не исполняетъ своего долга относительно государства. Въ службу должны поступать и способные, и неспособные. Конечно, потомъ, по естественному ходу вещей, первые идутъ впередъ, вторые остают-ся позади. При Петрѣ I у насъ было только два сословія, при чемъ большинство находилось въ полномъ порабоженіи у меньшинства. Нашъ великій Преобразователь хотѣлъ, чтобъ привилегированное сословіе помогало ему въ его реформахъ. Поэтому онъ сдѣлалъ службу обязательною для всѣхъ и раздѣлил насъ по чинамъ на четырнадцать классовъ. Это раздѣленіе существуетъ и въ военной службѣ, и въ гражданской; но конечно шляпа съ плюмажемъ всегда даетъ преимущество военному генералу предъ статскимъ. Я нахожусь въ статской службѣ, хотя не съумѣю точно вамъ сказать—что я дѣлаю. Меня посылаютъ съ разными порученіями. Недавно, подъ предлогомъ, что я хорошо говорю пофранцузски, меня отправляли на помощь къ вашему соотечественнику, инженеру, которому поручено устройство ярмарки въ Нижнемъ-Новгородѣ. Этотъ инженеръ, по имени Бетанкуръ, ученикъ Политехнической Школы. Его прислалъ нашему Государю Наполеонъ вмѣстѣ съ двумя другими техниками. Какъ видите, не вы одинъ покинули Францію. Говорятъ, подарки поддерживаютъ дружбу, но должно быть не всегда.... Теперь я жду, чтобъ какой нибудь министръ нашелъ меня пригоднымъ на какое нибудь дѣло.

Я простился съ Вигелемъ въ восторгѣ отъ его остроумія; онъ умѣлъ понимать собесѣдника на полусловъ и отвѣчать ему такъ, что мнѣ казалось, что я все еще у себя на родинѣ. На другой день я отправился къ Тухачевскимъ. Тамъ всѣ мнѣ обрадовались и приняли очень ласково. Они ждали меня и рассчитывали на мою помощь въ устройствѣ домашняго спектакля. Театръ — любимое удовольствіе всѣхъ образованныхъ Русскихъ, и нѣтъ ни одного богатаго дома,

*), Если хотите, чтобы я еще любилъ, возвратите мнѣ мою молодость; къ сумеркамъ днѣй моихъ прибавьте мнѣ, если возможно, зарю!

гдѣ бы не было особаго угла, назначеннаго для сценическихъ представлений. Въ маленькихъ кружкахъ жизнь шла бы слишкомъ вяло и скучно, еслибъ по временамъ спектакли не вносили въ нее оживленія, возбуждая самолюбіе и тщеславіе.

Я былъ хорошо знакомъ со сценой и потому съ радостію ухватился за случай быть полезнымъ, а кстати и показать свое умѣнье. Въ тотъ же вечеръ мы распредѣлили роли. Кусова должна была, конечно, играть роли молодыхъ дѣвушекъ, а братъ ея первыхъ любовниковъ. Г-жа Туванъ годилась въ субретки. Пажъ Кирѣевскій, большой шутникъ, потребовалъ себѣ роли дураковъ, а другой Кирѣевскій, болѣе серьезнаго характера, взялся вмѣстѣ съ Французомъ Адамомъ (сыномъ директора Императорскаго фарфороваго завода, служившимъ въ Департаментѣ Путей Сообщенія) за роли отцовъ и резонѣровъ. Себѣ я выбралъ роль слуги. Выборъ пьесы мы отложили до слѣдующаго раза.

Спектакли наши продолжались всю зиму и, благодаря имъ, я коротко сошелся съ семействомъ, которое, не занимая виднаго мѣста въ Петербургскомъ большомъ свѣтѣ, было на хорошемъ счету у всѣхъ. Я написалъ что-то въ родѣ пролога и съ большимъ одушевленіемъ сыгралъ роль Фигаро въ Сивильскомъ Цирюльникѣ. Я же руководилъ репетиціями и постановкою пьесъ. Положеніе мое было упрочено. Публика у насъ была образованная и снисходительная; все шло какъ нельзя лучше. Графъ Сологубъ, тогдашній левъ моднаго высшаго общества, былъ постояннымъ посѣтителемъ нашихъ спектаклей; двѣ княгини Куракины всячески одобряли меня. Успѣхи мои вскружили мнѣ голову.

Когда театръ нашъ былъ организованъ, мнѣ приходилось иногда по вечерамъ отправляться въ Пажескій Корпусъ, чтобъ, по окончаніи классовъ, репетировать тамъ роли съ моими молодыми актерами. Скоро эти вечернія посѣщенія обратились въ привычку, такъ что я сталъ всякій день въ сумерки заходить туда поболтать. Пажи были рады мнѣ какъ старшему товарищу, который раньше ихъ началъ пользоваться свободой и потому былъ опытнѣе ихъ; они желали узнать жизнь, я же въ обществѣ ровесниковъ отдыхалъ послѣ тѣхъ усилій, которыя мнѣ приходилось сдѣлать, чтобъ держаться наравнѣ съ людьми взрослыми, удостоивавшими меня своего знакомства. Эти юноши привлекали меня и молодостью своею и также нравственными качествами. Особенно сильно привязался я къ братьямъ Хрущовымъ; они тоже полюбили меня. По матери они приходились внуками знаменитому графу Миниху, геніальному челоуѣку, пользовавшемуся вліяніемъ въ царствованіе трехъ императрицъ: Анны, Елисаветы и Екатерины II. По своимъ замѣчательнымъ физическимъ и нравственнымъ качествамъ, они были призваны поддержать въ свѣтѣ и при дворѣ преданія своей семьи. По женскому колѣну они происходили отъ Нѣмцевъ, которые со времени Петра I стали родниться съ Русскими; по отцу же отъ одного изъ тѣхъ коренныхъ Русскихъ, которые содѣйствовали избавленію своего Отечества отъ Бирюнова ига. Любопытно замѣтить, что оба Хрущовы воспитывались въ заведеніи, помѣщавшемся на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ихъ дѣдушки-заговорщики собирались у Елисаветы Петровны, жившей тутъ въ то время. Это былъ одинъ изъ самыхъ красивыхъ дворцовъ въ Петербургѣ. Можетъ быть даже въ эту комнату, гдѣ мы болтали по вечерамъ, сходились тайно враги жестокаго любимца Анны Іоанновны: графъ

Минихъ, котораго считали единственнымъ Нѣмцемъ, могущимъ принять начальство надъ арміей, оберъ-егермейстеръ Волынской, Мусинъ-Пушкинъ, Еропкинъ, Хруцовъ, стоявшіе во главѣ Русской партіи, Эйхлеръ, молодой Нѣмецъ, секретарь Тайной Канцеляріи, принадлежавшій къ той же партіи и докторъ Лестокъ, довѣренное лицо Елисаветы, вводившій въ ея общество немногихъ Французовъ, жившихъ тогда въ Петербургѣ. Но заговоръ былъ открытъ, и четверымъ друзьямъ отрубили головы по приказанію Бирона.

На правомъ берегу Невы, въ томъ мѣстѣ, которое по плану основателя должно было оставаться за городскою чертою, построена въ память Полтавской побѣды церковь Св. Самсонія. Тутъ же Петръ I устроилъ кладбище для всѣхъ военныхъ, чтобъ тѣмъ почтить ихъ преданность или, лучше сказать, покорность. На этомъ кладбищѣ, противъ самаго входа, лежитъ камень, почти разсыпавшійся отъ времени; на немъ можно еще прочесть имена Волынскаго, Мусина-Пушкина, Еропкина и Хруцова. Можетъ быть, эта катастрофа сблизила еще больше семью Миниха съ семейю Хруцова, и наконецъ они породнились. Геній Екатерины II-й счумѣлъ заставить примириться между собою враждебныя расы Тевтоновъ и Славянъ; но при Николаѣ I Русскіе взяли верхъ, и борьба снова возобновилась.

Оба Хруцовы были внослѣдствіи камергерами. Старшій, на всѣхъ придворныхъ балахъ, бывалъ постоянно въ свитѣ императрицы Александры Ѳеодоровны; младшему было поручено сопровождать тѣло императора Александра Павловича изъ Крыма до Петербурга. У братьевъ были различные характеры: старшій отличался живостью, пылкостью, страстью къ удовольствіямъ всякаго рода; младшій постоянно былъ серьезенъ и задумчивъ; онъ мнѣ правился больше старшаго брата.

Наши частые разговоры въ корпусѣ о домашнемъ театрѣ Тухачевскихъ внушили воспитанникамъ мысль устроить театръ въ стѣнахъ заведенія, конечно, съ моею помощью. Начальство корпуса одобрило эту мысль, какъ средство для упражненія во Французскомъ языкѣ. Въ первой пьесѣ, представленной нами въ корпусѣ «*Les deux billets*» Флоріана, я сыгралъ роль Арлекина, старшій Хруцовъ Скапена, а Аржантину изображалъ маленькій бѣлокурый пажъ. Я упоминаю здѣсь объ этомъ, потому что въ 1843 г., когда мнѣ было поручено устройство домашнихъ спектаклей у Государя въ Царскомъ Селѣ, я узналъ въ серьезномъ воспитателѣ великихъ князей, генералъ-адъютантѣ Философовѣ, нашу *Аржантину* 1815 года.

Я сильно увлекался этими пустяками, можетъ быть потому, что слишкомъ рано захотѣлъ занять мѣсто въ средѣ людей серьезныхъ и положительныхъ. Молодость брала свое, и я въ ту минуту, когда нужно было подумать о карьерѣ, колебался сдѣлать рѣшительный шагъ, боясь повредить себѣ послѣдностью и сознавая свое ничтожество. Тогда-то я, изъ тщеславія, пристрастился къ своему солдатскому мундиру и сталъ всюду являться въ немъ, въ доказательство того, что я вполне понимаю, какъ я ничтоженъ передъ другими. Этимъ я думалъ польстить людямъ, умѣющимъ наблюдать и понимать вещи. Тщеславіе играло тутъ немалую роль: я чувствовалъ, въ какомъ выгодномъ для меня свѣтѣ Русскій солдатскій мундиръ выставлялъ мою красивую Парижскую наружность, въ то время какъ мои манеры и разговоръ изобличали въ мнѣ свѣтскаго, образованнаго человѣка...

Однако нужно было рѣшиться на что нибудь, и въ одинъ прекрасный день я отправился къ Блудову.

Въ то время Блудову было лѣтъ 35; онъ былъ средняго роста и начиналъ полнѣть. Съ перваго раза лицо его не казалось привлекательнымъ, хотя въ немъ не было ничего безобразнаго. Но оно совершенно преображалось, какъ только онъ начиналъ говорить. Быстрый, логическій умъ, обиліе мыслей, живость и мѣткость выраженій, невольно заставляли признавать его превосходство надъ собою. Слова срывались съ его устъ, и искра, вспыхивавшая въ немъ, передавалась и другимъ, заставляя ихъ безпрекословно покоряться силѣ его ума. Онъ чувствовалъ свое превосходство и давалъ его всемъ чувствовать; но это высокомеріе не оскорбляло чужой гордости, не поднимало протеста. На хорошей почвѣ культура принесла обильные плоды. Его способъ выражаться напоминалъ Вигеля, но у него было больше содержанія, и онъ глубже захватывалъ. И тотъ, и другой много заботились о внѣшней отдѣлкѣ рѣчи, были литературно-образованы и, не будучи сами писателями, находились въ дружескихъ отношеніяхъ съ замѣчательными людьми той эпохи. Благодаря имъ, и я узналъ этихъ людей такъ, какъ рѣдко удается иностранцу.

Я люблю вспоминать о моихъ тогдашнихъ разговорахъ съ Блудовымъ. Мнѣ все казалось, что я еще въ Парижѣ: такъ хорошо зналъ онъ нашъ языкъ со всеми отѣнками и особенностями, такъ свободно владѣлъ имъ. Ему извѣстны были малѣйшія подробности историческихъ событій не только своего времени, но также XVII и XVIII столѣтій; мало того, онъ зналъ также хорошо и частную, внутреннюю жизнь людей тѣхъ временъ. Память у него была изумительная: онъ говорилъ какъ книга. Разговаривая, онъ всегда ходилъ по комнатѣ, слегка подпрыгивая, точно маркизъ на сценѣ. Сходство было такое полное, что мнѣ всегда чудилось, будто на немъ шитый золотомъ кафтанъ и красные каблучки, а между тѣмъ онъ одѣвался чрезвычайно просто. Особенно любилъ я слушать, какъ онъ мастерски рассказывалъ анекдоты изъ царствованія императрицы Екатерины II. Онъ меня просто околдовалъ. Съ нимъ я никогда не чувствовалъ ни малѣйшаго смущенія: я признавалъ его превосходство надъ собой и зналъ, что онъ слишкомъ уменъ, чтобъ не относиться снисходительно ко мнѣ; къ тому же онъ дѣлился со мной своимъ умомъ, и я этимъ пользовался.

Въ то время Русскій языкъ, долго бывший въ пренебреженіи въ высшихъ классахъ общества, снова началъ входить въ употребленіе, благодаря талантливымъ писателямъ, которые въ своихъ произведеніяхъ старались показать красоту, силу и звучность роднаго слова. У Блудова собирались замѣчательные люди, одушевленные любовью къ литературѣ и положившіе себѣ цѣлю обработку и усовершенствованіе Русскаго языка. Тутъ я увидалъ Карамзина, соперника Робертсона и Мюллера (подобнаго историка во Франціи тогда еще не существовало), Крылова, не уступавшаго Лафонтену въ остроуміи, наивности и граціи, добродушнаго моралиста, пользовавшагося великою извѣстностью; нѣжнаго поэта Жуковскаго, цѣломудреннаго Парни, Андрея Шенье, черпавшаго свое вдохновеніе изъ Германіи; Дмитріева, замѣчательнаго по силѣ мысли и выраженія; милаго Батюшкова; Дашкова, бывшаго отголоскомъ прочихъ, но челоѣка съ сильной волей. Вигель и Блудовъ, одаренные изящнымъ вкусомъ,

усердно помогали общему дѣлу. Какая разница между этими людьми и тѣми застольными товарищами въ Парижѣ, которые выслушивали мои первые младенческіе стихотворные опыты! Я гордился тѣмъ, что былъ принятъ въ такомъ обществѣ и изо всѣхъ силъ старался удержаться въ немъ, инстинктивно надѣясь, что со временемъ буду въ состояніи, если не подражать имъ, то по крайней мѣрѣ понимать ихъ идеи. Разговоръ въ этомъ сѣверномъ отелѣ Рамбулье шелъ обыкновенно на Французскомъ языкѣ. Хотѣли ли такимъ образомъ незамѣтно посвятить послушнаго ученика въ свою умственную дѣятельность, или, можетъ быть, языкъ этотъ по своей законченности лучше служилъ имъ для передачи мыслей, которыя всѣ исключительно были направлены на усовершенствованіе роднаго языка. Сколько вспоминается мнѣ теперь блестящихъ остротъ, ѣдкихъ, летучихъ эпиграммъ, градомъ сыпавшихся на писателей противнаго лагеря: князя Шаховскаго и графа Хвостова. Своею безпощадною, тонкою злостію они напоминали Вольтера. Безъ сомнѣнія, и мой умъ принялъ нѣсколько саркастическое направленіе, вслѣдствіе сильныхъ впечатлѣній полученныхъ мною въ этомъ литературномъ кружкѣ: любезные дикари, ставшіе просвѣтителами, татуировали меня прочными красками.

Когда я познакомился съ Блудовымъ, онъ уже былъ женатъ на княжнѣ Щербатовой, фрейлинѣ императрицы. Жена его только-что оправилась послѣ родовъ. Она была отличная женщина. Вполнѣ понимая мое положеніе на чужой сторонѣ, вдали отъ семьи, она своимъ неизмѣнно-ласковымъ привѣтомъ старалась постоянно ободрять меня и требовала, чтобъ я смотрѣлъ на ея домъ, какъ на убѣжище для себя. Вечера ея бывали чрезвычайно пріятны; разговаривали, играли въ карты; въ двѣнадцать часовъ ночи, на тѣхъ же самыхъ игорныхъ столахъ, подавали ужинъ.

Въ то время широкое гостепріимство старинныхъ Русскихъ вельможъ, уже начинавшее исчезать, еще не замѣнилось утонченными причудами современной роскоши: вліяніе переходной эпохи сказывалось и тутъ, какъ и во всемъ остальномъ.

Мой жокакъ Вигель, которому еще ни разу не пришлось краснѣть за меня, продолжалъ знакомить меня въ тѣхъ домахъ, гдѣ онъ могъ надѣяться, что меня хорошо примутъ. Такимъ образомъ кругъ моего знакомства расширялся съ каждымъ днемъ. Дошло до того, что иногда я получалъ по нѣскольку приглашеній, что чрезвычайно льстило моему самолюбію, и я въ одинъ и тотъ же вечеръ бывалъ въ нѣсколькихъ домахъ. Я бы могъ составить длинный перечень именъ моихъ благосклонныхъ покровителей, но это было бы и скучно, и излишне, и потому я буду говорить только о тѣхъ людяхъ, которые тогда и послѣ имѣли вліяніе на мою судьбу.

Ну а что же моя военная служба? Говоря по правдѣ, отъ меня ничего не требовалось. По утрамъ я иногда удѣлялъ на нее часть времени; но ясно было, что мнѣ давали полную свободу, предоставляя самому заботиться о своей пользѣ въ этомъ отношеніи. Моего отсутствія не замѣчали; моя полнѣйшая бесполезность никого не тревожила. Друзья мои, офицеры, по прежнему принимали во мнѣ участіе, но они не вмѣнивались въ это дѣло. Къ мундиру своему я скоро охладѣлъ, и на это никто не удостоилъ обратить вниманіе; въ гостинныхъ же, гдѣ бывало всегда много военныхъ, они были даже мнѣ благодарны за то, что я не носилъ солдатскаго мундира, который бы мѣшалъ свободѣ отношеній, производя непріятное впе-

чатлѣніе въ кадрили, гдѣ блестяли густыя эпoletы. Подпрапорщикъ говорилъ пофранцузски и интересовался болѣе литературой, чѣмъ военнымъ дѣломъ: этого было довольно. На разводахъ говорили со мной о моихъ удачныхъ четверостишіяхъ, и пустяки принимались за дѣло.

Однажды вечеромъ я получилъ записку отъ знаменитаго пѣвиста Штейбелта, жившаго тогда въ Петербургѣ и дававшего тамъ концерты вмѣстѣ съ неменѣе знаменитымъ Фильдомъ. Онъ занимался передѣлкою комическихъ оперъ, которыя уже не удовлетворяли Русскихъ, вслѣдствіе ихъ музыкальнаго образованія и постоянныхъ сношеній съ Германіей. Въ то время пріѣзжалъ также въ Петербургъ Бозльдьё. Пребываніе его въ Россіи принесло ему пользу: онъ много заимствовалъ у Русскихъ въ отношеніи гармоніи и даже запомнилъ многія мелодіи. Его оперы *Красная Шапочка*, *Бѣлая Женищина*—суть отголоски Русскихъ напѣвовъ. Штейбелтъ, еще до войны 1812-го года, уже передѣлалъ *Сандрильону* Николо, не удовлетворявшую болѣе Петербургскихъ диллетантовъ, и теперь занимался передѣлкою *Суда Мидаса*. Хотя уже существовала партія Гретри; но къ несчастію въ этой комической оперѣ не было хоровъ, а Штейбелтъ, въ качествѣ ученаго Нѣмца, не могъ безъ нихъ обойтись; поэтому онъ и обратился ко мнѣ. Въ другой разъ, дирекція императорскихъ театровъ поручила мнѣ постановку *Жоконды*, которую перевелъ на Русскій языкъ одинъ изъ служившихъ при театрѣ, Петръ Корсаковъ. Это былъ братъ того Корсакова, адъютанта барона Розена, который содѣйствовалъ вступленію моему въ Русскую службу. Я скоро подружился съ переводчикомъ, а въ 1860 году, когда я жилъ въ Гіерѣ (гдѣ пишу эти воспоминанія) я познакомился съ его сестрой, княгиней Еленой Голицыной, и опять свидѣлся съ адъютантомъ, который въ то время уже былъ княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ. Петръ же Корсаковъ умеръ въ Петербургѣ въ 1844. Когда я во второй разъ пріѣхалъ въ избранное мною отечество, онъ уже былъ очень боленъ.

Хотя я только числился на службѣ, однако же бывали случаи, когда и мнѣ приходилось вмѣстѣ съ ротою исполнять военныя обязанности. Въ первый разъ это было при торжественномъ въѣздѣ Персидскаго посланника, когда всѣ войска должны были выстроиться рядами отъ городскихъ воротъ вплоть до дворца. Зима стояла тогда очень холодная, и въ этотъ день былъ сильнѣйшій морозъ, а военные должны были быть въ парадной формѣ. Измайловскому полку пришлось стоять на Исакиевской площади, у начала Вознесенскаго проспекта. Вѣтеръ былъ ужаснѣйшій. Вскорѣ я почувствовалъ, что ноги у меня начали застывать; но любопытство удерживало меня на мѣстѣ, и я, постукивая ногами, дожидался торжественнаго шествія. Наконецъ оно поравнялось съ нами: я увидалъ великолѣпныхъ лошадей и слоновъ, которыхъ вели въ подарокъ Императору. На слонахъ были шубы и мѣховые сапоги, для защиты отъ холода; на спинахъ ихъ были башенки, въ которыхъ сидѣли вожаки. Животныя подвигались съ восточною важностью, какъ бы чувствуя, что и они призваны играть роль въ этомъ посольствѣ, имѣвшемъ цѣлю скрѣпить миръ между двумя могущественными государями. На лошадяхъ были сѣдла и сбруя, усыпанные брилліантами и драгоценными камнями. Прислуга, въ Персидскихъ костюмахъ, представляла живописный контрастъ съ придворными лакеями въ ливреяхъ, треугольных шляпахъ и съ напудренными головами. Въ парадныхъ золоченыхъ каретахъ сидѣли спокойные, величавые послы, со смуглыми, правильными ли-

цами. Зрѣлище было великолѣпное, но между тѣмъ моя правая нога совсѣмъ онѣмѣла отъ холода. Я испугался. Мнѣ разрѣзали сапогъ и стали тереть снѣгомъ до тѣхъ поръ, пока кровь снова пришла въ движеніе; но тогда-то и началась страшная боль. И такъ первый мой походъ кончился тѣмъ, что я едва не лишился ноги.

Полки, стоящіе въ Петербургѣ, обыкновенно по очереди назначаются въ караулъ по городу, а также и во дворецъ. Передъ тѣмъ какъ отправляться всякое утро на смѣну, они собираются на смотръ въ манежъ, около Зимняго дворца. Государь почти всегда присутствуетъ на этомъ смотрѣ. Когда наступилъ чередъ первому батальону Измайловскаго полка, капитанъ мой сказалъ, что благоразуміе и собственныя мои выгоды требуютъ, чтобъ и я шелъ съ ними, для того чтобъ меня тамъ видѣли. Но меня не замѣтили, и я былъ очень радъ. Я всегда любилъ оставаться гдѣ нибудь въ сторонкѣ, чтобъ не обращать на себя вниманія: таково свойство моей природы.

Послѣ смотра наша рота отправилась на гауптвахту Зимняго дворца, гдѣ офицерамъ, какъ гостямъ, всегда было очень хорошо. Въ это время тамъ содержался подъ арестомъ уланскій офицеръ, баронъ Николай Строгановъ, извѣстный въ Петербургѣ по своимъ сумасбродствамъ и выходкамъ. Такъ какъ въ Петербургскомъ гарнизонѣ служили самые знатные и богатые молодые люди, то неудивительно, что нѣкоторые изъ нихъ какъ бы нарочно выставляли на показъ всѣ пороки, свойственные ихъ природѣ и средѣ. За скандальныя продѣлки наказывали арестомъ, срокъ котораго зависѣлъ отъ важности проступка. Мѣсто же заключенія назначалось сообразно съ общественнымъ положеніемъ виновнаго: табель о рангахъ и здѣсь имѣла свою силу. Для Строганова арестъ во дворцѣ не былъ наказаніемъ; напротивъ, тутъ онъ могъ съ полнѣйшею безопасностью вести свой обыкновенный образъ жизни: принималъ старыхъ друзей, пріобрѣталъ новыхъ между караульными офицерами, приходившими его навѣстить, и всѣ вмѣстѣ коротали время за Шампанскимъ, которое въ изобиліи приносилось тайкомъ. Если дѣло не доходило до ночныхъ оргій, то это только оттого, что собутыльники пьяти раньше.

Когда заключенный узналъ, кто я и зачѣмъ пріѣхалъ въ Россію, то вдругъ почувствовалъ ко мнѣ необыкновенную привязанность. Остроумный, веселый, съ изящными манерами, отъ которыхъ онъ никакъ не могъ отдѣлаться, онъ былъ радъ найти во мнѣ пріятнаго собесѣдника; мы свободно и весело разговаривали, не нарушая приличій, какъ и слѣдовало свѣтскимъ людямъ, до тѣхъ поръ, какъ пріѣхали къ нему двое друзей его. Одинъ изъ нихъ былъ Анатолій Демидовъ, пріобрѣтшій въ послѣдствіи знаменитость своимъ несмѣтнымъ богатствомъ и женитьбою на принцессѣ Матильдѣ (родственницѣ Царя по своей матери, Виртембергской принцессѣ); другой былъ графъ Эдуардъ Шуазель-Гуфье, Французъ по отцу, Полякъ по матери, графиня Потоцкой. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Голицыной, дочери князя Григорья Голицына и умеръ на Русской службѣ. Оба они принадлежали къ высшему Петербургскому обществу. Они пріѣхали рассказать *новую* исторію о г-жѣ Луниной, надѣлавшую много шуму въ свѣтѣ. При этомъ припомнились разныя *старыя* исторіи: злословіе уже не знало мѣры, и посыпались по поводу той же особы рассказы, одинъ хуже другаго.

Лунина была львицей большаго свѣта. Ей уже было за тридцать лѣтъ. Она была не очень безобразна: тогда было въ модѣ находить

ее интересной. Она много путешествовала съ матерью, была во Франціи, въ Германіи, знала хорошо музыку и обладала прекраснымъ голосомъ. Въ Парижѣ, въ салонѣ королевы Гортензіи, она имѣла такой успѣхъ, что Наполсонъ просилъ ее пѣть въ дружескомъ кружкѣ, въ Тюильри. Этого было достаточно, чтобы доставить знаменитость въ Русскомъ обществѣ. Жила она въ нижнемъ этажѣ дома князя Гагарина, на Дворцовой набережной. Рассказывали, что однажды, рано утромъ, Государь, совершая свою любимую прогулку по набережной, увидалъ, что *кто-то* вылѣзалъ изъ окна нижняго этажа. Потомъ, черезъ оберъ-полицмейстера, онъ послалъ сказать хозяйкѣ квартиры, чтобы она остерегалась, потому что ночью къ ней могутъ влѣзть и похитить все, что у ней есть драгоценнаго. Рассказъ этотъ передавался со многими вариантами. Демидовъ и Шуазель прибавляли еще новыя подробности, одну смѣшнѣе и невѣроятнѣе другой, для того, чтобы развеселить нисколько не огорченнаго узника. Справедлива Латинская пословица: *asinus asinum fricat!*

Эти сплетни и рассказы навели на мысль написать героинѣ пламенное объясненіе въ любви. Я долженъ былъ сочинить письмо и исполнилъ это такъ удачно, что превзошелъ всѣ ожиданія проказниковъ.

Въ письмѣ выражалась самая безумная любовь, и такъ искренно, правдоподобно, что тутъ же было рѣшено переписать его набѣло и отослать по адресу.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, Вигель, все по прежнему расположенный ко мнѣ, сказалъ мнѣ:

— Въ нашемъ обществѣ существуетъ нѣсколько кружковъ, совершенно различныхъ по образу мыслей и по своему времяпрепровожденію: въ однихъ все люди серьезные, въ другихъ люди пустые и ничтожные. Въ ваши лѣта хочется знать и тѣхъ и другихъ; въ мои же выборъ уже сдѣланъ. Есть здѣсь салонъ, въ которомъ я не имѣю никакого желанія бывать; но вамъ, конечно, это доставило бы удовольствіе: я говорю о салонѣ m-lle Луниной.

Хотя у ней были живы и отецъ и мать, но всѣ говорили: салонъ m-lle Луниной.

Я, конечно, ни слова не сказалъ о нашей продѣлкѣ на гауптвахтѣ, не желая выдавать виновниковъ шутки, въ которой и я былъ участникомъ. Вигель продолжалъ:

— Для этого я васъ познакомлю съ Хвостовой; она ничего не имѣетъ общаго съ поэтомъ Хвостовымъ, надъ которымъ мы всегда смѣемся. Это тетка львицы, которая живетъ на Дворцовой набережной.

— Въ домѣ Гагарина? невольно вырвалось у меня.

— Ну да! вскричалъ онъ. Стоустая молва дошла и до васъ. Но вы не вѣрьте всему, что рассказываютъ, хоть изъ уваженія къ дипломатическому корпусу, который бываетъ у Луниной. Вы вѣроятно слышали про исторію съ Португальцемъ.... или, можетъ быть, съ Испанцемъ.... а можетъ быть, съ Итальянцемъ?... Люди такъ злы! Былъ только одинъ... хотя онъ могъ быть въ трехъ лицахъ. Увы и ахъ! Хвостова очень умная женщина; она оставила свѣтскую жизнь во-время... Теперь она пишетъ книжки о воспитаніи.

— И она воспитала свою племянницу?

— Это ничего не доказываетъ. Принципы одно, слѣдствіе—другое. Они сглаживаются неизвѣстно какъ и отчего... то есть, оно, пожалуй,

и извѣстно... Ну такъ поѣдемъ къ Хвостовой, и она, какъ умная женщина, предложитъ вамъ познакомиться съ племянницей.

Хвостова приняла насъ отлично. Лицо ея еще сохраняло слѣды прежней красоты. Въ разговорѣ чувствовался умъ и опытность: въ свое время она таки пожила. Это и необходимо, чтобы быть въ состояніи писать о воспитаніи. Герцогиня Люксембургская, г-жа Буфлеръ, воспитали мадмуазель Лозенъ и сдѣлали изъ нея вполнѣ образованную особу.

Милая старушка Хвостова обѣщала устроить дѣло такъ, чтобы мы встрѣтились у ней съ ея племянницей.

Но когда я пріѣхалъ во второй разъ, она прямо обратилась ко мнѣ: — Злополучный человѣкъ! Что вы такое надѣлали? Правду сказалъ Вигель, когда рекомендовалъ васъ какъ сочинителя (*homme de lettres*). Моя племянница просто пришла въ ярость. Вы пишете пламенные письма.... Можете вычеркнуть ея имя изъ списка вашихъ знакомыхъ и вписать мое. Я буду всегда рада васъ видѣть. Посѣщенія ваши мнѣ доставятъ такое же удовольствіе, какъ и ваши произведенія.

И она дружески протянула мнѣ руку. Я ей рассказалъ все по истинѣ, какъ было дѣло, и она очень смѣялась нашей продѣлкѣ. Но когда мнѣ случилось встрѣчаться съ племянницей, то всякій разъ ея черные глаза загорались негодованіемъ.

Послѣ она вышла замужъ въ Италіи за какого-то синьора Риччи, или графа Риччи, у котораго былъ очень хорошій голосъ. Но дуэтъ кончился неудачно: въ 1845 году я видѣлъ графиню въ Москвѣ, въ крайней бѣдности. Она слишкомъ любила пѣніе; эта страсть и была причиною ея разоренія.

Посреди свѣтской жизни, у меня изрѣдка бывали минуты раздумья, правда не надолго, но все-таки я иногда твердилъ себѣ, что слѣдовало бы позаботиться о будущемъ и извлечь какую нибудь пользу изъ моего безразсуднаго поступка, т. е. добровольнаго оставленія родины. По временамъ на меня находили страсть къ изученію Русскаго языка и рвеніе къ военной службѣ. Но чтобы изъ этого что нибудь вышло, нужно было, во первыхъ, чтобы со мной не говорили пофранцузски; во вторыхъ чтобы люди, такъ дружески принимавшіе меня, перестали пускать къ себѣ въ домъ, что мнѣ, какъ человѣку оторванному отъ родины и семьи, было бы очень тяжело. Ни честолюбіе, ни тщеславіе не могли заглушить во мнѣ мыслей о родномъ домѣ и Отецествѣ. Я взялъ учителя Русскаго языка и съ его помощію очень скоро выучился читать и писать. Понималъ я, конечно, немного, да и теперь не могу обойтись безъ словаря, но все таки уроки принесли мнѣ пользу: они заставили меня оцѣнить силу и звучность языка, который, по простотѣ механизма и богатству оборотовъ, достоинъ того, чтобы сдѣлаться когда нибудь международнымъ языкомъ. Я переводилъ слово въ слово образцовыя произведенія литературы, а потомъ построчный переводъ передѣлывалъ въ изысканную Французскую рѣчь и иногда довольно удачно передавалъ смыслъ оригинала. Такимъ образомъ я перевелъ *Марю Посадницу* Карамзина. Вигель похвалилъ мой переводъ, и я его издалъ въ Парижѣ въ 1818 году. Переводъ имѣлъ успѣхъ.

Въ то время познакомился я съ Алексѣемъ Зубовымъ, бывшимъ впоследствии однимъ изъ самыхъ дорогихъ друзей моихъ. Мать его, которая имѣла большое состояніе въ Сибири и у которой онъ былъ един-

ственный сынъ, приходилась сестрой графинѣ *Ивемъ* и нѣкоей Титовой, супругѣ таможеннаго чиновника, писавшаго легкую оперную музыку. Не будучи родственникомъ извѣстныхъ графовъ и князей Зубовыхъ, Алексѣй Зубовъ принадлежалъ къ лучшему Петербургскому обществу. Императрица Александра Ѳеодоровна женила его на своей любимой фрейлинѣ, дочери астронома Эйлера, дѣвушкѣ безъ всякаго состоянія. Государыня хотѣла этимъ бракомъ дать ей богатство; но случилось такъ, что съ богатствомъ она приобрѣла и счастье. Когда я познакомился съ Алексѣемъ Зубовымъ, онъ былъ почти однихъ со мною лѣтъ и только что поступилъ унтеръ-офицеромъ въ Кавалергардскій полкъ. Это былъ высокій, красивый молодой человекъ, съ томнымъ взглядомъ, небрежный и лѣнивый. Не смотря на умственную вялость, онъ былъ очень насмѣшливъ, и насмѣшливое слово выходило у него такъ простодушно и искренне, что всегда мѣтко попадало въ цѣль. Двоюродный братъ его, Титовъ, служилъ унтеръ-офицеромъ въ Преображенскомъ полку. Онъ отличался живымъ, пылкимъ характеромъ. Я подружился съ обоими.

Такъ протекло нѣсколько мѣсяцевъ. Вдругъ по всей Европѣ пронеслась вѣсть о возвращеніи Наполеона въ Парижъ.... Все пришло въ смятеніе. Англія и Германія призывали Россію на помощь; война была неизбѣжна, и мое положеніе должно было тоже измѣниться.... Я сталъ меньше бывать въ обществахъ, отчасти потому что сезонъ уже оканчивался, а отчасти и оттого, что я чувствовалъ, что мое присутствіе стѣснительно для другихъ: при мнѣ неловко было выражать неудовольствіе противъ Франціи. Я обратился къ Вигелю. Онъ посовѣтывалъ мнѣ продолжать знакомство только съ тѣми людьми, которые, благодаря своему умственному развитію, не захотятъ измѣнить отношеній ко мнѣ. У Тухачевскихъ я былъ всегда дружески принятъ; Блудовъ постоянно принималъ во мнѣ большое участіе, которое еще усилилось въ эти трудныя минуты.

До сихъ поръ я жилъ безпечно, но упрекнуть меня было не въ чемъ, и совѣсть моя была спокойна; теперь же мое положеніе становилось затруднительнымъ: нужно было серьезно подумать и рѣшиться.

Капитанъ мой призадумался; его расположеніе ко мнѣ нисколько не измѣнилось, но онъ заговорилъ со мной иначе, чѣмъ въ Парижѣ.

— Подумаемъ, сказалъ онъ, и постараемся исправить невольныя ошибки. Я хотѣлъ вамъ тогда помочь, а вмѣсто того поставилъ васъ въ затруднительное, почти безвыходное положеніе, и мнѣ это очень непріятно, хотя всему виною обстоятельства. Когда вы пріѣхали въ Россію, я, полагаясь на вашъ здравый смыслъ и чувства собственнаго достоинства, предоставилъ вамъ полную свободу выбирать образъ жизни и знакомыхъ по вашему усмотрѣнію. Я зналъ про ваши успѣхи въ свѣтѣ и былъ доволенъ, что вы сѣумѣли приобрести извѣстное положеніе: это могло быть полезно впослѣдствіи. Въ то же время вы продолжали дружескія отношенія съ людьми, съ которыми сошлись въ Парижѣ, хотя эти люди, по своему скромному общественному положенію, не принадлежали къ высшему свѣту. Когда мы уговаривали васъ ѣхать съ нами въ Россію, мы имѣли въ виду вашу пользу: принуждать васъ намъ не было выгоды. Но теперь мы становимся отвѣтственными за ваши поступки, и въ особенности я, такъ какъ я обѣщалъ вашему отцу замѣнить его вамъ и заботиться о васъ. Наполеонъ вернулся и принятъ большинствомъ наро-

да съ восторгомъ. Европа не захочетъ перенести этого униженія, и потому война неизбежна. Исходъ ея тоже можно предвидѣть. Наша армія выступаетъ противъ Франціи, Англіійскія и Нѣмецкія войска уже стоятъ на ея границахъ. Наша гвардія пойдетъ послѣ всѣхъ, и то только въ случаѣ крайней необходимости. Вы можете, если хотите, выйти въ отставку, но можете и продолжать служить: васъ не заставятъ сражаться противъ родины. Такъ было въ 1812 году, такъ будетъ и теперь. Тогда всѣмъ служащимъ иностранцамъ въ военной и гражданской службѣ была предоставлена полная свобода. Война скоро кончится; будетъ заключенъ миръ, и все пойдетъ по старому. Итакъ, если вы остаетесь на службѣ, то вамъ, въ случаѣ выступленія гвардіи въ походъ, позполитъ жить либо въ Петербургѣ, либо въ Варшавѣ, до ея возвращенія. Какая вамъ выгода выходить въ отставку теперь? Вернуться во Францію вамъ нельзя. Навигація еще не открылась, да и кромѣ того тамъ непріятельскій флотъ. Ъхать сухимъ путемъ вамъ не по средствамъ. Кстати ужъ поговоримте и о денежномъ вопросѣ, благо мы его затронули. До сихъ поръ расходы ваши были незначительны, потому что въ вашемъ распоряженіи были мои лошади, а платье вы привезли съ собою изъ Парижа и въ достаточномъ количествѣ. Но если вы останетесь здѣсь по уходѣ полка и захотите вести по прежнему свѣтскую жизнь, то вамъ придется плохо безъ моего экипажа, да и модные портные разорять васъ. Кромѣ того, мало ли что можетъ случиться? Вы останетесь здѣсь совершенно одни, безъ друзей, и хотя вы хорошо приняты во многихъ почтенныхъ семействахъ, гдѣ вамъ не откажутъ въ гостепріимствѣ, но все таки подумайте! Вы самолюбивы и обидчивы. Фальшивое положеніе, неудачи могутъ дурно подѣйствовать на вашъ характеръ; вы будете чувствовать себя несчастнымъ, а меня тутъ не будетъ, чтобъ помочь вамъ. Вотъ этого-то я и боюсь больше всего.

Все это онъ высказалъ такъ просто и подружески, что я былъ тронутъ, и слезы выступили у меня на глаза. Я хотѣлъ отвѣчать, но онъ остановилъ меня.

— Я еще не кончилъ, сказалъ онъ; самое худшее еще впереди, но вамъ лучше знать всю правду. Мои доходы очень ограничены, а небольшая сумма, которая была мнѣ выдана въ Парижѣ на ваши расходы, уже давно истрачена. Въ тотъ разъ, когда вы, увлеченные дурнымъ примѣромъ, сѣли играть, вы выиграли; это былъ первый и единственный разъ, и тѣмъ дѣло и кончилось. Очевидно вы не игрокъ. Но кто же поручится за будущее? Праздная жизнь, жажда сильныхъ ощущений, наконецъ крайность и дурные примѣры могутъ увлечь васъ на эту дорогу... Нѣтъ, не оставайтесь въ Петербургѣ! Поѣдьте вмѣстѣ, мой юный товарищъ! Въ Варшавѣ вы останетесь до окончанія войны; можетъ быть, придется вамъ и поскучать, за то искушеній меньше, чѣмъ здѣсь. А потомъ, когда мы опять свидимся, мы снова потолкуемъ о вашей военной карьерѣ. Къ тому времени дисциплина окажетъ на васъ свое дѣйствіе: вы возмужаете, да и опытности у васъ прибавится.

Я почувствовалъ справедливость его словъ и рѣшился во всемъ послѣдовать его совѣтамъ и отправиться вмѣстѣ съ полкомъ.

Во время похода не случилось ничего замѣчательнаго. По дорогѣ я заѣхалъ въ имѣніе одного изъ моихъ друзей, унтеръ-офицера Семеновскаго полка, Бибикова. Его мать была замужемъ во второй

разъ за полковникомъ *Чуйкевичемъ*, который самъ переѣхалъ въ деревню для устройства имѣнія и сбора оброка. И поѣхалъ вмѣстѣ съ *Бибиковымъ*. У дома стояла толпа крестьянъ съ хлѣбомъ-солью; старикъ, которому было сто двадцать лѣтъ отъ роду, привѣтствовалъ молодаго хозяина, въ первый разъ пріѣхавшаго въ свою вотчину, и поднесъ ему хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ. Около него стояли его два сына, которымъ было по девятина лѣтъ, и вся многочисленная ихъ семья. Пѣсни раздавались цѣлый день. Къ концу обѣда, полковникъ *Чуйкевичъ* велѣлъ позвать троихъ стариковъ, чтобы мы могли полюбоваться ими. И дѣйствительно они стояли того: не смотря на года, они держались совершенно прямо, и глаза сохраняли прежній блескъ. Бѣлые волосы и длинные бороды придавали спокойное величіе ихъ чертамъ. Особенно хорошъ и свѣжъ былъ старикъ-отецъ. Въ немъ еще было много жизни, и даже память ему нисколько не измѣнила. Онъ служилъ солдатомъ при *Петрѣ I* и находился при построении Петербурга. Онъ былъ сторожемъ при только что строившейся *Александрово-Невской Лаврѣ*. Въ то время ему было восемнадцать лѣтъ. Легко вообразить, съ какимъ чувствомъ я пожалъ руку старику, знавшему *Петра Великаго*, исполнявшему его приказанія и даже, можетъ быть, видѣвшему, какъ царь самъ, съ топоромъ въ рукѣ, подавалъ примѣръ рабочимъ.

Въ мѣстечкѣ *Глубокомъ* мнѣ отвели помѣщеніе въ томъ самомъ монастырѣ, гдѣ жилъ *Наполеонъ*. Монахи показывали мнѣ маленькую, плохо-меблированную комнатку, гдѣ онъ помѣщался. Все тутъ оставалось въ томъ же видѣ. Монахи говорили о немъ съ чувствомъ благоговѣнія. Я снова почувствовалъ себя Французомъ и свободнымъ человѣкомъ.

Гвардія остановилась въ *Вильнѣ*. На другой день послѣ нашего прихода туда, я встрѣтился у самаго дома, гдѣ намъ была отведена квартира, съ графомъ *Эдуардомъ Шуазелемъ*. Онъ шелъ навѣстить знакомаго офицера, раненаго на дуэли, который жилъ въ томъ же домѣ. Мы обмѣнялись нѣсколькими словами, и на возвратномъ пути онъ вошелъ ко мнѣ.

— У меня есть къ вамъ просьба, сказалъ онъ.

— Очень радъ служить вамъ, отвѣчалъ я, но предупреждаю, что не стану писать болѣе любовныхъ писемъ мадамъ *Шуазель Луининъ*.

— О нѣтъ, тутъ совсѣмъ другое. Ея двоюродный братъ *Михаилъ Луининъ*, кавалергардскій полковникъ, лежитъ раненый въ этомъ домѣ и можетъ быть еще долго не встанетъ. Скука для него хуже всякой болѣзни. Онъ былъ бы очень вамъ благодаренъ, еслибы вы иногда навѣщали его. Исторія съ письмомъ ему очень понравилась, и онъ хочетъ поблагодарить васъ. Его милая кузина всегда служитъ ему мишенью для шутокъ.

— Но скажите пожалуйста, графъ, сказалъ я, какъ же узнали, что письмо писалъ я?

— Вѣроятно разболталъ *Демидовъ* или *Строгоновъ*, а можетъ быть и я самъ нечаянно. Но вѣдь это было такъ давно!

Луининъ былъ извѣстенъ за чрезвычайно-остроумнаго и оригинальнаго человѣка. Тонкія остроты его отличались смѣлостью и подчасъ цинизмомъ, но ему все сходило съ рукъ. Повидимому онъ мнѣ очень обрадовался. Если бы я могъ двинуться, сказалъ онъ мнѣ, то я бы васъ обнялъ. Дайте мнѣ вашу правую руку, которая такъ ловко владѣетъ обоюдоострымъ перомъ. О, какой эффектъ произвело ваше письмо!

— Но, полковникъ, я только былъ послушнымъ орудіемъ въ чужихъ рукахъ. Виноваты тутъ Шуазель, Демидовъ и Строгоновъ.

— Не вѣрю! Они способны на все; только на это ихъ не хватаетъ.

— Но какъ же узнали объ этомъ письмѣ? Кузина ваша показала его?

— Конечно! Развѣ у самолюбія есть тайны? Да она готова бы сама вамъ продиктовать такое письмо, только бы имѣть возможность прикинуться оскорбленной, негодующей. Это своего рода уловка. Кузина моя давно перестала краснѣть за себя, но она окружена толпою, которая восхищается ею. Будь это письмо написано глупо, она бы промолчала; но получить такое письмо, какъ ваше, было лестно и выгодно; она и разыграла оскорбленную невинность.

Такъ началось мое знакомство съ Лунинымъ, скоро обратившееся въ дружбу. Обстоятельства впослѣдствіи разлучили насъ. Смѣлый на слова, онъ не струсилъ и передъ дѣломъ. Онъ былъ однимъ изъ зачинщиковъ возмущенія 14 Декабря и кончилъ жизнь въ Сибири. Это былъ человѣкъ замѣчательный во всѣхъ отношеніяхъ, и о немъ стоитъ рассказывать.

(Продолженіе будетъ).

Изъ записокъ Ипполита Оже *).

(Съ неизданнаго Французскаго подлинника).

Когда я познакомился съ Лунинымъ, ему было лѣтъ 26. Рана, которую онъ получилъ на дуэли, была довольно опасна: пуля застѣла въ паху, и онъ долженъ былъ перенести трудную операцію. Его блѣдное лицо, съ красивыми, правильными чертами, носило слѣды страданій. Спокойно-насмѣшливое, оно иногда внезапно оживлялось и также быстро снова принимало выраженіе невозмутимаго равнодушія; но измѣнивая фізіономія выдавала его больше, чѣмъ онъ желалъ. Въ немъ чувствовалась сильная воля, но она не проявлялась съ отталкивающей суровостью, какъ это бываетъ у людей дюжинныхъ, которые непремѣнно хотятъ повелѣвать другими. Голосъ у него былъ рѣзкій, пронзительный; слова, точно сами собой, срывались съ насмѣшливыхъ губъ и всегда попадали въ цѣль. Въ спорахъ онъ побивалъ противника, нанося раны, которыя никогда не заживали; логика его доводовъ было также неотразима, какъ и колкость шутокъ. Онъ рѣдко говорилъ съ предвзятымъ намѣреніемъ; обыкновенно же мысли, и серьезныя, и веселыя, лились свободной, неизсякаемой струей; выраженія являлись сами собой, не придуманныя, изящныя и замѣчательно-точные. Онъ былъ высокаго роста, стройно и тонко сложенъ, но худоба его происходила не отъ болѣзни: усиленная умственная дѣятельность рано истощала его силы. Во всемъ его существѣ, въ осанкѣ, въ разговорѣ сказывались врожденное благородство и искренность. При положительномъ направленіи ума, онъ не былъ лишенъ нѣкоторой сантиментальности, жившей въ немъ помимо его вѣдома: онъ не старался ее вызвать, но и не мѣшалъ ея проявленію. Это былъ мечтатель, рыцарь, какъ Донъ-Кихоть, всегда готовый сразиться съ вѣтряною мельницею, чему доказательствомъ могла служить послѣдняя дуэль.

Хотя я съ перваго раза не могъ оцѣнить этого замѣчательнаго человека, но наружность его произвела на меня чарующее впечатлѣніе. Рука, которую онъ мнѣ протянулъ, была маленькая, мускулистая, аристократическая; глаза, неопредѣленнаго цвѣта, съ бархатистымъ блескомъ, казались черными; мягкій взглядъ обладалъ притя-

*) См. выше, стр. 240: Эта часть записокъ Оже (Hippolyte Auger) вся посвящена воспоминаніямъ о знакомствѣ его съ Михаиломъ Сергѣевичемъ Лунинымъ, извѣстнымъ Декабристомъ, роднымъ племянникомъ славнаго въ исторіи Русскаго просвѣщенія Михаила Никитича Муравьева, отъ единственной, нѣжно любимой сестры его Θεодосіи Никитичны. Намъ случилось читать переписку Муравьева съ этою сестрою, относящуюся еще къ прошлому столѣтію. Это были чистыя, возвышенныя сердца. Дѣти обоихъ погибли въ Сибири. Лунинъ, уже въ ссылкѣ, потерпѣлъ страшное наказаніе за безумную попытку возмутить Сибирскихъ жителей. П. Б.

гательною силою. Я не чувствовалъ ни страха, ни смущенія, но онъ сильно возбудилъ мое любопытство. Обращался онъ со мной съ ласковою снисходительностію; но разговоръ, начавшійся шуткой, ожилъ насъ и сразу сблизилъ: не высказываясь еще вполне, мы невольно почувствовали, что въ насъ много общаго, не смотря на его очевидное превосходство. Мы оба отличались отважнымъ характеромъ, понимали и чувствовали одинаково. Но разница въ общественномъ положеніи дѣлала то, что мы на многое смотрѣли различно; разногласіе выразилось съ самаго начала по поводу Россіи и моего поступленія въ Русскую армію. Русскій не могъ судить о причинахъ, побудившихъ меня къ тому, да я и не считалъ пока нужнымъ говорить ему о нихъ; онъ же не понималъ или дѣлалъ видъ, что не понимаетъ, какимъ образомъ Французъ могъ покинуть свое отечество и ѣхать въ варварскую страну. Французъ съ своей стороны не могъ понять, какъ это Русскій считалъ себя варваромъ, когда все въ немъ умственное развитіе, языкъ, манеры, привычки, служили опроверженіемъ этого мнѣнія и свидѣтельствовали о существованіи высшей, утонченной цивилизаціи.

Послѣ перваго свиданія я уже не покидалъ Лунина, до самаго моего отъѣзда изъ Вильны. Намъ было хорошо вмѣстѣ, и я былъ счастливъ, что могъ доставить ему развлеченіе. Впрочемъ онъ не оставался въ одиночествѣ: офицеры часто навѣщали его; но я чувствовалъ по особенному тону, который онъ принималъ въ такихъ случаяхъ, что онъ покорялся своей участи, выслушивая ихъ пустую, шумливую болтовню. Не то, чтобы онъ хотѣлъ казаться лучше ихъ; напротивъ, онъ старался держать себя какъ и всѣ, но самобитная натура брала верхъ и прорывалась ежеминутно, помимо его желанія. Ему и въ голову не приходило, чтобъ я могъ наблюдать за нимъ. У него этой способности не было; онъ не тратилъ времени на размышленіе; мысли у него являлись по вдохновенію огненного воображенія; онъ безстрашно покидалъ міръ извѣстнаго, стремясь къ новому, неизвѣданному; онъ смѣло шелъ впередъ, вѣря, какъ Колумбъ, что земля кругла, и что, плывя, можно куда нибудь доплыть. Вотъ отчего и происходили всѣ его эксцентричныя выходки, кончившіяся плохо для него. Когда я во второй разъ пріѣхалъ въ Россію въ надеждѣ найти средства къ независимому существованію, я долженъ былъ явиться къ графу Бенкендорфу, бывшему тогда шефомъ жандармовъ. Первый вопросъ, съ которымъ онъ обратился ко мнѣ былъ:

— Вы, кажется, хорошо были знакомы съ Лунинымъ?

— Да, ваше сіятельство. Мы жили вмѣстѣ въ Парижѣ, но съ тѣхъ поръ я не имѣлъ отъ него никакихъ извѣстій, такъ что мнѣ казалось, что онъ забылъ меня, и я обвиняю его за то.

— Это доказательство, что онъ васъ уважалъ.

— Я узналъ, что онъ былъ замѣшанъ въ возмущеніи 14-го Декабря.

— Точнѣе сказать, онъ замѣшалъ туда другихъ.

— Будьте такъ добры: скажите мнѣ, какая участь постигла его?

— Онъ умеръ.... въ рудникахъ.... И тамъ онъ продолжалъ предаваться безумнымъ надеждамъ.... Онъ былъ неисправимъ.

— Ваше сіятельство, могу васъ увѣрить, что я ничего не зналъ о его планахъ.

— Не тревожьтесь: намъ все извѣстно. Можете жить спокойно.

Возвращаясь къ прерванному разсказу.

Лунинъ выздоравливалъ; онъ уже могъ садиться и вставать. Я ухаживалъ за нимъ, поддерживалъ его слабые шаги, но самое главное — я служилъ для него развлеченіемъ: со мной онъ могъ говорить обо всемъ. Онъ былъ въ Парижѣ въ 1814 году и воспользовался этимъ, чтобы изучить социальное положеніе или, лучше сказать, организацію Франціи, сравнительно съ Россіей. Въ то время, какъ другіе наслаждались Парижскою жизнію, онъ изучалъ ее, стараясь все понять и отдать себѣ отчетъ въ томъ, что зовется цивилизаціей. Вниманіе его равно привлекали какъ лица, стоявшія во главѣ правленія, такъ и низшіе управляемые классы народа. Ему все хотѣлось видѣть, знать, понимать, чтобы потомъ рассказать на родинѣ. Видя, какъ онъ интересуется моимъ дѣтствомъ и юностью, о которыхъ онъ заставлялъ меня рассказывать, я понималъ, что для него мелкія житейскія подробности казались также существенными, какъ и крупныя стороны жизни.... Онъ заставилъ меня также прочесть ему мои стихи, предупредивъ, впрочемъ, что онъ хотя любитъ поэзію, но врагъ стиховъ. Въ разсужденіяхъ его по этому поводу была своя доля правды; онъ говорилъ: «Стихи—большіе мошенники; проза гораздо лучше выражаетъ тѣ идеи, которыя составляютъ поэзію жизни; она больше говоритъ сердцу развитыхъ и умныхъ людей, чѣмъ плохо рифмованныя строчки, въ которыя хотятъ заковать мысль, въ угоду придуманнымъ правиламъ и въ ущербъ смыслу: двигаются бѣдныя мысли по командѣ, точно солдаты на парадѣ, но на войну не годятся; побѣды одерживаетъ только проза. Наполеонъ побѣждалъ и писалъ прозой; мы же, къ несчастію, любимъ стихи. Наша гвардія это отлично переплетенная поэма, дорогая и непригодная. Я знакомъ со всѣми замѣчательными произведеніями Французской литературы, но люблю только стихи Мольера и Корнея за ихъ трезвость; рима у нихъ не служитъ помѣхою. Въ прозѣ же Шатобріана, наоборотъ, я все ищу римы и не нахожу конечно; оттого я и не люблю ея. То что называютъ поэзіей, т. е. стихи, годится какъ забава, для народовъ, находящихся въ младенчествѣ. У насъ, Русскихъ, поэты играютъ еще большую роль: намъ нужны образы, картины; Франція уже не довольствуется созерцаніемъ, она разсуждаетъ. Впрочемъ, продолжалъ онъ, я человѣкъ справедливый и не требую невозможнаго». И тотчасъ же послѣ такого предисловія Лунинъ потребовалъ, чтобы я ему прочелъ описаніе въ стихахъ дороги отъ Петербурга до Вильны, сочиненное мною отъ нечего дѣлать.

— Ну, сказалъ онъ, это я еще понимаю: содержанія тутъ нѣтъ никакого, потому что вамъ нечего сказать; стало быть вы и занялись обработкой формы, чтобы даромъ не пачкать бумаги. Стихъ у васъ бойкій, живой; но какая цѣль? И сколько чернилъ даромъ потрачено! Нѣтъ, я вижу, у васъ большой умъ; надо васъ вылѣчить и сдѣлать достойнымъ писать прозой. Прочтемте вмѣстѣ Боссюэта и Вольтера, самаго умнаго между всѣми вашими писателями, не смотря на то, что онъ писалъ иногда стихами, какъ напримѣръ, объ Іоаннѣ Д'Аркѣ: это ваша единственная эпическая поэма. Сравниваютъ поэзію съ музыкой; да развѣ это возможно? Музыка свободна, она можетъ быть и туманной, и вполне ясной; поэзія, т. е. стихи, всегда связана; ей выбора нѣтъ, она всегда туманна, даже когда желаетъ быть ясной. Я тоже поэтъ, но поэтъ безъ словъ: я никому не навязываюсь, но предоставляю каждому понимать меня, какъ онъ хочетъ

и какъ онъ можетъ. Вотъ я велю привезти фортепьяно и познакомлю васъ съ своею поэзіей.

— Развѣ вы музыкантъ?

— Въ обыкновенномъ смыслѣ слова — нѣтъ. Инструментъ для меня тоже, что для васъ перо — средство для выраженія мыслей и чувствъ. Я не знаю ни одной ноты; но, не смотря на это, я заставляю васъ прочувствовать то, что самъ чувствую. Я думаю, когда люди еще не умѣли говорить, то музыка служила вмѣсто словъ.... Первыя сношенія между ними начались такимъ образомъ. Впрочемъ, вы не дурно пишете стихи, мой юный другъ; только, если хотите подражать, то подражайте Мольеру и Корнелю, но никакъ не Парни. Я допускаю легкіе стишки, для которыхъ необходима музыка: пустяки, которые не стоитъ говорить, можно пропѣть. Но когда затянуть скучную исторію безъ конца, то по неволѣ задумаешься о своихъ собственныхъ дѣлахъ, а это непріятно, если дѣла плохи. Напишите мнѣ какую хотите шансонетку или романсъ, и когда у меня будетъ фортепьяно, я ручаюсь, что съумѣю сдѣлать ее сносной.

«Les vers sont enfans de la lire,
Il faut les chanter, non les dire» ¹⁾

Я долженъ предупредить читателей, что какъ бы подробно я ни описывалъ Лунина, все-таки я не въ состояніи дать о немъ полного понятія: эта многосторонняя, причудливая натура была неуловима въ своихъ проявленіяхъ, хотя въ глубинѣ ея лежала одна неизмѣнная мысль. Онъ нарочно казался пустымъ, вѣтренымъ, чтобъ скрыть ото всѣхъ тайную душевную работу и цѣль, къ которой онъ неуклонно стремился.

На другой день, когда я вошелъ къ Лунину, настройщикъ приводилъ въ порядокъ только что привезенное фортепьяно. Какъ только онъ ушелъ, Лунинъ сѣлъ за инструментъ и спросилъ: сдержалъ ли я слово и готовъ ли мой трудъ?

— Лучше не называть это трудомъ, отвѣчалъ я; я импровизировалъ романсъ, чтобы сдѣлать вамъ удовольствіе.

— Въ такомъ случаѣ, если мы откроемъ лавочку, то фирма будетъ называться: *соединенное общество импровизаторовъ*. Ну, говорите: я слушаю. Какъ называется вашъ романсъ?

— Вы одинъ изъ сотрудниковъ, вы и придумайте названіе.

Я проговорилъ три куплета, каждый оканчивался припѣвомъ: *Я слишкомъ старъ: мнѣ семнадцать лѣтъ*.

— Названіе найдено: *Русскій въ 1815 году*.

— Если такъ, то я слагаю съ себя всякую отвѣтственность.

— Какъ! вскричалъ онъ, вы не знаете, что сказалъ Наполеонъ: *не созрѣли, а уже стихи*. Мы.... потомки Екатерины II-й.

— Которую Вольтеръ называлъ Екатерина Великій, полковникъ!

— Великій! А дальше что? Вольтеръ былъ льстецъ. А впрочемъ и для этого прозванія, съ мужскимъ окончаніемъ, можно, пожалуй, подыскать причины...

Онъ взялъ нѣсколько аккордовъ, сдѣлалъ прелюдію и перешелъ въ какой-то мотивъ. Въ игрѣ его была замѣчательная твердость и быстрота.

— Вы музыкантъ, не отрицайте этого!

¹⁾ Стихи — дѣти лиры; ихъ нужно пѣть, говорить нельзя.

— Ну да! Я играю, все равно какъ птицы поютъ. Одинъ разъ при мнѣ Штейбельтъ давалъ урокъ музыки сестрѣ моей. Я послушалъ, посмотрѣлъ; когда урокъ кончился, я все зналъ, что было нужно. Сначала я игралъ по слуху, потомъ вмѣсто того, чтобъ повторять чужія мысли и напѣвы, я сталъ передавать въ своихъ мелодіяхъ собственные мысли и чувства. Подъ моими пальцами послушный инструментъ выражаетъ все, что я захочу: мои мечты, мое горе, мою радость. Онъ и плачетъ и смѣется за меня. Я бы могъ назвать вашъ романсъ: *Разочарованный Михаилъ*, но не рѣшаюсь изъ скромности.

Такъ прошло нѣсколько дней. Но скоро былъ объявленъ обратный походъ въ Петербургъ.

— До свиданія! сказалъ онъ на прощаньи; я никогда не забуду, что выздоровѣлъ, благодаря вамъ.

— А я буду помнить, что не захворалъ, благодаря вамъ.

Двѣ недѣли, проведенныя съ Лунинымъ, имѣли на меня сильное вліяніе: я сталъ трезвѣе смотрѣть на жизнь, и это было къ лучшему, потому что мечты иногда мѣшаютъ жить. Я ясно почувствовалъ неопредѣленность своего положенія, и мнѣ вспоминался стихъ: «Теперь свѣтъ идетъ съ Сѣвера». Молодой наставникъ, въ которомъ никто не могъ предполагать педагогическихъ способностей, нанесъ жестокий ударъ моимъ стихотворнымъ наклонностямъ; но поэтическое чувство продолжало жить во мнѣ, хотя уже не на прежнихъ основаніяхъ: я понялъ, что способъ выраженія и отдѣлка не составляютъ геніальности, хотя и необходимы ей какъ орудія. Парадоксы Лунина, въ противоположность его поэтической натурѣ, еще рельефнѣе обрисовали его оригинальную личность. Я все продолжалъ думать о немъ и о его словахъ. Въ мои лѣта, при легковѣсности моей натуры, всякая новая идея находила для себя готовую почву и быстро пускала ростки... До самаго Полоцка я продолжалъ думать въ прозѣ, хотя иногда невольно, по привычкѣ, проскальзывали и стихи. Но случилось, что я вновь поддался искушенію и вотъ какимъ образомъ. Въ Полоцкѣ я захворалъ лихорадкой и долженъ былъ остаться до выздоровленія. Къ несчастію, капитанъ мой покидалъ меня, потому что собственные дѣла заставляли его ѣхать довольно далеко, и у него уже все было готово къ отъѣзду.

— Живите здѣсь до выздоровленія, сказалъ онъ, уѣзжая. Я отдалъ приказанія своимъ людямъ, такъ что вамъ ни о чемъ не нужно будетъ заботиться. Лошадей своихъ я оставляю вамъ, и вы всегда успѣете догнать полкъ. Я вамъ напишу изъ Москвы; въ Петербургѣ вы тоже найдете отъ меня письмо. Всѣ наши друзья будутъ о васъ заботиться.

Полкъ ушелъ, и я остался одинъ между людьми, которые меня не понимали и которыхъ я тоже не понималъ. Тогда мнѣ пришла мысль попросить гостепріимства у Іезуитовъ. Въ то время они пользовались большимъ значеніемъ, и въ школѣ ихъ воспитывались дѣти знатнѣйшихъ фамилій. Отцы Іезуиты, которымъ я объяснилъ свое положеніе, съ готовностью приняли меня, и я скоро поправился, благодаря ихъ хорошему уходу. Опасаясь возврата болѣзни, они меня оставили еще на нѣсколько времени у себя, и я присутствовалъ при урокахъ воспитанниковъ, обѣдалъ вмѣстѣ съ ними, проводилъ рекреаціонное время, какъ будто и самъ былъ изъ числа ихъ. Чтобъ отблагодарить радушныхъ, образованныхъ отцовъ, я вздумалъ напи-

сать небольшое стихотвореніе и напечатать въ типографіи, принадлежавшей къ ихъ заведенію. Кромѣ того мнѣ также хотѣлось доказать свое умѣнье. Въ нашихъ разговорахъ литература часто служила средствомъ для поученій, выраженныхъ всегда въ очень тонкой формѣ; отцы, хорошо знакомые съ обычаями и условіями большаго свѣта, къ которому принадлежали ихъ воспитанники, нисколько не желали сдѣлать изъ нихъ ханжей; но вліяніе было прочно, и воспитанники, выйдя изъ ихъ рукъ, дѣлались вѣрными союзниками. Мнѣ не нужно было притворяться передъ ними, потому что я былъ дѣйствительно религіозенъ: религіозное чувство образовало почву, на которой развивались всѣ понятія объ общественныхъ отношеніяхъ. И такъ мнѣ было не трудно перефразировать текстъ о христіанской любви, примѣняя его къ моему положенію. Я обратился къ Іезуиту, завѣдывавшему типографіей, съ просьбою напечатать небольшое стихотвореніе, плодъ безсонницы, которое должно было служить воспоминаніемъ о моемъ пребываніи у нихъ. Онъ согласился, и вечеромъ я уже могъ поднести отцамъ свое произведеніе. Они заставили меня прочесть его два раза, и потомъ профессоръ литературы Французъ обратился ко мнѣ съ рѣчью. Это была цѣлая лекція о поэзии и ея правилахъ, отлично составленная и прекрасно прочитанная.

Прощаясь со мной, Іезуиты просили меня побывать въ ихъ домѣ въ Петербургѣ и познакомиться съ отцемъ Гривелемъ, который не откажется быть мнѣ полезнымъ въ случаѣ необходимости. Я попросилъ рекомендательнаго письма; но мнѣ отвѣчали, что обо мнѣ уже тамъ все извѣстно. Этотъ во всѣхъ отношеніяхъ недюжинный человекъ въ послѣдствіи пользовался во Франціи огромнымъ вліяніемъ. У него я встрѣчалъ князей Голицыныхъ, служившихъ въ Семеновскомъ полку. Мать ихъ перешла въ Римско-католическую вѣру, что произвело скандалъ въ обществѣ. Однажды въ Петербургѣ, когда я пришелъ къ отцамъ, мнѣ сказали, что наканунѣ ихъ всѣхъ съ жандармами выслали за границу. Объ этомъ событіи громко никто не осмѣливался говорить, какъ и вообще обо всемъ, что дѣлалось властію самодержца. Въ 1817 году, когда я жилъ въ Парижѣ вмѣстѣ съ Лунинымъ, я предложилъ ему отправиться къ отцу Гривелю. Когда я представилъ Лунина какъ эмигранта, изгнанника, даже перебѣжчика, Гривель обошелся съ нимъ чрезвычайно вѣжливо: онъ не могъ простить обиды, нанесенной ему Россіей. Мы долго и серьезно говорили о текущихъ событіяхъ, о томъ, чего можно ожидать, чего желать, и какъ поступить въ томъ или другомъ случаѣ. Пригласивъ насъ посѣщать его, Гривель простился съ нами, говоря: «Такіе люди какъ вы намъ нужны!» Это было передъ событіями 1817 года. Но мы съ Лунинымъ тогдадумали, что не къ чему намъ дѣлаться Іезуитами à robe courte: у насъ было другое дѣло въ жизни. Мы не предполагали, чтобъ общество Іисуса пользовалось такимъ огромнымъ тайнымъ вліяніемъ, а между тѣмъ они были очень сильны и могли бы дать намъ средства къ достиженію какой угодно цѣли.

Возвращаясь къ прерванному разсказу. Вернувшись въ Петербургъ, я скоро почувствовалъ свое одиночество: моего друга, капитана, не было въ Петербургѣ. Я очутился въ затруднительномъ положеніи и вздумалъ обратиться за совѣтомъ къ Вигелю. Въ расположеніи его ко мнѣ я не сомнѣвался, но этотъ замѣчательно умный человекъ оказался несостоятельнымъ въ практической жизни: онъ и съ своими дѣлами не зналъ, какъ справиться. Пришлось выпуты-

ваться самому, и это умѣнье, прибрѣтенное мною тогда, пригодилось мнѣ и впослѣдствіи. Я чувствовалъ себя одинокимъ, но не упалъ духомъ, хотя прежняго спокойствія и увѣренности во мнѣ уже не было: я чувствовалъ, что плыву по бурному морю и каждую минуту могу разбиться о неожиданные подводные камни, называемые случайностями. Опытности у меня еще быть не могло, но уже поступками моими началъ управлять инстинктивная осторожность и благоразуміе. Пока я странствовалъ, молодые мои друзья вышли изъ Пажескаго корпуса. Тухачевскіе и Киреевскіе поступили въ кавалергарды, а братья Хрущовы въ Преображенскій полкъ. Ихъ примѣръ могъ бы ободрить меня, еслибы наше положеніе было одинаково; но я не чувствовалъ въ себѣ призванія къ военной службѣ, да и въ будущемъ видѣлъ для себя много препятствій, отъ которыхъ должно было страдать мое тщеславіе. Впрочемъ моя нерѣшительность еще оставалась тайной для всѣхъ. Я старался держаться кружка людей серьезныхъ, и потому гостиняя Блудовой получила для меня значеніе храма, гдѣ воздавалось поклоненіе уму и внутреннимъ достоинствамъ человѣка. Я понималъ, что недостаточно быть богатымъ или знатнымъ, чтобы имѣть значеніе въ свѣтѣ. Въ обществѣ людей умныхъ, образованныхъ, я не такъ сильно чувствовалъ свое ничтожество, потому что могъ у каждаго заимствовать что нибудь, чтобы хоть отчасти возвыситься до ихъ уровня, или по крайней мѣрѣ оправдать свое присутствіе между этими высоко развитыми людьми. И это заимствование благотворно дѣйствовало на мое собственное развитіе. При этомъ воспоминаніе о Луинѣ не покидало меня; чѣмъ болѣе видѣлъ я людей, тѣмъ болѣе начиналъ цѣнить его оригинальность и зрѣлость мысли. Въ разлукѣ, его вліяніе, подкрѣпляемое собственнымъ размышленіемъ, получало еще болѣшую силу. Съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидалъ я его пріѣзда, спрашивалъ всѣхъ и каждаго, и никто не могъ мнѣ ничего сказать. Наконецъ я рѣшился освѣдомиться о немъ чрезъ письмо къ сестрѣ его Уваровой, горячо любившей брата. Она пригласила меня пріѣхать къ ней. Прежде всего она меня поблагодарила за брата.

— Миша писалъ мнѣ, какъ вы ухаживали за нимъ, и какъ полезно было для него ваше общество. Я вамъ очень благодарна и весьма рада, что могу это высказать.

— Напротивъ, я долженъ быть благодаренъ вашему брату; съ нетерпѣніемъ жду его пріѣзда. Здоровъ онъ?

— Да, рана его совсѣмъ зажила, но ему совѣтовали проѣхаться. Мы его ждемъ каждый день.

Въ эту минуту вошелъ ея мужъ.

— Вотъ, кто такъ хорошо ухаживалъ за моимъ братомъ, сказала она, обращаясь къ нему.

Обращеніе Уварова, отличавшееся искренностію, произвело на меня очень хорошее впечатлѣніе.

— Благодарю васъ за него, сказалъ онъ; вы много сдѣлали для него; я знаю, какъ дорого участіе въ минуты страданія.

Генералъ Уваровъ былъ тяжело раненъ въ послѣднюю войну, и на лицѣ его были еще видны слѣды недавней болѣзни.

Что касается до Уваровой, то она была лучше чѣмъ красавица: умная, милая, изящная, вся въ брата.

Я былъ вполнѣ счастливъ, когда они пригласили меня бывать у нихъ почаще. Недѣлю спустя, Луинъ извѣстилъ меня о своемъ пріѣздѣ.

Послѣ радостныхъ минутъ встрѣчи, я замѣтилъ, что онъ былъ чѣмъ-то озабоченъ; но спрашивать его я не рѣшался. Вскорѣ непредвидѣнные обстоятельства заставили меня высказаться совершенно откровенно, а это вызвало и его на откровенность.

Съ тѣхъ поръ, какъ я расстался съ своимъ капитаномъ, я получилъ отъ него только одно письмо, заботливое и дружеское по обыкновенію. Теперь я получилъ второе, длинное и многословное, очевидно написанное подъ впечатлѣніемъ грустныхъ обстоятельствъ, не допускавшихъ никакого выбора. Бѣдный мой капитанъ! Какъ онъ долженъ былъ страдать! Ему вѣроятно было легче принять рѣшеніе, измѣнившее всю его жизнь, чѣмъ написать письмо такого содержанія. Онъ писалъ, что денежные дѣла его, по недобросовѣстности лица, завѣдывавшаго ими, пришли въ такой беспорядокъ, что ему невозможно болѣе оставаться въ гвардіи, особенно теперь, когда съ заключеніемъ мира уничтожились надежды на скорое повышеніе, и что ему выгоднѣе перейти въ армію съ чиномъ полковника, такъ какъ черезъ нѣсколько лѣтъ онъ можетъ снова поступить въ гвардію съ тѣмъ же чиномъ; жить же въ Петербургѣ для него было бы тяжело; потому онъ, не колеблясь, долженъ поступить такъ, какъ велитъ благоразуміе. Потомъ онъ говорилъ обо мнѣ, о моемъ положеніи, въ случаѣ если бы я вздумалъ продолжать военную службу. Онъ дарилъ мнѣ нашу мебель, своихъ лошадей, сани и дрожки, совѣтуя все это продать какъ ненужное. Онъ зналъ, что вырученная сумма будетъ очень незначительна и мнѣ придется сократить свои расходы. Онъ прибавлялъ, что у него осталась часть принадлежащей мнѣ суммы денегъ, и что онъ немедленно ее вышлетъ. Въ заключеніе, онъ совѣтовалъ, если мнѣ не удастся устроиться такъ, какъ бы мнѣ желалось, уѣхать обратно во Францію, а на время, проведенное внѣ отечества, смотрѣть какъ на заграничное путешествіе.

У меня это письмо цѣло до сихъ поръ, и теперь еще, послѣ многихъ лѣтъ, я не могу читать его безъ волненія: въ немъ высказывается вся честность, благородство и великодушіе человека, считавшаго себя отвѣтственнымъ за мой сумасбродный поступокъ. Я до сихъ поръ еще не называлъ его, но ему принадлежитъ почетное мѣсто въ моемъ разсказѣ, который я могъ бы назвать его именемъ: его знали

НИКОЛАЙ ЕВРЕИНОВЪ.

Письмо это нисколько не поразило меня, точно я его ожидалъ; оно возбудило во мнѣ чувство благодарности къ моему другу. Однако нужно было съ кѣмъ нибудь посоветоваться. Вигель былъ стариннымъ, вѣрнымъ другомъ, но невольная симпатія влекла меня высказаться передъ Лунинымъ, котораго я узналъ только недавно, и который былъ самымъ легкомысленнымъ и вбальмошнымъ между всѣми моими знакомыми.

— Ну, сказалъ онъ, выслушавъ мой краткій, но правдивый разсказъ: вотъ вы и свободны! Капитанъ вашъ умно поступилъ, сбросивъ съ себя цѣпи, приковывавшія его ко двору. Должно быть, и я скоро тоже сдѣлаю.

— Вы? Кавалергардскій полковникъ!

— Я еще болѣе на виду: у меня парадный мундиръ бѣлый, а полубоковой красный.

— Вы откажетесь отъ всѣхъ выгодъ, ожидающихъ васъ на службѣ?

— Очень выгодно раззоряться на лошадей и на подобныя тому вещи! Еще еслибъ я могъ раззоряться! Но у меня отецъ находитъ воз-

можность все болѣе и болѣе урѣзывать назначенное имъ содержаніе. Я денно и ночью проклинаю мое положеніе.

— Дѣйствительно, вы иногда бываете задумчивы.

— Поневолѣ задумаешься, мой милый! Меня держать впроголодь. Вы вѣроятно замѣтили, какъ я похудѣлъ.

— Да, я нахожу, вы блѣдны.

— Блѣденъ! Вамъ, должно быть, словъ жалко. Придумайте что нибудь посильнѣе. На пиру жизни меня угощаютъ квасомъ.

— Говорятъ, отъ него толстѣютъ....

— Дураки одни; тѣ и отъ скуки толстѣютъ. Квасъ возбуждаетъ сильнѣйшее желаніе сдѣлаться отшельникомъ.

— Вы еще не дожили до такихъ лѣтъ.

— Черти только въ молодости и бываютъ набожны. Мнѣ нужны уединеніе и пустыня. Знаете ли, что мнѣ иногда приходится въ голлову? Хорошо бы было отправиться въ Южную Америку къ взбунтовавшимся молодцамъ.... Вы Французъ, слѣдовательно должны знать, что бунтъ—это священнѣйшая обязанность каждаго.

— Вамъ стало быть желательно, чтобъ васъ повѣсили на счетъ Испанскаго короля?

— Ну довольно объ этомъ. Вамъ нужна помощь, т. е. добрый совѣтъ; это я могу. Что-же вы будете теперь дѣлать, если намѣреваетесь что нибудь дѣлать вообще?

— Что вы мнѣ посоветуете?

Да и вамъ бы совѣтовалъ ничего не дѣлать: это безопаснѣе..

Я не могу ничего не дѣлать.

— Вы можете ждать. У васъ есть мебель... Я знаю, чего стоитъ мебель въ казармахъ: за нее дадутъ грошъ.. Еще у васъ пара лошадей... Каковы онѣ?

— Онѣ пожираютъ пространство.

— Это прекрасно, но ихъ нужно еще кромѣ того кормить.

— Хорошенькія, сѣренькія, породистыя Малороссійскія лошадки.

— Если онѣ на что нибудь годны, то за нихъ ничего не дадутъ...

А экипажи...

— Имѣютъ то достоинство, что цѣлы.

— Въ суммѣ получится довольно, чтобъ заплатить за хорошій завтракъ! Раздѣляйтесь поскорѣе съ обломками роскоши и приходите всякій день завтракать ко мнѣ. Но предупреждаю васъ—мой поваръ изъ Спартанцевъ. Вы можете нанять маленькую комнатку съ мебелью и недорогого лакея, такъ какъ прислуга вашего капитана должна отправиться назадъ къ барину, и все будетъ прекрасно.

Планъ этотъ мнѣ понравился, тѣмъ болѣе, что я уже начиналъ считать независимость первымъ условіемъ счастья. Прежде всего я написалъ капитану, чтобъ снять съ него отвѣтственность за свою судьбу, успокоить его и поблагодарить за дружбу. Я общалъ письмами поддерживать дорогія для меня отношенія и, исполнивъ свой долгъ, какъ приказывали и сердце, и совѣсть, принялся за продажу подареннаго мнѣ имущества. Благодаря посредничеству моихъ друзей, мнѣ удалось выручить больше, чѣмъ я предполагалъ. На эту сумму я могъ безбѣдно прожить нѣсколько времени, конечно, не позволяя себѣ ничего лишняго. Одинъ Французъ, жившій на Малой Морской, уступилъ за недорогою цѣну двѣ комнаты. Военной службой я совсѣмъ не занимался и даже почти уже рѣшился при первой возможности выйти въ отставку.

Зиму я провелъ подъ руководствомъ двухъ людей діаметрально-противуположныхъ одинъ другому, такъ что ихъ вліяніе, взаимно уравновѣшиваясь, поддерживало меня въ переходномъ состояніи. Въ разговорахъ съ Вигелемъ мы выходили изъ сферъ дѣйствительности; но онъ, съ необычайнымъ коварствомъ, переходя отъ одного вопроса къ другому и остроумно обсуждая мелочи жизни, мѣшалъ составить мнѣніе о чемъ бы то ни было. Все таки онъ былъ очень милъ. Луинъ же поражалъ своею оригинальностью и искренностью. Его огненная фантазія, стремившаяся за предѣлы существующаго, неудержимо увлекала и меня въ міръ призраковъ, къ цвѣтущимъ берегамъ невѣдомой страны: мы носились въ пространствѣ, то поднимаясь подъ небеса, то опускаясь въ самую глубину земли.

Способности его были блестящи и разнообразны: онъ былъ поэтъ и музыкантъ и въ тоже время реформаторъ, политико-экономъ, государственный человѣкъ, изучившій социальныя вопросы, знакомый со всѣми истинами, со всѣми заблужденіями. Таковъ былъ этотъ необыкновенный человѣкъ.

Однажды утромъ мнѣ принесли записку отъ Уваровой. Она просила меня придти къ ней.

— Ради Бога, сказала она, подите къ Мишѣ, успокойте его.

— Что такое случилось?

— У него была ужасная сцена съ отцемъ; отецъ отказался платить долги за него.

— Развѣ они такъ велики?

— Совсѣмъ нѣтъ; вы сами знаете его жизнь. Но, конечно, есть траты неизбѣжныя въ его лѣта и въ его положеніи. Отецъ ничего не хочетъ слышать, братъ тоже упрямъ. Мужу моему не слѣдъ вмѣшиваться въ это дѣло, а мои слѣзы тутъ не помогутъ. Постарайтесь успокоить вашего друга; вы на него имѣете вліяніе, хоть онъ и не сознается въ этомъ.

— Если вы такъ думаете, я попробую.

Но какимъ образомъ, что вы ему скажете? Не нужна ли тутъ моя помощь?

— Ни подъ какимъ видомъ! Я могу сказать и сдѣлать то, чего вы не можете. Зная горячее сердце, ясный умъ и пылкое воображеніе вашего брата, я вижу только одно средство потушить его гнѣвъ: это—разжечь его сильнѣе.

— Что вы говорите?

— Непремѣнно такъ. Я видѣлъ, какъ нашъ трагикъ Тальма изображалъ бѣшеную ярость Ореста, какъ онъ неистовствовалъ и какъ внезапно наступало затишье. Я буду предлагать вашему брату такія сумасбродныя средства, что онъ поневолѣ образумится, слушая меня. Тутъ необходимы сильныя лѣкарства. Видя мое безуміе, онъ успокоится; совѣтовать же, уговаривать невозможно. Дѣйствительно только то, что идетъ отъ насъ самихъ.. Нужно лишь вызвать это *свое*; въ этомъ вся мудрость.

Уварова, которая была очень набожна, подошла ко мнѣ и, перекрестивши меня три раза, сказала:

— Ну теперь ступайте!

Дорогой я раздумывалъ, что бы такое предложить чудовищное, несообразное, что бы сразу отрезвило моего друга, но ничего не находилъ подходящаго; я махнулъ рукой и положился во всемъ на волю Божію

Лунинъ жилъ въ домѣ отца. Не безъ волненія и страха отворилъ я дверь комнаты, гдѣ находился разгнѣванный сынъ. Лунинъ сидѣлъ за фортепьяно и игралъ съ обычнымъ *brío*.

— Здравствуйте, сказалъ я, подходя, чтобы разглядѣть выраженіе его лица.

Оно было спокойно; пальцы дѣлали свое дѣло. Онъ кивнулъ мнѣ головой, не прерывая игры.

— Что это такое? спросилъ я.

— Аррагонскій болеро. Должно быть, я когда нибудь слышалъ этотъ мотивъ, и теперь онъ мнѣ пришелъ на память.

— Нѣтъ, это ваше собственное произведеніе.

— Очень можетъ быть.

Онъ доигралъ до конца, взялъ три заключительныхъ аккорда и потомъ спокойно подошелъ ко мнѣ поздороваться. На столѣ лежала книга. «Полезная это книга», замѣтилъ онъ, подавая ее мнѣ. Это была Испанская грамматика.

— Грамматика васъ вдохновила? Или, наоборотъ, пѣсня заставила васъ обратиться къ грамматикѣ? Въ отвѣтъ онъ съ обычной флегмой, какъ всегда, когда говорилъ смѣшныя вещи, проговорилъ стихи Скаррона:

Don Pascal Zapata

Ou Zapata Pascal: il ne m'importe guère

Que Pascal soit devant on bien qu' il soit derrière.

Потомъ, съ достоинствомъ указывая на стулъ, онъ произнесъ трагическимъ тономъ, точь въ точь какъ Рокуръ (драматическая актриса, видѣнная имъ въ Парижѣ):

— *Asseyez vous, Néron, et prenez votre place.*

C'était pendant l'horreur d'une profonde nuit.

— Нѣтъ, истина требуетъ, чтобы я рассказалъ вамъ все презрѣнной прозой, и въ самыхъ простыхъ словахъ. Вчера, вечеромъ, послѣ вашего ухода.... отецъ мой, иже есть на небеси, надо мной, то есть во второмъ этажѣ, дверь направо.... отецъ соизволилъ снизить ко мнѣ. Вы не знаете моего отца?

— Я его видѣлъ одинъ разъ.

— Въ праздникъ, вѣроятно?

— Очень красивый старикъ!

Да! Только бы ему бѣлую бороду и синюю мантию!... Ужъ конечно, у меня такихъ полныхъ щекъ никогда не будетъ. Вѣдь мнѣ постоянно приходится голодать.

— Но онъ перестанетъ, наконецъ, держать васъ на полупорціяхъ.

— Вы ошибаетесь. Отецъ мой ничего не дѣлаетъ въ половину: онъ лишаетъ меня всей порціи. Вотъ какъ было дѣло. Онъ послалъ за сестрой; та пріѣхала, испуганная, вмѣстѣ съ мужемъ, и на этомъ семейномъ совѣтѣ, онъ торжественно объявилъ, что не будетъ платить за меня долговъ, чтобы я такъ и сказалъ своимъ кредиторамъ, которые докучаютъ ему.... Но они по глупости продолжаютъ преслѣдовать меня; а чѣмъ же я имъ заплачу, если отецъ небесный не пошлетъ манны въ пустыню моей жизни?... Я, конечно, представилъ этотъ убѣдительный доводъ и многіе другіе, но виновникъ моихъ злополучныхъ дней пришелъ въ ярость отъ моихъ словъ. Я тоже обозлился, и, чтобы успокоить его, наговорилъ много вздору, такъ что когда мы разошлись, онъ былъ блѣденъ, а я красенъ, то есть

наперекоръ обыкновенному порядку вещей. Ну вы понимаете, такое нарушеніе правилъ могло произойти только вслѣдствіе сильнѣйшаго душевнаго волненія.

— Но, дорогой мой Мишель; мнѣ всегда казалось, что вы и не надѣялись на иной исходъ.

— Ну да! Дерево скрипитъ, скрипитъ, да наконецъ и не выдержитъ — рухнетъ съ трескомъ, пожалуй и зашибетъ, кто близко.... Сестра пошла за отцомъ.... который на небеси, во второмъ этажѣ, дверь направо.... Уваровъ пошелъ за женой; они хотѣли умиловить отца, а я легъ спать и не смыкалъ глазъ во всю ночь. Я все старался себѣ представить со всѣми подробностями ужаснѣйшее положеніе кавалергардскаго полковника, отбивающагося съ оружіемъ въ рукахъ отъ полиціи, которая явилась арестовать его за долги!

— Вы не первый и не послѣдній.

— Тѣмъ хуже. Какъ скоро это такая обыкновенная вещь, для меня она ужъ не годится. Если случилось такое несчастіе, то нужно выпутаться изъ него иначе, чѣмъ дѣлаютъ другіе. Когда человѣкъ не спитъ, то онъ размышляетъ. Я и размыслилъ, что не слѣдовало такъ выходить изъ себя, говоря съ отцемъ; лучше бы было предоставить гнѣваться только ему: тогда бы вина была на его сторонѣ, а теперь она на моей. Вспомнилъ я и ариѣметику. Вѣдь чтобы взять двадцать изъ десяти, нужно занять единицу, равняющуюся десяти; если же нѣтъ десяти, то нужно взять двадцать. Нѣтъ ничего на свѣтѣ точнѣе цифръ.

— Ну и вы нашли новаго ростовщика?

— Само собою разумѣется! И разумѣется, ростовщикомъ будетъ мой отецъ.

— Какимъ же чудомъ?

— Чуда нѣтъ: это простая спекуляція.

— Но по какому случаю?...

— И не случай, а отличная спекуляція. Милый другъ, вы чуть не сказали глупости.

— Когда дѣло идетъ о васъ, то глупости въ голову не приходятъ.

— Эхъ, умные-то люди и оказываются чаще всѣхъ дураками, если даже допустить, что я уменъ.... Ну такъ слушайте же мой въ высшей степени интересный разсказъ. Проснувшись, или лучше сказать, не спавши, кликнулъ я своего камердинера. Алексѣй, какъ всегда, подалъ мнѣ туфли, халатъ и трубку. «Алексѣй, сказалъ я ему, ступай на верхъ къ отцу и доложи, что я собираюсь къ нему». Алексѣй на лѣстницѣ встрѣчаетъ Артемья, отцовскаго камердинера, который шелъ ко мнѣ съ такимъ же порученіемъ отъ своего барина. Болваны останавливаются на лѣстницѣ побалагурить. Въ это время, я выхожу и иду на верхъ; отецъ мой спускается внизъ:

Je crois voir vers Louis le Grand.

Philippe Quatre qui s'avance

Vers l'île de la conférence.

Мы встрѣчаемся, лакеи уступаютъ намъ свое мѣсто. Я склоняю голову.

— Отецъ мой, говорю я весьма почтительно, умоляю васъ, простите меня: я виноватъ передъ вами.

— Сынъ мой, отвѣчаетъ онъ мнѣ, я былъ слишкомъ суровъ, это правда... Но подумай, Миша: если я выплачу твои долги, ты опять

надѣлаешь новыхъ.... Нужно какъ нибудь умиротворить твоихъ кредиторовъ.

— Отецъ мой, самое лучшее средство—расплатиться съ ними; иного исхода нѣтъ.

— Но если я заплачу имъ, они опять тебѣ дадутъ взаймы.

— Батюшка, я боюсь, что именно такъ и будетъ.

— Чортъ возьми, да именно этого-то я и не хочу.

— Ну такъ я вамъ предложу очень разумную вещь.

— Говори, я слушаю.

— Но, дорогой батюшка, вамъ неудобно на лѣстницѣ...

— Мнѣ очень ловко; какое твое разумное предложеніе? Говори.

— Батюшка, вы заплатите за меня долги.

— Да я не хочу платить твоихъ долговъ.

— Позвольте, дайте договорить. Вы заплатите долги, и кромѣ того вы мнѣ еще выдадите небольшую сумму, которая мнѣ необходима.

— Миша, да ты съ ума сошелъ!

— Батюшка, я бы могъ замѣтить тоже самое... (неужели я это сказалъ, великій Боже? Кажется, слова эти вырвались у меня безсознательно, потому что, видя возрастающее волненіе и безпокойство виновника дней моихъ, я и самъ начиналъ терять власть надъ собой, и готовъ былъ на все. Къ счастью, онъ не обратилъ вниманія на мои слова, и я успокоился). Если вы мнѣ не дадите договорить и объяснить мое предложеніе, мы никогда не поймемъ другъ друга. Заплатите мои долги, дайте еще нѣсколько тысячъ, которыя мнѣ необходимы, и я уже никогда у васъ ничего не буду просить: я дѣлаю завѣщаніе въ вашу пользу, и ту часть, которую я долженъ бы получить отъ васъ въ наслѣдство, получаете вы. Вы понимаете, какъ это выгодно для васъ.

— Ты съ ума сошелъ, бѣдный Миша!

— Батюшка, до нѣкоторой степени это вѣрно. Вы увидите сами, дайте договорить: если вы заплатите долги мои и дадите мнѣ еще деньжонокъ, то вы навсегда раздѣляетесь со мной. Я выйду въ отставку...

— Ты, въ отставку? Кавалергардскій полковникъ!

— Какъ же я могу служить въ кавалергардахъ съ моимъ ничтожнымъ доходомъ, котораго вы меня теперь лишили, и съ долгами, которыхъ вы не хотите платить? И такъ я выхожу въ отставку, отправляюсь въ Южную Америку и поступаю въ ряды тамошнихъ молодцовъ, которые теперь бунтуютъ. Такимъ образомъ я доказываю свою *независимость* и ничѣмъ не рискую кромѣ жизни. .. Такъ какъ я получилъ ее отъ васъ, то вы выдадите мнѣ росписку. Подумайте! Больше мнѣ ничего не остается, коль скоро вы хотите лишить меня назначеннаго содержанія... Изъ небольшихъ ручейковъ можетъ образоваться въ сложности такой потокъ... Нѣтъ, лучше раздѣляйтесь со мной теперь же: право, это для васъ всего выгоднѣе.

— Я вижу, что ты неисправимъ.

— Вы правы. Я ставлю все на карту: всѣ козыри у васъ на рукахъ... Выиграю я или проиграю, въ результатъ получится для меня радикальное исправленіе, чего не въ состояніи сдѣлать никакія отеческія наказанія, хотя вы имѣете въ виду мое благо, точь въ точь какъ воспитатели въ католическихъ школахъ, которые сѣкутъ дѣтей для ихъ же пользы.

— И ты, какъ блудный сынъ, покинешь своего отца?

— Разница та, что блудный сынъ уноситъ съ собою слѣдующую ему по закону часть, а я прошу у васъ только чего нибудь въ зачетъ.

— И сестру, которая тебя такъ любитъ?

— У сестры есть ребенокъ, отецъ, мужъ; она ихъ всѣхъ любитъ: я облегчу ей бремя привязанностей...

— Негодяй! Бездѣльникъ! проговорилъ онъ съ негодованіемъ.

— Да, я къ несчастію никуда негоденъ: весь износился. Батюшка! Мое предложеніе выгодно для васъ: дайте денегъ и отпустите меня на всѣ четыре стороны.

Лунинъ остановился, чтобы отдохнуть и принять патетическую позу; въ ней было столько комизма, что я не могъ удержаться отъ смѣха.

— Смѣйтесь, безчувственный, смѣйтесь, заговорилъ онъ снова. Я ожидаю всевозможныхъ бѣдствій: потопа, Египетскихъ казней, избиенія младенцевъ, Французской революціи... Отецъ изъяснилъ свое согласіе!!

— Онъ согласился?

— На той самой ступенькѣ, куда онъ долженъ былъ сѣсть отъ сильнаго волненія. Онъ сидѣлъ, опустил голову на руки, и разсуждалъ самъ съ собою. Очень можетъ быть, что онъ, какъ тотъ отецъ, въ *Продѣлкахъ Скапена*, повторялъ про себя: *за какимъ чертомъ пошелъ онъ на эту проклятую галеру?*

— Стало быть, онъ заплатитъ за васъ долги?

— Не торопитесь: тутъ все дѣло въ второстепенныхъ подробностяхъ; онѣ смѣшны, а развязка очень пошлая.

— Ну говорите, я горю отъ нетерпѣнія.

— Непріятное ощущеніе... И такъ отецъ мой сидѣлъ, думалъ, соображалъ, высчитывалъ, продѣлывалъ уравниенія со многими неизвѣстными, и мы долго молчали. Наконецъ онъ первый заговорилъ:

— У тебя десять тысячъ долгу?

— Можетъ быть, даже немного больше.

— Ты хочешь путешествовать?

— Изъ экономіи, батюшка: я соблюдаю ваши выгоды.

— На это потребуется тысячь пять?

— По крайней мѣрѣ.

— И больше тебѣ ничего не нужно?

— Мнѣ нужно ваше благословеніе. батюшка.

— Благословляю тебя.

— Вы начинаете съ конца, батюшка.

— Я созову твоихъ кредиторовъ и поговорю съ ними....

— Они останутся глухи, какъ всегда.

— Я ихъ образумлю, они выслушаютъ.

— Но не уступать ни копѣйки.

— Я поручусь, и они согласятся подождать.

— И причтутъ законные проценты... Старая исторія... А деньги на путешествіе? Если вы хотите, чтобы я васъ оставилъ въ покоѣ, дайте мнѣ возможность уѣхать.

— Сколько ты сказалъ, тебѣ нужно?

— Пять тысячъ безотлагательно, и ни копѣйки меньше.

— Въ такомъ случаѣ, ты можешь продать мои двѣ кареты: онѣ мнѣ не нужны, доктора совѣтуютъ мнѣ моціонъ.

— А ноги вы у нихъ же возьмете? Я думаю, что для васъ будетъ лучше, если вы сами займетесь этой продажей. Я не умѣю ни продавать, ни покупать.

— Ты только умѣешь приводить меня въ отчаяніе.

— Зачѣмъ же отчаяваться? Вы должны, напротивъ, надѣяться.

— Тогда (продолжалъ Луинъ уже другимъ тономъ), такъ какъ онъ все еще сидѣлъ на ступенькѣ и жалобно смотрѣлъ на меня, съ мольбою простирая руки, я помогъ ему встать. Онъ объявилъ, что принимаетъ мои условія. Я его проводилъ и вернулся къ себѣ. Вотъ моя просьба объ отставкѣ, только что испеченная: еще чернила не успѣли высохнуть! Въ ней моя будущность, моя свобода. Поиспански свобода *libertade*.

По словамъ Уваровой, я ожидалъ совсѣмъ другаго, а тутъ вдругъ этотъ юмористическій рассказъ съ перемѣной голоса, жесты, интонаціи, игра физіономіи! Я былъ и удивленъ, и обрадованъ. Наконецъ-то мой бѣдный Луинъ могъ раздѣлаться съ ростовщиками и вздохнуть свободно.

— Я понимаю, что теперь, послѣ капитуляціи, вы уже не можете оставаться въ военной службѣ, сказалъ я ему, и тащиться по избитой колѣѣ; но съ вашими блестящими способностями, вы можете быть полезнымъ въ гражданской службѣ и сразу стать превосходительствомъ.

— Мой милый, вскричалъ онъ, для меня открыта только одна карьера—карьеря свободы, которая поиспански зовется *libertade*, а въ ней не имѣютъ смысла титулы, какъ бы громки они ни были. Вы говорите, что у меня большія способности и хотите, чтобъ я ихъ схоронилъ въ какой нибудь канцеляріи изъ-за тщеславнаго желанія получать чины и звѣзды, которыя Французы совершенно вѣрно называютъ *сгачахъ*... Какъ! Я буду получать большое жалованье и ничего не дѣлать, или дѣлать вздоръ, или еще хуже — дѣлать все на свѣтѣ, и при этомъ надо мной будетъ начальникъ, котораго я буду ублажать, съ тѣмъ чтобъ его спихнуть и самому сѣсть на его мѣсто? И вы думаете, что я способенъ на такое жалкое существованіе! Да я задохнусь, и это будетъ справедливымъ возмездіемъ за поруганіе духа. Избытокъ силъ задушить меня. Нѣтъ, нѣтъ мнѣ нужна свобода мысли,—свобода воли, свобода дѣйствій. Вотъ это настоящая жизнь! Прочь обязательная служба! Я не хочу быть въ зависимости отъ своего офиціального положенія; я буду приносить пользу людямъ, тѣмъ способомъ, какой мнѣ внушаютъ разумъ и сердце. Гражданинъ вселенной—лучше этого титула нѣтъ на свѣтѣ. Свобода! *Libertade*! Я уѣзжаю отсюда. Поѣдемъ вмѣстѣ! Ваше призваніе быть волонтеромъ: я васъ вербую въ наши ряды.

Тутъ я поспѣшилъ прервать его, чтобъ немного охладить порывъ увлеченія:—Вы думаете, что я достоинъ быть вашимъ Санхомъ Пансою, благородный Ламаншскій герой? Я уже теперь вижу, какъ будетъ сіять на вашей головѣ бритвенный тазъ! Да, я послѣдую за вами, и всякій разъ послѣ неудачной борьбы съ вѣтряными мельницами, которыя зовутся дѣйствительностью, буду напоминать вамъ пословицы, изреченія народной мудрости. Я тоже не хочу больше носить оружія, но вмѣсто него я вооружусь перомъ и тамъ, на цвѣтушихъ берегахъ Сены, буду осмѣивать людскія слабости.

— Прелестная Дезульеръ, вы все еще мечтаете о стихахъ! Это не къ добру.

— Какъ, при вашемъ вольнодумствѣ вы суевѣрны?

— Какъ фаталистъ, я долженъ быть суевѣренъ. Развѣ я вамъ не говорилъ, что въ Парижѣ я былъ у Ленорманъ?

— Ну и чтоже вамъ сказала гадальщица?

— Она сказала, что меня повѣсятъ. Надо постараться, чтобъ предсказаніе исполнилось.

Мы разошлись: онъ съ лицомъ, сіяющимъ отъ восторга, отправился къ сестрѣ подѣлиться своими мечтами и счастьемъ; а я пошелъ домой, подумывая о скоромъ отъѣздѣ. Мною овладѣла тоска по родинѣ: перемѣна воздуха становилась для меня необходима.

Разъ рѣшившись выйти въ отставку, мы съ Лунинымъ больше не раздумывали; мысль объ освобожденіи всецѣло овладѣла нами, и мы, каждый про себя и вмѣстѣ, разработывали ее во всѣхъ подробностяхъ и послѣдствіяхъ. При всемъ томъ цѣли у насъ были различныя.

Желаніе снова увидать родину одерживало во мнѣ верхъ надъ остальными неясными стремленіями и надеждами. Къ тому же жизнь искателя приключеній, странствующаго по бѣлу свѣту, не особенно прельщала меня; да и къ бунтамъ я не чувствовалъ природнаго влеченія. Я старался представить себѣ будущее, разсчитать шансы успѣха; мнѣ казалось лучше, если бы экспедиція наша имѣла другую цѣль, или по крайней мѣрѣ, еслибы она направилась въ другую часть земнаго шара, а не туда, куда предполагалъ Лунинъ. Я сталъ отговаривать его.

— Неужели, говорилъ я ему, наша дѣятельность можетъ проявиться съ успѣхомъ только подъ экваторомъ? Разсмотримъ этотъ вопросъ. Старый свѣтъ износился и обветшалъ; новый еще не тронутъ. Америкѣ нужны сильныя руки; Европѣ, старой, беззубой, съ ея центромъ, вѣчно обновляющимся Парижемъ, нужны развитые умы. Куда же мы пойдемъ? Физической силой похвалиться мы не можемъ. Конечно до Орфея мнѣ далеко; но все таки я думаю, что слово окажется болѣе сильнымъ орудіемъ въ моихъ рукахъ, чѣмъ кинжалъ. Ловкій софизмъ имѣетъ болѣе шансовъ на успѣхъ въ средѣ стараго общества, чѣмъ проповѣдь съ оружіемъ въ рукахъ среди дикихъ народовъ. Прежде чѣмъ принять окончательное рѣшеніе, слѣдуетъ подумать; не мѣшаетъ также посоветываться и съ желудкомъ и принять въ разсчетъ пищеварительныя способности: я нисколько не желаю пробовать человѣческаго мяса, и голодать тоже не хочу, тѣмъ болѣе, что я почти увѣренъ, что, пользуясь всѣми припасами, доставляемыми цивилизаціей, я съумѣю при помощи познаній состроить себѣ очень порядочный обѣдъ.

— Вы Византіецъ-Французъ и больше ничего, отвѣчалъ Лунинъ.

Лунина всѣ побаивались за его смѣлые поступки и слова. Онъ не щадилъ порока, и иногда его меткія остроты бывали направлены противъ высокопоставленныхъ лицъ. Онъ никогда не заходилъ такъ далеко, чтобъ навлечь на него наказаніе; онъ возбуждали смѣхъ, но иногда могли оскорбить. Его рѣшеніе выйти въ отставку было принято съ затаеннымъ удовольствіемъ: препятствій не оказалось никакихъ; напротивъ, спѣшили все уладить поскорѣе.

Доложили Государю, что кавалергардскій полковникъ Лунинъ желаетъ выйти въ отставку.

— Это самое лучшее, что онъ можетъ сдѣлать, отозвался Императоръ.

— Онъ просить позволенія ѣхать за границу.

— Позволю: съ Богомъ!

Эти рѣзкіе отвѣты Государя, отличавшагося кротостью и ласковымъ, вѣжливымъ обращеніемъ, объясняются небольшимъ происшествіемъ, случившимся въ 1812 году, до нашествія Французовъ. Лунину вздумалось нанять въ Кронштадтѣ лодку и ѣхать одному въ море, чтобы снимать планы укрѣпленій. Его замѣтили въ зрительную трубу, нагнали и арестовали. Государь потребовалъ у него объясненія этого дерзкаго поступка. — Ваше Величество, отвѣчалъ онъ, я серьезно интересуюсь военнымъ искусствомъ, а такъ какъ въ настоящее время я изучаю Вобана, то мнѣ хотѣлось сравнить его систему съ системой вашихъ инженеровъ.

— Но вы могли бы достать себѣ позволеніе; вамъ бы не отказали въ просьбѣ.

— Виноватъ, Государь: мнѣ не хотѣлось получить отказъ.

— Вы отправляетесь одинъ въ лодкѣ, въ бурную погоду: вы подвергались опасности.

— Ваше Величество, предокъ вашъ Петръ Великій умѣлъ бороться со стихіями. А вдругъ бы я открылъ въ Финскомъ заливѣ неизвѣстную землю? И бы водрузилъ знамя Вашего Величества.

— Говорятъ, вы не совсѣмъ въ своемъ умѣ, Лунинъ.

— Ваше Величество, про Колумба говорили тоже самое.

— Я прощаю сумашедшихъ; но прошу, чтобъ въ другой разъ этого не было.

Уварова, горячо любившая брата, была огорчена его намѣреніемъ покинуть Россію, хотя и она и мужъ ея одобряли его, такъ какъ, по упрямству отца, не оставалось другаго исхода. Они тоже находили, что благоразумнѣе жить во Франціи, чѣмъ поступать въ ряды возмущившихся Американцевъ: послѣднее они тоже считали довольно рискованнымъ предпріятіемъ, и намъ, наконецъ, удалось соединенными усиліями уломать Лунина. Теперь оставалось ждать удобной минуты для отъѣзда, а покуда время проходило для меня такъ пріятно, что и теперь, при воспоминаніи о немъ, я снова чувствую себя молодымъ. Пржеініе друзья были забыты для Лунина: я совершенно подчинился ему и былъ счастливъ. Съ утра я приходилъ къ нему, и мы рѣшали, какъ проводить день. Чаше всего мы отправлялись за городъ, или же садились въ лодку и катались по заливу. Съ собою мы брали книги, провизію, чай и самоваръ. Лакей поилъ насъ чаемъ, онъ же былъ и гребцомъ. Иногда мы высаживались на Крестовскій островъ и тамъ отдыхали подъ соснами; иногда ѣздили въ Екатерингофъ, и тамъ, подъ березами, Лунинъ рассказывалъ по поводу загороднаго домика Петра I интересныя подробности о Преобразователѣ Россіи.

Въ одну изъ этихъ прогулокъ Лунинъ прочелъ вслухъ *Le l'épreux de la cité d'Aoste*, который только что появился тогда въ Петербургѣ. Онъ читалъ очень хорошо. Блѣдная, сѣверная природа вполнѣ гармонировала съ печальнымъ тономъ разсказа; лодка тихо покачивалась; сѣрое небо отражалось въ волнахъ залива: нами овладѣвало тихое, грустное раздумье.

Лунинъ обладалъ большою чувствительностію. Воспитаніе развило въ немъ умъ, который и преобладалъ въ обыкновенное время надъ воображеніемъ; условія общественной жизни, какъ она сложилась въ Петербургѣ, пріучили его ко многому относиться съ насмѣшкою и не-

довѣріемъ, и бывали минуты, когда природное чувство, вступая въ свои права, всецѣло овладѣвало имъ; тогда въ немъ и слѣда не оставалось обычной сухости и насмѣшливости.

Михайлъ Лунинъ не имѣлъ претензій Вигеля, но онъ хорошо былъ знакомъ съ исторіей своей родины и особенно любилъ останавливаться на выдающихся событіяхъ новѣйшей исторіи. Съ Карамзинымъ онъ не былъ друженъ, но цѣнилъ его достоинства, какъ историка и добросовѣстнаго изслѣдователя. Иногда, по праздникамъ, мы вмѣшивались въ толпу, и Лунинъ сообщалъ мнѣ свои историческія, часто полныя глубокаго смысла замѣчанія на счетъ народа, его нравовъ, качествъ и недостатковъ. Мы были и на гуляньѣ 1-го Мая, и тутъ онъ не пощадилъ своими сарказмами высшихъ классовъ. Онъ не пропускалъ ни одного лица: о каждомъ была у него въ запасѣ исторія, и большею частію скандальная; но онъ такъ мастерски рассказывалъ, такъ мѣтко умѣлъ охарактеризировать однимъ словомъ своихъ героевъ, что по неволѣ приходилось прощать ему его цинизмъ. Еслибъ не скупость отца, онъ бы могъ быть однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей въ высшемъ обществѣ; а теперь ему приходилось стоять въ толпѣ глупыхъ зѣвакъ и довольствоваться обществомъ иностранца, у котораго было только то достоинство, что онъ умѣлъ его понимать и цѣнить. Чтобъ не быть предметомъ состраданія или презрѣнія для своихъ соотечественниковъ, онъ рѣшилъ вести скромную жизнь на чужой сторонѣ, и теперь заранѣе приучалъ себя къ лишеніямъ. Но онъ былъ веселъ и не жаловался на судьбу. Онъ бодро шелъ, съ гордо поднятой головой, думая, какъ Фигаро, что для того, кто долженъ ходить пѣшкомъ, стыдъ—лишнее бремя.

И такъ, наше общественное положеніе уравнилось, и мы могли жить вмѣстѣ, тѣсно соединенные общею умственною жизнію.

Лѣто уже было на исходѣ; наступала пора подумать объ отъѣздѣ. Мы отправились въ Кронштадтъ освѣдомиться о судахъ, отходящихъ во Францію или въ Англію.

Трехъ-мачтовый корабль *Вѣрность* изъ Дьеппа, нагруженный сальмомъ, готовился къ отплытію въ Гавръ; мы условились въ цѣнѣ и два дня спустя покинули Петербургъ. Уваровъ съ женой провожали насъ до парохода, который и перевезъ насъ черезъ Финскій заливъ. До тѣхъ поръ не было пароходовъ въ Россіи: первые появились на Финскомъ заливѣ. Лунинъ-отецъ, въ приливъ родительской нѣжности, захотѣлъ насъ проводить до корабля. 10/22 Сентября 1816 г., въ два часа пополудни, мы вышли изъ гавани въ хорошую погоду и съ попутнымъ вѣтромъ.

Два года тому назадъ я вѣзжалъ въ ту же самую гавань, полный надеждъ, которымъ не суждено было исполниться. Но я провелъ счастливо эти два года. Я уносилъ съ собою много дорогихъ воспоминаній и уѣзжалъ съ чувствомъ благодарности за оказанное мнѣ гостепріимство. Когда корабль вышелъ изъ гавани, мы, стоя съ Лунинымъ на палубѣ, послали послѣдній привѣтъ отцу его, который съ вала посылалъ намъ свое благословеніе, осѣняя крестомъ всѣ четыре стороны. Сынъ былъ видимо изволнованъ, но и тутъ не могъ удержаться отъ шутокъ.

— Вотъ добрый отецъ-то! сказалъ онъ. Буду я вслѣдствіе финансовыхъ соображеній, а онъ хочетъ показать дѣло въ иномъ видѣ. Ну, чтожъ, я ему благодаренъ: для меня онъ нарушилъ свои привычки. Я даже теперь, разлучаясь съ нимъ, чувствую что-то въ родѣ сожа-

лѣнія. Я полагаю, что эти грустныя предчувствія у меня отъ того, что онъ уже слишкомъ расщедрился на прощанья. Помилуйте! Двадцать пять бутылокъ портеру, двадцать пять бутылокъ рому, пудъ свѣчъ и даже лимоны!... Правда, онъ долго не хотѣлъ покупать лимоновъ; но понялъ, что ромъ и портеръ дешевле въ Кронштадтѣ, чѣмъ въ Петербургѣ. Ему это удовольствіе! Да, скупой отецъ даже готовъ на подарки, если только есть случай при этомъ выгадать копѣйку.... Ну, а что касается до свѣчей, тутъ ужъ я не понимаю... Развѣ только онъ, какъ настоящій Русскій баринъ, хочетъ доказать Французамъ превосходство нашего освѣтительнаго матеріала? Вѣдь это чистый воскъ! Жаль: я теперь начинаю понимать, что съ нимъ можно бы столковаться. Да, и не такъ повелѣ дѣло!

Въ минуту отъѣзда всегда является чувство безотчетнаго страха, какой-то торжественности, которое невольно овладѣваетъ нами. Чувство это еще сильнѣе, когда вы ѣдете по морю: земля уходитъ изъ глазъ, безграничное море все полнѣе васъ охватываетъ; вы испытываете волненіе, какое-то глупое предчувствіе. И Луинъ и я, мы оба ощущали тоже впечатлѣніе; мы слѣдили глазами за убѣгавшимъ песчанымъ Русскимъ берегомъ, остаткомъ твердой земли; говорить мы были не въ состояніи. Такъ продолжалось вплоть до ночи. Когда стемнѣло, матросы запѣли *Veni Creator*, и всѣ стали на колѣни. Я вспомнилъ, какъ въ Петербургѣ говорили, что Французъ не исполняютъ религіозныхъ обрядовъ, и былъ радъ за своихъ соотечественниковъ. Тишина вечера, торжественное зрѣлище колѣнопреклоненныхъ матросовъ, тронули даже Лунина.

Корабль нашъ не рассчитывалъ на пассажировъ; поэтому намъ пришлось удовольствоваться низенькой, узкой комнаткой, не представлявшей никакихъ удобствъ. Но мы безропотно покорились своей участи. Такъ какъ голодъ давалъ себя чувствовать, то мы прежде всего приняли за осмотръ провизіи, взятой на дорогу. Благодаря заботливости Уваровой, намъ долго не предвидѣлось необходимости прибѣгать къ матросскому кушанью: у насъ въ избыткѣ были холодныя жаркія, лакомства и т. д. Мы весело поужинали и, благодаря родительской щедрости, выпили за здоровье всѣхъ, покинутыхъ нами.

Въ эту ночь я спалъ, какъ убитый; меня убаюкивала надежда увидать свою родину. Утромъ я проснулся здоровый, съ свѣжей головой. Сквозь трещины каюты проникалъ воздухъ; солнечные лучи золотыми нитями ложились на полу; сверху доносились звуки утренней молитвы. Товарищъ мой проснулся съ веселымъ восклицаніемъ, и мы, умывшись съ помощью представленнаго къ намъ для услугъ матроса и убравши каюту, поспѣшили на палубу, чтобъ освѣжиться. Передъ нами былъ живописный островъ Голандъ съ утесами, на которыхъ росли сосны; между деревьями мелькали хижины. Луинъ срисовалъ видъ, а я съ своей стороны старался запомнить его, чтобъ потомъ при случаѣ описать его. Къ полудню подулъ сильный, противный вѣтеръ, и намъ пришлось лавировать. На палубѣ оставаться было нельзя, и мы пролежали цѣлый день въ каютѣ. Луинъ былъ мраченъ. Вечеромъ мы услышали пѣніе молитвъ, подъ гулъ волнъ, ударявшихся о бортъ; ночь прошла довольно спокойно.

Между старыми моими рукописями я нашелъ тетрадку, въ которой отмѣчалъ я тогда впечатлѣнія путешествія. Я буду выписывать изъ нея все, что мнѣ кажется интереснымъ, и особенно то,

что касается Лунина, такъ какъ онъ игралъ видную роль въ современной исторіи своей родины. Мелочныя подробности ежедневной жизни необходимы, чтобъ дать всестороннее понятіе о человѣкѣ; поэтому я и не буду пропускать ихъ.

«Вторникъ 12 (24 Сентября) 1816 года. Почью мы опять пошли назадъ къ Голанду, чтобъ попасть на настоящую дорогу, съ которой свернули. Мы близъ Ревеля. Вечеръ очень хорошъ. Мы пригласили капитана выпить съ нами пуншу. Онъ разговаривалъ про свои путешествія. Между прочимъ онъ разсказалъ, какъ на возвратномъ пути изъ Португаліи, когда ихъ застигла буря, угрожавшая опасностью экипажу, цѣлая стая голубей опустилась на корабль. Матросы ловили руками дрожащихъ отъ испуга птицъ и сажали въ клѣтку, съ тѣмъ чтобы потомъ употребить на обѣдъ. Но когда буря миновала, небо прояснилось, одинъ изъ матросовъ выпустилъ ихъ на волю, въ то время, какъ товарищи его отдыхали. «Къ чему нарушать законы гостепріимства? подумалъ онъ;—они просили у насъ пріюта, мы спасли ихъ, какъ Господь спасъ насъ». Нѣсколько минутъ спустя, матросъ упалъ въ воду, и весь экипажъ единодушно далъ обѣтъ отслужить обѣдню за его спасеніе. Его благополучно вытащили, и когда корабль пришелъ въ Марсель, капитанъ и всѣ матросы отправились босикомъ въ церковь Богоматери, принести благодареніе за помощь. Во время вечерней молитвы, мы поднялись на палубу. Огромная волна прошла надъ нашими головами, не замочивъ насъ».

«Мы быстро плывемъ».

«Среда 13 (25). Отличная теплая погода и легкій попутный вѣтеръ. Мы съ утра на палубѣ; тамъ и завтракали. Въ одиннадцать часовъ вышли изъ Финскаго залива. Мы долго и серьезно разговаривали. Лунинъ разбиралъ всѣ страсти, могущія волновать сердце человѣка. По его мнѣнію, только одно честолюбіе можетъ возвысить человѣка надъ животною жизнію. Давая волю своему воображенію, своимъ желаніямъ, стремясь стать выше другихъ, онъ выходитъ изъ своего ничтожества. Тотъ, кто можетъ повелѣвать, и тотъ, кто долженъ слушаться—существа разной породы. Семейное счастье—это прекращеніе дѣятельности, отсутствіе, такъ сказать, отрицаніе умственной жизни. Весь міръ принадлежитъ человѣку дѣла; для него домъ только временная станція, гдѣ можно отдохнуть тѣломъ и душой—чтобъ снова пуститься далѣе».

«Я жалѣю, что не записалъ тѣ смѣлыя доказательства и оригинальныя соображенія, которыми Лунинъ хотѣлъ во что бы то ни стало подкрѣпить свою мысль, лишенную твердой точки опоры. Это была блестящая импровизація, полная странныхъ, подчасъ возвышенныхъ идей; сильно возбужденное воображеніе сказывалось въ его свободно-лившейся, полной яркихъ образовъ рѣчи».

«Я не могъ съ нимъ согласиться, но также не могъ, да и не желалъ, его опровергать; я слушалъ молча и думалъ: «какая судьба ожидаетъ этого человѣка съ неукротимыми порывами и пламеннымъ воображеніемъ!» Какимъ маленькимъ, ничтожнымъ казался я въ сравненіи съ нимъ; я могъ бы служить живымъ доказательствомъ справедливости его словъ».

«Въ эту минуту, птичка, уже нѣсколько дней слѣдовавшая за кораблемъ, опустилась на рангоутъ; ее хотѣли поймать; но Лунинъ, помни разсказъ о голубяхъ, потребовалъ, чтобъ ее оставили на свободѣ. По этому поводу мы заговорили о различіи между свободою и не-

зависимостью, насколько они возможны при данномъ общественномъ строѣ. Тутъ я могъ представить ему опроверженія на его теорію. Независимость—это единственная гарантія счастья человѣка; честолюбіе же исключаетъ независимость: оно ставитъ насъ въ зависимость отъ всего на свѣтѣ. Независимость даетъ возможность быть самимъ собою, не насилуя своей природы. Въ собраніи единицъ, составляющихъ общество, только независимые люди дѣйствительно свободны. Бѣдный Лунинъ долженъ былъ признать справедливость моихъ доводовъ, какъ бы въ подтвержденіе двойственности, присущей каждому человѣку и въ особенности честолюбцу».

Когда я переписывалъ это мѣсто съ пожелтѣвшихъ листковъ стараго дневника, мною овладѣло сильное смущеніе, какъ будто я заглянулъ въ какую нибудь древнюю книгу съ предсказаніями. Дѣйствительно, въ рѣчахъ Лунина уже сказывался будущій заговорщикъ, который въ Парижѣ, при первой же возможности, перешелъ отъ словъ къ дѣлу и смѣло пошелъ на гибель. Мои же мнѣнія обличали отсутствіе сильной воли, чтò и было источникомъ моей любви къ независимости. По этой же причинѣ я уберегся отъ многихъ опасностей и могъ дожить до старости.

«Въ четыре часа, мы пошли обѣдать въ каюту. Вѣтеръ дулъ попутный, и ничто не мѣшало намъ удовлетворить аппетиту. Вечеромъ мы читали вслухъ «*Валерію*» Крюднеръ. Это одинъ изъ тѣхъ романовъ, которые можно читать нѣсколько разъ, и они всегда будутъ производить на васъ сильное впечатлѣніе. Туманностью поэтическихъ образовъ и своею тихою мечтательностью онъ затрогиваетъ сочувственныя струны въ нашемъ сердцѣ. Какой контрастъ между небомъ Скандинавіи, гдѣ мы находились, и могучей природой Италіи, которую описывалъ авторъ—Русская женщина! Мы прочли его, за одинъ присѣстъ, останавливаясь только по временамъ, подъ вліяніемъ сильнаго волненія: этого чтенія на морѣ я никогда не забуду, тѣмъ болѣе, что многія мѣста согласовались съ нашимъ тогдашнимъ настроеніемъ».

«Четвергъ 21 Сентября (3 Октября). Наконецъ я снова могу приняться за перо. Въ продолженіи шести дней, мы не имѣли ни минуты покоя. Паруса убрали; волны такъ хлестали на палубу, что оставаться на ней становилось опасно; впрочемъ большихъ поврежденій на корабль не было. Мы едва не задохнулись у себя въ каютѣ, потому что всѣ щели были замазаны саломъ изъ предосторожности; но, хотя опасность была велика, мы съ Лунинымъ не падали духомъ; напротивъ, мы прикидывались веселыми, чтобы скрыть другъ отъ друга свои настоящія ощущенія. Корабль бросало изъ стороны въ сторону, море шумѣло, потомъ вдругъ наступала полнѣйшая тишина и неподвижность, и мы съ испугомъ и недоумѣніемъ спрашивали себя: чтò же съ нами будетъ, ужъ не идемъ ли мы ко дну?... Сердце замирало отъ ужаса..... Но раздавалась команда капитана, и мы снова оживали. По вечерамъ, сквозь ревъ бури, къ намъ доносилось урывками пѣніе матросовъ; оно дѣйствовало на насъ успокоительно *)».

*) М. С. Лунинъ въслѣдствіи сдѣлался католикомъ: Іезуиты усердно ловятъ такихъ людей, и добыча была легкая. Когда онъ узналъ въ Сибири о кончинѣ своего благопріятеля, великаго князя Константина Павловича, то поручилъ сестрѣ своей Екатеринѣ Сергѣевнѣ Уваровой заказать въ Москвѣ, въ католической церкви на Малой Лубянкѣ, заупокойную мессу, чтò и было исполнено. П. Б.

Такъ прошло шесть дней; наконецъ, вѣтеръ стихъ, и наше заключеніе кончилось. Буря застала насъ въ трехъ миляхъ отъ острова Борнгольма. Случись она двумя часами позже, и мы могли бы уйти въ гавань».

«Вторникъ 26 Сентября (8 Октября). Уже четыре дня, какъ я ничего не пишу въ своемъ дневникѣ; да и не о чемъ писать: событий никакихъ. Я бы, пожалуй, могъ записывать все парадоксы моего милаго товарища, но это довольно трудно: желаніе быть во что бы ни стало оригинальнымъ заставляетъ его часто противорѣчить самому себѣ. Лучше пропускать ихъ безъ вниманія. Въ Субботу мы бросили якорь въ Зундъ противъ Эльзипора. Не смотря на дурную погоду, Луинъ непременно хотѣлъ съѣхать на берегъ. Онъ говорилъ, что мы навѣрное встрѣтимъ Гамлета на валу крѣпости, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ злопамятная тѣнь отца явилась сообщить ему тайну своей смерти. Крѣпость имѣетъ средневѣковой характеръ, но городъ представляетъ жалкій видъ, и нужно сильное воображеніе, чтобы представить себѣ, что здѣсь когда-то жилъ король съ своимъ дворомъ. Можетъ быть, гостиница, въ которой намъ подали плохой обѣдъ, была та самая, гдѣ останавливались актеры, такъ облаканные Гамлетомъ. Но едва ли грустная Офелія могла найти тутъ какіе нибудь цвѣты для украшенія своей бѣлокурой головки. Луинъ, который, какъ все Русскіе, говоритъ на всехъ языкахъ, и между прочимъ и поанглійски, доказывалъ мнѣ, что Дюисъ навѣрное переведилъ Гамлета въ Эльзипоръ и потому не считалъ нужнымъ справляться съ оригиналомъ. При этомъ онъ, вспоминая Фигаро, сказалъ: «Люди, ничего не дѣлающіе, ни на что не годится и ничего не добиваются». Къ несчастію, онъ самъ непременно чего нибудь да добьется!»

«Сегодня мы проходимъ Зундъ. Въ Каттегатѣ намъ нуженъ особенный вѣтеръ, въ Нѣмецкомъ морѣ опять другой, чтобы попасть въ Ламаншъ еще третій. Погода хороша. Когда же увижу я Францію?»

Тутъ кончаются выписки изъ дневника моего.

*

Наше скучное, опасное плаваніе продолжалось уже двѣ недѣли, но это было только начало нашихъ несчастій. Едва только прошли мы Зундъ, какъ поднялась буря. Матросы выбились изъ силъ, въ кораблѣ оказались поврежденія, и мы принуждены были искать убѣжища въ одной изъ природныхъ бухтъ, образуемыхъ утесистыми берегами Норвегіи. Здѣсь мы были въ безопасности отъ бурь, но могли умереть со скуки, еслибъ не Луинъ съ его неистощимымъ запасомъ остроумія и веселости. Не находя въ окружающихъ его предметахъ пищи для сарказма, онъ обращался къ своимъ воспоминаніямъ и тамъ отыскивалъ что нибудь достойное осмѣянія. Когда же наступалъ серьезный стихъ, тогда начиналась отважная работа мысли, стремившейся къ развитію и усовершенствованію пониманія. Его образованіе, благодаря разнообразію элементовъ, вошедшихъ въ его составъ, было довольно поверхностно; но онъ дополнял его собственнымъ размышленіемъ. Его философскій умъ обладалъ способностью на лету схватывать полувывезанную мысль, съ перваго взгляда проникать сущность вещей, понимать настоящій смыслъ и связь явленій какъ въ природѣ, такъ и въ жизни общества и, восходя самъ собою до коренныхъ началъ всего существующаго, приводить все въ стройный порядокъ. Онъ былъ самостоятельный мыслитель, доходившій

большею частію до поразительныхъ по своей смѣлости выводовъ. Впрочемъ меня они не смущали; напротивъ, они давали опору моимъ собственнымъ воззрѣніямъ, которыя не всегда были согласны съ его мнѣніемъ. Мѣстечко, гдѣ намъ пришлось жить, называлось на картѣ городомъ, но въ дѣйствительности въ немъ было не болѣе десятка невзрачныхъ домиковъ, построенныхъ на берегу, въ уровень съ моремъ. Мы помѣстились въ лучшемъ изъ нихъ. Хозяева наши понимали немного поанглійски. Люди тутъ родились, жили и умирали, нисколько не подозревая о существованіи другихъ обширныхъ странъ. На клочкахъ воздѣланной земли росли только овощи, но за то на утесахъ водилось много дичи, а въ заливѣ устрицы и гомары въ огромномъ количествѣ. Охота и ловля занимали цѣлые дни; кромѣ того мы часто катались на лодкѣ; разъ даже доѣхали до Христіанстага, стариннаго города, гдѣ въ цѣлости сбереглась жизнь прошлаго столѣтія. Послѣ Парижа и Петербурга контрастъ былъ поразительный! Наконецъ корабль починили, мы снова пустились въ путь и, послѣ многихъ препятствій, наконецъ, увидали Гавръ при свѣтѣ заходящаго солнца. Я не сѣмью передать вамъ того чувства, которое охватило меня въ ту минуту, когда корабль остановился въ гавани. Сердце замирало; я ничего и никого не видалъ. Лунинъ говорилъ что-то, я не слышалъ что мнѣ говорили. Это безсознательное состояніе продолжалось, покуда я ни ступилъ на родную землю, такъ легкомысленно мною покинутую два года тому назадъ. Товарищъ мой былъ просто доволенъ тѣмъ, что цѣль странствія нашего достигнута, но у меня всѣ личныя чувства слились въ одно чувство любви къ Отечеству, которое я въ первый разъ въ жизни постигъ во всей его полнотѣ. Послѣ того какъ я въ Россіи видѣлъ только два класса людей—помѣщиковъ-землевладѣльцевъ и рабовъ-крестьянъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ, какъ отрадно было чувствовать себя гражданиномъ страны, гдѣ всѣ пользуются равными правами, и способностямъ cadaго открыто свободное поприще! Но я недолго предавался своимъ чувствамъ: дѣйствительность предъявляла свои права; я опомнился и направился къ гостинницѣ, съ дорожнымъ мѣшкомъ въ рукахъ.

Въ ту минуту, какъ мы входили на лѣстницу, позвонили къ обѣду. Послѣ столькихъ дней, проведенныхъ нами безъ движенія въ темной досчатой каютѣ, убранство столовой показалось намъ верхомъ великолѣпія. Матерія заявляла громко свои права, и такимъ образомъ мы снова начинали жизнь актомъ питанія. Мы такъ долго кормились солеными тресковыми языками! Выходя изъ-за стола, мы узнали, что черезъ два часа отправляется дилижансъ въ Парижъ. Мы поспѣшили занять два мѣста и на слѣдующій вечеръ были уже въ Парижѣ.

(До будущей книжки).

Изъ записокъ Ипполита Оже ¹⁾.

(Съ неизданнаго Французскаго подлинника).

Послѣ двухъ-годоваго отсутствія, Парижъ не произвелъ на меня особеннаго впечатлѣнія, можетъ быть оттого, что я слишкомъ много думалъ о своемъ возвращеніи. Къ тому же я не нашелъ никакихъ перемѣнъ и сразу вернулся къ прежнимъ привычкамъ, какъ будто и не ѣздилъ такъ далеко. Дорогою изъ Гавра въ Парижъ, мы съ Лунинымъ переговорили, какъ устроить нашу жизнь на первое время, пока обстоятельства не внесутъ въ нее какихъ нибудь перемѣнъ.

— Гдѣ же мы остановимся? спросилъ Лунинъ. Мы должны сообразоваться съ своими средствами, чтобъ не очутиться въ безвыходномъ положеніи. Вы лучше меня знаете Парижъ: придумайте, какъ бы намъ устроиться поскромнѣе, а потомъ мы себя вознаградимъ. Мнѣ нужна только комната, кровать, столъ и стулъ; табаку и свѣчъ хватить еще на нѣсколько мѣсяцевъ. Я буду работать: примусь за своего *Лже-Дмитрія*. Можетъ быть, я и въ состояніи зарабатывать перомъ насущный хлѣбъ.

Надо замѣтить, что во все время путешествія, Лунинъ, кавалергардскій полковникъ, принадлежавшій къ высшему обществу, наследникъ большаго состоянія, постоянно думалъ о томъ, какимъ способомъ онъ будетъ добывать себѣ насущный хлѣбъ на чужой сторонѣ. «Если я сдѣлаюсь писателемъ», сказалъ онъ мнѣ однажды, «найдется ли покупатель на мои произведенія?»

— Какъ же вы будете писать? Порусски? спросилъ я.—Порусски? переспросилъ онъ. «Да развѣ я знаю Русскій языкъ? Да и кто же его знаетъ даже въ Россіи, не говоря уже о Франціи? Конечно, по моему мнѣнію, нашъ языкъ первый между всѣми языками, или по крайнѣй мѣрѣ долженъ быть первымъ, когда онъ установится наконецъ; но для этого требуется много условій: наши писатели, въ особенности поэты, должны обработать его, приготовить почву для принятія идей, идеи должны пустить корни въ нашихъ умахъ, при этомъ нужны извѣстныя событія.... Карамзинъ, Батюшковъ, Жуковский и другіе, уже сдѣлали нѣкоторыя попытки... также и наше восходящее свѣтило, юноша Пушкинъ. Все это много общаетъ въ будущемъ, но для меня важно настоящее. Въ будущемъ писательство должно отойти на второй планъ: его замѣнитъ живое слово, оно будетъ двигать впередъ дѣло цивилизаціи и патріотизма. Писать я, конечно, буду пофранцузски, потому что этотъ языкъ я знаю лучше другихъ, да и потомъ это языкъ науки и общій для всѣхъ Европейцевъ. Англійскій употребляется въ торговыхъ дѣлахъ; Нѣмецкій—

¹⁾ См. первую книгу Р. Архива сего года, стр. 519.

это туманъ, годный для мечтателей. Всѣ полезныя свѣдѣнія намъ сообщаются на Французскомъ языкѣ: Жюмینی пріѣзжаетъ учить насъ военному искусству; онъ пишетъ пофранцузски. Графъ Уваровъ занимается изученіемъ древностей; онъ хочетъ сдѣлать извѣстными плоды своихъ изысканій объ Элевзинскихъ тайнствахъ, и пишетъ пофранцузски; отчасти, можетъ быть, оттого, что онъ также плохо владѣетъ Русскимъ литературнымъ языкомъ какъ и я. Наши Русскіе классики намъ кажутся варварами: такъ ограничены наши понятія, такъ бѣденъ ихъ языкъ. Я, конечно, неученый; но, можетъ быть, меня хватитъ на то, чтобы сдѣлаться беллетристомъ-литераторомъ. Я задумалъ историческій романъ изъ временъ междоусобицъ: это самая интересная эпоха въ нашихъ лѣтописяхъ, и я поставилъ себѣ задачей уяснить ее. Хотя исторія Лже-Димитрія и носитъ легендарный характеръ, но все таки это прологъ къ нашей теперешней жизни. И сколько тутъ драматизма! Я все обдумывалъ во время бури».

Когда онъ изложилъ мнѣ планъ романа, я пришелъ въ восторгъ. Съ тѣхъ поръ мы всякій день говорили объ его произведеніи, и когда ему случалось задуматься, я всегда спрашивалъ: «А что дѣлаетъ монахъ Отрепьевъ? Естественно, что, пріѣхавъ въ Парижъ, онъ только и помышлялъ о томъ, чтобы устроиться поспокойнѣе и принять скорѣе за работу. Это намѣреніе встрѣтило во мнѣ полное сочувствіе, такъ какъ я возвращался на родину съ серьезными цѣлями.

— Мы пріѣдемъ въ Парижъ такъ поздно, сказалъ я ему, что намъ придется удовольствоваться первой попавшейся гостинницей. Мнѣ бы хотѣлось остановиться недалеко отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ я жилъ до отъѣзда. Тутъ я ему вкратцѣ рассказалъ, какъ я прожилъ съ 1810 года до 1814, когда я, измѣнивъ тому, что мнѣ прежде казалось моимъ призваніемъ, легкомысленно послѣдовалъ за военными въ неизвѣстную страну, въ надеждѣ найти тамъ счастье.—«Я вполне понимаю», сказалъ Луинъ, «что вы могли полагаться на свои силы; но странно, что изъ васъ вышелъ такой человекъ и вы не впали ни въ какую крайность, ни разу не злоупотребили своей свободой. Для меня это непостижимо. Но дѣлать нечего; хотя это и нехорошо въ васъ, а все таки приходится васъ любить, не смотря на ваши недостатки».

Мы рѣшились жить такъ, чтобы не мѣшать другъ другу, не требовать довѣренности, и вообще во всемъ предоставить одинъ другому полную свободу, такъ какъ дружба и довѣріе могутъ быть прочны только при такихъ условіяхъ. Заключивши договоръ, мы уже не стали говорить о матеріальныхъ подробностяхъ жизни; это были вещи второстепенной важности, и думать о нихъ не стоило. На другой же день мы наняли двѣ меблированныя комнаты въ улицѣ Гальонъ. Луинъ тотчасъ принялся за работу, а я отправился разыскивать своихъ прежнихъ друзей, чтобы возобновить сношенія съ *нѣкоторыми* изъ нихъ: за эти два года я сдѣлался опытнѣе и осммотрительнѣе въ выборѣ знакомствъ; я еще не зналъ, что буду дѣлать, но за то я твердо зналъ, чего не долженъ дѣлать.

Квартира наша состояла изъ двухъ комнатъ: большой гостиной и спальни. Послѣднюю я предоставилъ Луину, къ его немалому удовольствію, самъ же устроился въ гостиной: въ углу поставили кровать, отгородили ширмами; у окна помѣстили письменный столъ. Обѣдать мы ходили за общій столъ въ томъ же домѣ. Больше намъ ничего не требовалось.

Первымъ дѣломъ Лунина было отправиться къ банкирамъ Перено-Лафитъ, чтобъ узнать, нѣтъ ли письма отъ Уваровой. Дѣйствительно письмо было тамъ получено еще 25-го Октября. Не знаю почему, письмо это осталось у меня, и я его выпишу здѣсь, такъ какъ оно можетъ дать понятіе какъ о Луинѣ, такъ и о сестрѣ его. Написано оно, конечно, пофранцузски.

С.-Петербургъ, 19-го Сентября 1816 г.

«Милый братъ! Мнѣ бы хотѣлось, чтобъ письмо мое пришло до твоего пріѣзда, и такъ какъ тебя не встрѣтятъ тамъ ни родные, ни друзья, то мнѣ отраднѣе бы думать, что это доказательство привязанности твоей сестры замѣнить для тебя ихъ встрѣчу, и ты съ теплымъ чувствомъ вступишь въ чужую землю. Я не стану тебѣ говорить, какъ мнѣ грустно, что ты уѣхалъ отъ насъ. Мнѣ бы не слѣдовало думать объ этомъ, тѣмъ болѣе, что нѣтъ недостатка въ утѣшеніяхъ: мужъ меня любитъ, ребенокъ у меня прелестный. Но увы! не смотря на счастье, которое меня окружаетъ, отсутствіе твое причиняетъ мнѣ тяжелыя минуты. Когда же я страдаю, Теодоръ страдаетъ вдвое. Я сама упрекаю себя за свои слезы. Онъ постоянно старается утѣшить меня, потому что знаетъ, что кромѣ него, никто этого не въ состояніи сдѣлать: онъ теперь все для меня. Повѣрь, что онъ искренно любитъ тебя и желалъ бы доказать это на дѣлѣ. По нѣскольку разъ въ день онъ принимается жалѣть о тебѣ, и клянеть это несчастное путешествіе. При этомъ конечно онъ не можетъ не поминать *Индійскаго пѣтуха съ усами*. Въ какомъ я была отчаяніи, когда узнала, что ты (еще разъ) былъ въ Петербургѣ, наканунѣ отъѣзда и заѣзжалъ къ намъ прощаться. Зачѣмъ ты не велѣлъ меня разбудить? Какъ будто судьбѣ не угодно было, чтобъ мы простились въ послѣдній разъ! Когда я узнала, что ты пріѣзжалъ, чтобъ повидаться со мной, я готова была ѣхать въ Кронштадтъ, еслибъ не боязнь за здоровье мужа. Но ты знаешь, какъ онъ всегда старается предупредить мои желанія: онъ поручилъ меня тетюшкѣ и просилъ Корсакова съѣздить съ нами въ Кронштадтъ въ Воскресенье, когда ты уѣзжалъ. Но вотъ тебѣ образецъ вѣжливости нашихъ милыхъ соотечественниковъ: Корсаковъ, этотъ невѣрный рыцарь, послѣ того какъ далъ клятвенное обѣщаніе сопровождать насъ, измѣнилъ своему слову. Мы встали по его милости въ пять часовъ утра, а онъ вмѣсто себя прислалъ что-то въ родѣ объявленія въ десяти параграфахъ, гдѣ онъ старается доказать какъ дважды два четыре, что съ моей стороны безумство ѣхать за тобой въ догонку, и что если я способна на сумасшедшіе поступки (онъ такъ и сказалъ), то онъ вовсе не расположенъ имъ потакать. Подобный поступокъ доказываетъ полнѣйшее незнаніе правилъ вѣжливости; но и помимо этого, представь себѣ, какъ мнѣ было тяжело при мысли, что я не могу обнять тебя въ послѣдній разъ. Теодоръ, не смотря на то, что онъ страдалъ отъ раны въ этотъ день, непремѣнно хотѣлъ самъ ѣхать со мной; но я этому воспротивилась, и теперь рада, что не приняла его жертвы: онъ бы могъ лишиться ноги черезъ это. Вечеромъ я отправилась на пристань ждать возвращенія злополучнаго парохода. Я приняла его за барку Харона, потому что на немъ были фигуры точно съ того свѣта. Мнѣ сказали, что корабль отплылъ, но что утромъ я бы могла тебя еще застать и проститься. Представь, какъ я огорчилась. Твое письмо, которое ты писалъ передъ отъѣздомъ, очень

насъ обоихъ растрогало. Меня особенно тронули твои предположенія о будущихъ разговорахъ съ моимъ маленькимъ ангеломъ. Дай Богъ, чтобъ это поскорѣ случилось, а куда онъ выучится любить своего дядю также горячо, какъ мы его любимъ. Поблагодари своего товарища за его милые стихи и за письмо. Я поняла его доброе намѣреніе: онъ хотѣлъ немного развлечь меня; я ему очень благодарна за это. Молю Бога, чтобъ вашъ переѣздъ совершился благополучно. У насъ стоитъ отличная осенняя погода. Намедни мы ѣздили въ открытой коляскѣ въ Екатерингофъ, гдѣ мы еще недавно вмѣстѣ проводили такія счастливыя минуты: грустно и от-
радно было вспоминать о нихъ. Намъ бросилось въ глаза множество вырванныхъ бурей деревьевъ, и я съ ужасомъ подумала, какъ долженъ быть силенъ вѣтеръ на морѣ. Ахъ, когда же наконецъ я узнаю, что вы благополучно доѣхали! До тѣхъ поръ не могу быть спокойна. Ради Бога, пиши поскорѣ и со всѣми подробностями. Не забудь также написать, какое впечатлѣніе произвело на тебя море. Но главное, возвращайся черезъ полгода, какъ обѣщалъ. Впрочемъ я не хочу этимъ сказать, что я желаю, чтобъ ты скоро соскучился въ Парижѣ; напротивъ, я тебѣ желаю всевозможныхъ успѣховъ, и увѣрена, что это такъ и будетъ: въ тебѣ есть что-то такое, что невольно располагаетъ съ перваго раза въ твою пользу и внушаетъ любовь. Такимъ какъ ты вездѣ удача. Но это еще не все: ты чрезвычайно добръ и, не смотря на свою опрометчивость, обладаешь многими хорошими качествами. У тебя только одинъ недостатокъ, но очень важный: твоя неугомонная страсть рыскать по бѣлу-свѣту. Я надѣюсь, ты когда нибудь исправишься и отъ этого недостатка. Прощай, милый, дорогой братъ! Молю Бога, чтобъ Онъ тебя сохранилъ и позволилъ вернуться въ скоромъ времени въ Отечество, къ твоей сестрѣ и другу Екатеринѣ Уваровой».

«Алексѣй твой и всѣ люди живутъ у графа Апраксина».

«Что же сказала бабушка?»

Внизу страницы написано: «Отъ всего сердца желаю, дорогой Мишель, чтобы наше письмо застало васъ здоровымъ и веселымъ, и чтобы, читая его, вы вполне убѣдились, что ваша сестра—ангелъ; у ней только одинъ недостатокъ: она васъ слишкомъ любитъ. Отвѣчайте поскорѣ и вѣрьте искренней дружбѣ преданнаго вамъ Федора Уварова».

«Прощайте. Очень вы надоѣдали Дидину?»

«Иностранные министры скоро возненавидятъ васъ: какъ только Катинька завидитъ кого-нибудь изъ нихъ, сейчасъ же вручаетъ имъ письмо къ вамъ».

Во все время нашего знакомства, Уваровы постоянно обращались со мной ласково, дружески, и теперь я не могъ вспомнить объ этомъ безъ глубокаго чувства благодарности. Бывая у нихъ, я иногда рассказывалъ довольно забавныя сцены изъ моего дѣтства, когда меня звали *Дидинъ*, и я былъ любимцемъ бабушки. Фразы: *что сказала бабушка?* и *очень вы надоѣдали Дидину?* относились къ этимъ рассказамъ. Онѣ мнѣ напомнили дѣтство, родную семью: мною овладѣло неустержимое желаніе ѣхать повидаться съ своими.

Я уже жилъ десять дней дома, какъ вдругъ пришло письмо отъ Лунина, которымъ я и воспользовался какъ предлогомъ, чтобы вернуться въ Парижъ, куда притягивали меня и любви къ незаниси-

мости, и умственные интересы, и привычка къ образованному обществу.

Вотъ это письмо:

Парижъ, 5-го Ноября.

«Мой милый Ипполитъ! Мнѣ не слѣдовало вамъ писать, потому что хорошаго мало. Здоровье мое разстроилось: я не могу встать съ постели. Свѣчи я всѣ сжегъ, дрова тоже, табакъ выкурилъ, деньги истратилъ, а между тѣмъ наступилъ срокъ платежей. Вотъ въ какомъ мы положеніи. Унывать не слѣдуетъ, но не мѣшаетъ подумать, какъ бы помочь бѣдѣ. Вы, конечно, знаете, что мнѣ было бы тяжело разстаться съ вами; можетъ быть, придетъ время, когда мы въ состояніи будемъ привести въ исполненіе свои планы. Въ Россіи я бы не затруднился найти средства, но здѣсь другое дѣло. Я вижу, что мнѣ предстоитъ на этотъ годъ трудная жизнь, и я бы не желалъ подвергать васъ той же участи. Я съумѣю перенести невзгуду: и въ счастіи, и въ несчастіи я всегда былъ одинаковъ. Но о васъ слѣдуетъ подумать; чтѣ вы думаете предпринять? Я прошу васъ серьезно обдумать то, чтѣ я сейчасъ вамъ скажу, потому что совѣты мои внушены искренней дружбой къ вамъ. Вамъ предоставляются три способа устроить свою жизнь честно, полезно и пріятно. Во-первыхъ, вы можете упросить отца выдавать вамъ ежегодно по 3,000 франковъ, и съ этой суммой вы можете прожить въ Парижѣ *независимо*, безпрепятственно занимаясь развитіемъ вашего ума и таланта. Если же это невозможно, то нужно поступить на службу, либо въ канцелярію, либо въ полкъ. И этимъ способомъ можно устроиться очень хорошо. Это вовторыхъ. Наконецъ втретьихъ, если два первые способа не годятся, покоритесь благоразумно своей участи, откажитесь отъ своихъ плановъ и оставайтесь спокойно жить у отца. И тамъ можно найти средство приносить пользу обществу; и тамъ можно учиться и писать. Была бы только крѣпкая воля! Что же касается до меня, то я уже началъ приискивать себѣ мѣсто. Всякій трудъ почтененъ, если онъ приносить пользу обществу. Великій Эпаминондъ былъ надсмотрщикомъ водосточныхъ трубъ въ Фивахъ».

«И я тоже могу заниматься какимъ-нибудь ремесломъ. Фортуна найдетъ меня и тамъ въ моемъ скромномъ убѣжищѣ, какъ нѣкогда Римскіе послы нашли добродѣтельнаго Цинцината. Тогда мы опять соединимся и уѣдемъ въ милую Россію, которую я все-таки люблю, не смотря ни на что. Тамъ, среди полярныхъ льдовъ, дружба согрѣетъ наши сердца, и мы будемъ наслаждаться счастьемъ неизвѣстнымъ во Франціи, въ этой негостепріимной странѣ, населенной Вандалами и грубыми Галлами. Valeetmeаша. Михайлъ».

Письмо это не вполне искренно.

Давая мнѣ благоразумные совѣты, Лунинъ въ тоже время предавался своимъ безумнымъ планамъ и мечтамъ; но онъ скрывалъ ихъ отъ меня: еслибы я раздѣлялъ его мнѣнія, онъ бы иначе говорилъ со мной. Нѣтъ въ немъ также его обычной оригинальности; впрочемъ революціонеръ-Лунинъ отчасти сказывается въ немъ: подъ этой покорностью судьбѣ, подъ готовностью заняться, подобно героямъ древности, какимъ-нибудь простымъ дѣломъ, лишь бы оно полезно было для общества, чувствуется честолюбіе челоѣка, котораго мучаетъ желаніе играть дѣйствительную роль въ грядущихъ событіяхъ; видѣнъ тотъ неукротимый духъ, который, проникнувшись идеями Французской революціи, готовитъ катастрофу.

Все это, конечно, я понималъ только въ послѣдствіи; а въ то время я обратилъ вниманіе на благоразумныя совѣты, но послѣдовать имъ былъ не въ состояніи: я поспѣшилъ пріѣхать въ Парижъ.

— Съ Богомъ! проговорилъ онъ, выслушавъ мои доводы. Рискъ благородное дѣло. Докажемъ міру, что мы съумѣемъ создать все изъ ничего.

Въ мое отсутствіе *Лже-Дмитрій* значительно увеличился въ объемѣ, и мы поспѣшили прочесть его въ вслухъ, чтобъ судить о впечатлѣніи. Слушая произведеніе своего друга, я принялъ твердое рѣшеніе сдѣлаться сочинителемъ и посвятить всю жизнь литературѣ. Въ то время было легче добиться извѣстности, чѣмъ теперь: и публика, и критика были снисходительнѣе. Я вспомнилъ о друзьяхъ, которые такъ одобрительно относились къ моимъ первымъ литературнымъ опытамъ, возобновилъ съ ними сношенія, а черезъ нихъ сдѣлалъ новыя знакомства въ томъ же кругу. Одинъ изъ моихъ новыхъ знакомыхъ, Андрей Карріонъ Низасъ представилъ меня и Лунина (который сразу ему понравился, какъ бы въ оправданіе предсказаній его сестры) своей теткѣ, баронессѣ Лидіи Роже, прелестной, еще молодой женщины. Она недавно формально развелась съ мужемъ и теперь жила на 15000 франковъ дохода, нисколько не жалѣя о прежней роскошной жизни. Она принимала только мужчинъ, и такъ какъ она была очень умна, настоящій Луинъ въ юнкѣ, то у нея собиралось всегда очень веселое, интересное общество. Софья Гэль, женщина-художникъ, часто бывала тамъ и исполняла свои музыкальныя произведенія, приводившія меня въ восторгъ и казавшіяся мнѣ верхомъ совершенства и учености. Но Луинъ былъ о нихъ другаго мнѣнія. Однажды, когда мы возвратились отъ м-мъ Гэль, гдѣ эготъ вечеръ пѣлъ знаменитый Гара, Русскій высказалъ свое мнѣніе о нашей музыкѣ.

— Это все легкая музыка, хотя и довольно пріятная; но вы Французы и не знаете настоящей музыки: вы довольствуетесь миленькими вещичками. Конечно, я никого не слыхалъ, кто бы пѣлъ съ такимъ совершенствомъ, какъ Гара, хотя онъ уже безъ голоса; но вѣдь онъ пѣлъ Нѣмецкія, Итальянскія аріи на Французскія слова; арію Глюка «*j'ai perdu mon Euridice*», романсъ Мартелли «*Plaisir d'amour ne dure qu'un moment*»; въ нихъ выражается истинное чувство: нѣтъ ничего лишняго, вычурнаго, чтó бы било на эффектъ. Какъ ничтожны и ребячливы передъ ними произведенія хозяйки дома!

Луинъ сѣлъ за фортепьяно и, припоминая и повторяя всѣ романсы, слышанные нами въ этотъ вечеръ, критически разобралъ ихъ. Замѣчанія его были столько же остроумны и забавны, сколько и вѣрны. Потомъ онъ продолжалъ серьезно:

— Вотъ чего я не понимаю. Были вы въ Россіи, слышали тамъ хорошую музыку. Я говорю не о нашей національной музыкѣ, потому что мы поемъ какъ птицы, но вы слышали тоже Нѣмецкую музыку и, не смотря на это, вамъ нравятся эти сентиментальности, нагоняющія сонъ! Разъ вечеромъ я былъ у сестры. Уварову не здоровилось. Пріѣхали два брата Вильгорскіе, графы Михаилъ и Матвѣй. Матвѣй играетъ на виолончели такъ, какъ, должно быть, играютъ въ концертахъ у Господа Бога въ раю. Заговорили о музыкѣ. Они оба были въ восторгѣ отъ произведеній одного Нѣмецкаго композитора, котораго мы еще совсѣмъ не знали. Чтóбъ развлечь моего зятя, Матвѣй послалъ за своимъ инструментомъ и сталъ играть. Жаль, что васъ тогда не было! Вотъ это была музыка. Мы не знали, гдѣ мы, на

небѣ или на землѣ: мы забыли все на свѣтѣ. Сочинитель этотъ еще не пользуется большою извѣстностью; многіе даже не признають въ немъ таланта. Зовутъ его Бетговець. Музыка его напоминаетъ Моцарта, но онъ гораздо серьезнѣе. И какое неисчерпаемое вдохновеніе! Какое богатство замысла, какое удивительное разнообразіе, не смотря на повторенія! Онъ такъ могущественно овладѣваетъ вами, что вы не въ состояніи даже удивляться ему. Такова сила генія; но чтобъ понимать его, надо его изучить. Вы же во Франціи еще не доросли до серьезной музыки. На васъ даже Итальянцы наводятъ скуку: вамъ понятны только ихъ комическія оперы. Вы до сихъ поръ еще сидите на аріяхъ изъ трехъ нотокъ, которыя вамъ написалъ Жанъ-Жакъ Руссо. При вашемъ легкомысліи вамъ нужно только все легкое, игривое. Ну а мы жители Сѣвера любимъ все, что трогаетъ душу, заставляетъ задумываться.

— Я не могу вамъ противорѣчить, вы сами знаете это очень хорошо; къ чему же вы мнѣ все это говорите? Хотите лучше, пойдемте какъ нибудь къ м-мъ Гэль, въ которой вы все-таки признаете музыкальный талантъ, и тамъ, подъ предлогомъ, что вы желаете ее познакомиться съ Русскими напѣвами, выучите ее понимать настоящую музыку; конечно для примѣра вамъ самому придется также играть.

— Пожалуй, гордо отвѣчалъ Лунинъ. Силу свою только тогда и узнаешь, когда испробуешь ее надъ другими. Можно сдѣлать опытъ.

— Вотъ оттого-то мнѣ и хочется, чтобы кто нибудь, знающій толкъ, прочелъ и оцѣнилъ первую часть вашего Лже-Дмитрія.

— И на это согласенъ, только не давайте его въ руки ученому. Слогъ мой не отличается математическою точностію: мысль моя любитъ выражаться образами. Доказывать, что дважды два четыре я не берусь, но я хочу дѣйствовать на чувство читателя, и думаю, что съумѣю. Поэзія исторіи должна предшествовать философскому пониманію. Прежде изучите внѣшность, и тогда пускайтесь въ глубь.

Я отнесъ рукопись къ Шарлю Брифо, бывшему въ послѣдствіи членомъ Академіи, какъ къ человѣку, болѣе всѣхъ способному безпристрастно оцѣнить произведеніе моего друга. Когда я пришелъ къ нему, чтобъ узнать его мнѣніе, онъ сказалъ:

— Вашъ Лунинъ—чародѣй! Мнѣ кажется, даже Шатобріанъ не написалъ бы лучше. Я былъ въ такомъ восхищеніи, что поспѣшилъ рассказать объ авторѣ одной изъ его соотечественницъ, княгинѣ Натальѣ Куракиной; я ее часто выдаю у м-мъ Лебрёнъ. Она такъ строго стозвалась о вашемъ другѣ, что я и не знаю, какъ вамъ передать.

— Что же она могла сказать? Пожалуйста, будьте откровенны!

— Видите ли... она его считаетъ негодяемъ.

— Это уже слишкомъ! Но, можетъ быть, княгиня употребила это слово въ томъ же смыслѣ, какъ и Императоръ Александръ? Лунинъ—человѣкъ безпокойный, чудакъ, но больше про него сказать нечего.. Я встрѣчалъ въ Петербургѣ княгиню Куракину и считаю себя въ правѣ явиться къ ней съ цѣлію оправдать моего друга. Онъ умный человѣкъ и честный. Но свѣтскіе люди вообще склонны осуждать то, чего не понимаютъ. Такимъ-то образомъ и устанавливается дурная репутація за человѣкомъ, и часто безъ малѣйшаго основанія, только по слухамъ.

— Впрочемъ, прибавилъ Брифо, княгиня, кажется, сама не придавала особеннаго значенія своимъ словамъ.

— Это - то и дурно! Зачѣмъ же говорить о человѣкѣ дурное, если вы не придаете значенія своимъ словамъ? Милый мой Брифо, Михаилъ Лунинъ никакъ не могъ ужиться въ Россіи, и развѣ въ этомъ смыслѣ и возможно назвать его негодяемъ. Но вообще это одна изъ непонятныхъ натуръ.

Десять лѣтъ спустя, Брифо встрѣтилъ у Свѣчиной Свистунову, мать одного изъ пострадавшихъ по дѣлу 14-го Декабря; тогда, можетъ быть, ему сталъ понятенъ смыслъ словъ книжки Куракиной.

Между тѣмъ, какъ я продолжалъ беззаботно пользоваться настоящимъ, не забывая впрочемъ и о будущемъ и стараясь подготовиться къ нему, Лунинъ велъ тревожно-дѣятельную жизнь. Онъ сдѣлался несообщителенъ; я же не рѣшался его спрашивать, хотя и подозревалъ его въ тайныхъ замыслахъ, судя по тѣмъ личностямъ, которыя начали его посѣщать. *Лже-Дмитрій* отошелъ на второй планъ. Лунинъ много писалъ и всякій разъ тщательно записалъ написанное въ столъ. Я думалъ, что онъ, повинувшись влеченію своей природы, примкнулъ къ одному изъ тайныхъ обществъ, которыхъ въ то время было очень много. Я начиналъ бояться за него. Наединѣ со мной, онъ дѣлалъ видъ, будто его чрезвычайно интересуетъ магнетизмъ, опять входившій тогда въ моду, благодаря аббату Тарію. Лунинъ сошелся съ нимъ и сдѣлался ревностнымъ проповѣдникомъ его ученія. М-мъ Роже это очень забавляло, а такъ какъ она съ своей стороны увлекалась доктринами Фабръ д'Оливрѣ, то у насъ бывали премудренныя совѣщанія, на счетъ мистицизма, мартинизма, сведенборгизма. Лунинъ и тутъ являлся тѣмъ же привлекательнымъ по своей оригинальности человѣкомъ, и я увѣренъ, что, еслибъ онъ остался въ Парижѣ, онъ вошелъ бы въ большую славу. Случилось иначе.

Однажды утромъ, онъ вошелъ ко мнѣ съ такимъ разстроеннымъ, серьезнымъ лицомъ, какъ я никогда его не видалъ. Въ рукахъ у него было письмо.

— Письмо отъ сестры, сказалъ онъ, вотъ читайте: предвѣчный отецъ умеръ!

Даже въ эту торжественную минуту, онъ не могъ удержать саркастической улыбки. Я прочелъ письмо и молча пожалъ ему руку. Такъ какъ въ письмѣ были означены день и часъ смерти отца, то онъ сталъ припоминать, что онъ дѣлалъ въ ту минуту, когда свершилось это событіе, такъ неожиданно измѣнявшее его судьбу.

Съ самаго пріѣзда въ Парижъ, онъ взялъ себѣ за правило каждое утро записывать все, что случилось наканунѣ: это было въ родѣ исповѣди, и когда я ему говорилъ по поводу какого нибудь происшествія: «вы, конечно, не запишете его?» онъ всегда отвѣчалъ: «я долженъ все записывать, иначе я не могу отдать себѣ точнаго отчета въ своихъ поступкахъ и мысляхъ: жизнь — счетная книга, приходъ съ расходомъ должны стоять одинъ противъ другаго».

Дневника этого я никогда не читалъ.

Онъ началъ перелистывать свой журналъ и, сосчитавъ разницу въ стилѣ, прочелъ вслухъ: «Сегодня я провелъ безпокойную ночь. Я думаю, это чрезвычайно нервное возбужденіе произошло отъ вліянія магнетизма: я очень утомился въ этотъ вечеръ. Я употребилъ всѣ усилія, чтобъ усыпить толстую м-мъ Кревель, но безъ всякаго успѣха, хотя прежде это мнѣ удавалось, и результаты бывали удивительные. Но на этотъ разъ все отразилось на мнѣ, и я совершенно ясно

увидаль во снѣ, будто я стою у постели умирающаго отца. Катинька была тутъ же; онъ посмотрѣлъ на насъ и испустилъ духъ. Тогда Уваровъ сказалъ: теперь ровно полночь! Въ ту же минуту я проснулся и услыхалъ, что часы дѣйствительно пробили двѣнадцать. Сердце у меня страшно билось, такъ что я долженъ былъ принять эфиръ для успокоенія; но впечатлѣніе было такъ сильно, что я никакъ не могъ заснуть хорошо: всю ночь грезились страшные сны; это былъ настоящій кошмаръ».

Прочитавъ это, Луинъ взялъ дрожащей рукой письмо сестры, съ волненіемъ пробѣжалъ его, и потомъ указалъ на одно мѣсто въ письмѣ, которое навсегда осталось у меня въ памяти. Вотъ оно: «Теодоръ не хотѣлъ, чтобъ я оставалась одна возлѣ умирающаго. Не смотря на свои страданія, онъ былъ со мной до послѣдней минуты, и когда жизнь отлетѣла, онъ сказалъ мнѣ: теперь полночь. Торжественный часъ отдѣляетъ одинъ день отъ другаго, какъ послѣдній вздохъ отдѣляетъ земную жизнь отъ жизни вѣчной!»

И такъ, въ ту минуту, какъ отецъ умиралъ, сыну было извѣщеніе объ его смерти! Такое удивительное совпаденіе сильно насъ поразило, и мы не могли не признать въ немъ дѣйствія магнетизма.

Луинъ сидѣлъ въ креслѣ, блѣдный, неподвижный. Онъ долго молчалъ, погруженный въ свои думы, и я не рѣшался заговорить съ нимъ. Вдругъ онъ вскочилъ съ мѣста.

— Неужели я долженъ вѣрить этому шарлатанству? Нѣтъ, и нѣтъ! Это простая случайность!—Потомъ, подойдя ко мнѣ ближе, онъ продолжалъ:

— Другъ мой, подарите мнѣ этотъ день; мнѣ хочется, чтобъ вы были со мной. Хотя вы мало знали моего отца, но вы его видѣли, говорили съ нимъ; въ Кронштадтѣ онъ такъ ласково съ вами обошелся. Я на васъ смотрю какъ на роднаго, да и Катинька проситъ васъ не оставлять меня. Бѣдная сестра! Какъ ей теперь трудно одной! Она умоляетъ меня вернуться поскорѣй. Ну, слѣдуетъ призвать всю силу воли и ободриться. Странно, что я никогда не помышлялъ, чтобъ это могло случиться: смерть отца никогда не входила въ мои соображенія. Вы вѣдь знаете, какъ понимать мои шутки и знаете, что я способенъ на серьезное чувство, хотя изъ моихъ словъ можно заключить противное. Пойдемте, займемся моими дѣлами. Это самое лучшее средство не много забыть горе; нужно же быть благоразумнымъ. Теперь я богатъ, но это богатство не радуетъ меня. Другое дѣло, еслибъ я самъ разбогатѣлъ своими трудами, своимъ умомъ: тогда бы и гордился собою. Конечно, деньги даютъ во всякомъ случаѣ точку опоры.

Мы стали молча одѣваться, и каждый раздумывалъ про себя о неожиданной переменѣ, которая неминуемо должна была отразиться на жизни обоихъ.

— Что же вы думаете дѣлать? спросилъ я его за завтракомъ.

— Это я вамъ скажу завтра, отвѣчалъ онъ.

— Вы, конечно, скоро уѣдете отсюда.

— Если дѣла позволяютъ. Какія это дѣла, вы не спрашивайте лучше; все равно, я вамъ не скажу правды. Лучше поговоримте о васъ. Хотя мнѣ это и грустно, но мы должны разстаться. Въ Россіи вамъ дѣлать нечего: жить на мой счетъ вы не захотите. Пробовать опять счастья? Это было бы неблагоразумно, съ вашими понятіями о независимости. Я же не могу быть вамъ полезенъ ни въ какомъ от-

пошеній. Я васъ знаю лучше чѣмъ вы себя, и увѣренъ, что изъ васъ ничего не выйдетъ, и вы ничего не сдѣлаете, хотя способности у васъ есть ко всему.

— Не слишкомъ ли вы строги, милый Мишель? Мнѣ кажется, ваше сужденіе грѣшитъ поспѣшностью.

— О нѣтъ! Съ тѣхъ поръ какъ вы вернулись на родину, вы занимаетесь только пустяками; а между тѣмъ вамъ открыты всѣ пути, и вы бы могли, употребивъ свои способности на пользу Отечества, подготовить въ тоже время и для себя хорошую будущность.

— Я понимаю, что вы хотите сказать, мой другъ! Вы уже не въ первый разъ стараетесь вразумить меня на счетъ политики; но это напрасный трудъ: изъ меня никогда не выйдетъ политическаго дѣятеля.

— Тѣмъ хуже для васъ. Ваше Отечество теперь въ такомъ положеніи, что именно на этомъ поприщѣ можно приносить пользу.

— Кромѣ этой, есть еще другія дороги.

— Большая дорога и короче, и безопаснѣй. Не думайте, что мое пребываніе во Франціи останется безъ пользы для Россіи. Еслибъ вы были такимъ человѣкомъ, какихъ мнѣ надо, то есть, если бы при вашихъ способностяхъ и добромъ сердцѣ, у васъ была бы извѣстная доля честолюбія, и бы силою увезъ васъ съ собою, конечно не съ тою цѣлю, чтобы вы занимались всякимъ вздоромъ въ Петербургскихъ гостиныхъ. Но мы могли бы съ вами положить основаніе взаимному обученію, а это бы насъ подвинуло впередъ на пути цивилизации, на которомъ мы отстали отъ Европы.

— Лунинъ, вотъ вы теперь независимы, благодаря богатству; вы бы могли такъ счастливо прожить, но честолюбіе погубить васъ. Да, вы правы, что разстаетесь со мной: я бы только помѣшалъ вамъ. Но я всегда съ благодарностью буду вспоминать о прежнихъ планахъ, которые теперь невыполнимы. Уѣзжайте одни, и если вамъ когда нибудь будетъ угрожать опасность, вспомните обо мнѣ.

Объясненіе съ Лунинымъ не очень поразило меня и не возбудило непріятнаго чувства: обижаться я не могъ, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время поведеніе его было загадочно для меня. Я подозрѣвалъ, что онъ вошелъ въ сношенія съ вождями какой нибудь партіи, оцѣнившими его способности, и сдѣлался однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ, что было совершенно согласно съ его характеромъ. Если бы онъ остался во Франціи, то съ его умомъ и честолюбіемъ онъ бы навѣрно сталъ въ главѣ какого нибудь тайнаго общества, былъ бы ярымъ приверженцемъ карбонаризма, этого предшественника интернаціоналки. Десять лѣтъ спустя, Бюше одинъ изъ главныхъ дѣятелей, сказалъ мнѣ, что въ ихъ совѣщаніяхъ участвовалъ какой-то Русскій; я думаю, что это былъ Лунинъ.

Перемѣна въ положеніи не осталась безъ вліянія на моего друга: къ его обычной самоувѣренности прибавилась какая-то важность; но меня это не поражало: я его такъ любилъ, что находилъ избытокъ его самомнѣнія вполне естественнымъ.

Прежде всего мы отправились къ банкиру, который уже получилъ предписаніе открыть Лунину неограниченный кредитъ; но въ конторѣ потребовали, чтобы онъ представилъ отъ Русскаго посольства удостовѣреніе въ своей личности.

Уварова еще прежде совѣтовала брату побывать у Поццо-ди-Борго и у нѣкоторыхъ изъ соотечественниковъ, жившихъ въ Парижѣ; но

онъ этого не сдѣлалъ, думая, что подобныя знакомства могутъ только стѣснить его свободу. Теперь же ему пришлось подчиниться скучнымъ формальностямъ. Онъ отложилъ это до другого дня и вернулся домой.

Написавши нѣсколько писемъ, онъ послалъ за извощичей карстой и уѣхалъ одинъ; я же остался дома и сталъ прилежно заниматься работою, какъ всегда. Послѣ обѣда мы хотѣли сдѣлать прощальные визиты знакомымъ. Въ этотъ день былъ концертъ у м-мъ Гэль, но мы отправились къ баронессѣ Роже. Вскорѣ послѣ нашего прихода пріѣхалъ Сень-Симонъ. Онъ былъ ея старинный знакомый, но бывалъ не часто, потому что не любилъ тратить времени по пустякамъ; узнавъ же объ ея знакомствѣ съ Лунинымъ, онъ пріѣзжалъ, чтобы хорошенько разспросить ее о немъ. Незадолго до этого онъ познакомился съ Лунинымъ, не знаю гдѣ и черезъ кого, сразу оцѣнилъ его живой умъ и внутреннія качества, не говоря уже объ его изяществѣ, и думалъ употребить его въ дѣло для распространенія своихъ идей. Но прежде чѣмъ довѣриться окончательно, онъ желалъ лучше узнать его. Самъ онъ велъ чрезвычайно дѣятельную, тревожную жизнь, постоянно отыскивая себѣ способныхъ помощниковъ. Пріѣздъ его не произвелъ ни малѣйшаго стѣсненія; напротивъ, тотчасъ же начался разговоръ важный и интересный по своему содержанию. Философъ излагалъ свое ученіе, говорилъ о своихъ планахъ, о своей успѣшной дѣятельности, радовался, что ему удалось дать хорошее направленіе многимъ способнымъ личностямъ: онъ называлъ Огюстена Тьерри, какъ будущаго замѣчательнаго историка, потомъ Огюста Конта, философа, которому онъ предрекалъ огромное значеніе въ будущемъ. Онъ говорилъ, что будущность всего человѣчества зависитъ отъ совокупнаго развитія трехъ двигателей: чувства, науки и промышленности; они должны быть доведены до простѣйшей формы, сдѣлаться достояніемъ всѣхъ и cadaго, и тогда, при ихъ совокупномъ дѣйствіи, начнется новая жизнь для всего міра. Узнавъ о скоромъ отъѣздѣ новаго адепта, онъ выразилъ свое сожалѣніе.

— Опять умный человѣкъ ускользаетъ отъ меня! сказалъ онъ. Черезъ васъ я бы завязалъ сношенія съ молодымъ народомъ, еще не изсушеннымъ скептицизмомъ. Тамъ хорошая почва для принятія новаго ученія.

— Но, графъ, отвѣчалъ Лунинъ, мы можемъ переписываться: разговоръ и переписка въ одинаковой мѣрѣ могутъ служить для вашей цѣли.

— Это, конечно, такъ, но только въ изустномъ спорѣ возможно договориться до полнаго пониманія. Всякое возраженіе есть залогъ побѣды. Да и потомъ, когда вы пріѣдете къ себѣ, вы тотчасъ приметесь за безтолковое, бесполезное занятіе, гдѣ не нужно ни системы, ни принциповъ, однимъ словомъ вы непременно въ ваши лѣта увлечетесь политикой.

— Но, любезный мой Сень-Симонъ, вскричала баронесса, да вы сами-то чѣмъ же занимаетесь, какъ не политикой?

— Я это дѣлаю поневолѣ; но я смотрю на политику какъ на неизбежное зло, какъ на тормазъ, замедляющій прогрессъ человѣчества.

— Но политика освѣщаетъ прогрессъ.

— Вы называете прогрессомъ непрерывную смѣну заблужденій: вчера были одни, сегодня другія, завтра еще будутъ третьи. Старые

обычай и вѣрованія еще все живы. Суевѣріе считаетъ, что золотой вѣкъ когда-то былъ въ далекомъ прошломъ, тогда какъ онъ еще только будетъ со временемъ. Тогда опять народятся великаны, но они будутъ велики и сильны не тѣломъ, а духомъ. Машины тогда будутъ работать вмѣсто людей; у всѣхъ будутъ семимильные сапоги, о которыхъ говорится въ сказкахъ; они уже заготавливаются теперь по приказанію великаго вождя, другаго Наполеона, который станетъ во главѣ арміи рабочихъ. Развитіе промышленности: вотъ задача мирной политики, а другой политики и не можетъ быть у народовъ. Что же касается до политики правительствъ, то ея отвратительные результаты еще не исчезнутъ такъ скоро; но они будутъ служить доказательствомъ, какъ пагубны средства, пускаемые ею въ ходъ для достиженія своихъ цѣлей.

Сень - Симонъ говорилъ съ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ; при знакомствѣ съ его системой, выводы его казались неопровержимы, не смотря на эксцентричность основныхъ положеній. Онъ былъ не-красивъ собою, дурно сложенъ, но удивительно вѣжливъ. Только одна вѣжливость и служила въ немъ признакомъ его происхожденія отъ Сень - Симоновъ, которые, по увѣренію знаменитаго автора *Мемуаровъ*, вели свое происхожденіе отъ Карла Великаго. Онъ, вскорѣ простился, прося Лунина писать ему.

— Если вы меня забудете, сказалъ онъ ему, то не забывайте по крайней мѣрѣ пословицы: «погонишься за двумя зайцами, ни одного не поймашь». Со времени Петра Великаго вы все болѣе и болѣе расширяете свои предѣлы; не потеряйтесь въ безграничномъ пространствѣ. Римъ сгубили его побѣды; ученіе Христа возшло на почвѣ, удобренной кровью. Война поддерживаетъ рабство; мирный трудъ положить основаніе свободѣ, которая есть неотъемлемое право каждаго.

Когда онъ ушелъ, Луинъ сдѣлался молчаливъ: размышлялъ ли онъ о сказанномъ, или можетъ быть думалъ объ умершемъ отцѣ; но мы не рѣшились заговорить съ нимъ.

Прошло десять дней въ приготовленіяхъ къ отъѣзду. Мы почти не разставались; я старался быть ему полезнымъ, въ чемъ только могъ, но мы ни разу не говорили о будущихъ своихъ отношеніяхъ, и для меня было ясно, что онъ уже начерталъ себѣ планъ дѣйствій, но не считалъ нужнымъ сообщать его мнѣ. Онъ былъ по прежнему милъ и ласковъ со мной, но все-таки чувствовалась перемѣна: у него уже были другія цѣли, которымъ, по его мнѣнію, я не могъ сочувствовать: я не былъ честолюбивъ, а въ его глазахъ это было величайшимъ недостаткомъ.

Онъ купилъ себѣ удобную коляску для путешествія, нанялъ лакея, и наконецъ, въ одно прекрасное утро, я проводилъ его до заставы, гдѣ мы со слезами на глазахъ обнялись въ послѣдній разъ. Тѣмъ и кончилась наша дружба!

Теперь мнѣ все понятно: я не могъ слѣдовать за нимъ; онъ принужденъ былъ оставить меня на дорогѣ. Послѣ нашей разлуки прошло шестьдесятъ лѣтъ, и вотъ я дожилъ до глубокой старости, а ему пришлось еще въ молодыхъ лѣтахъ окончить свое поприще въ Сибирскихъ рудникахъ.

*

Черезъ годъ послѣ отъѣзда Лунина, въ Парижъ пріѣхалъ Вигель. Я ему чрезвычайно обрадовался. Но какой контрастъ съ Лунинымъ! Его пріѣздъ оживилъ меня, но за то перевернулъ всю мою жизнь и,

виѣшнюю, и внутреннюю. Пріѣхалъ онъ съ семействомъ Блудова, получившаго назначеніе при Русскомъ посольствѣ въ Англіи.

— Филипъ Филипычъ, вскричалъ я, васъ ли я вижу? Слава Богу: теперь я могу васъ угостить нашимъ хлѣбомъ-солью! Скажите мнѣ, гдѣ Лунинъ?

— Лунинъ пробылъ недолго въ Петербургѣ и скоро уѣхалъ въ одно изъ своихъ имѣній.

— А Уваровы?

— Живутъ по прежнему. Я пріѣхалъ сюда для поправленія здоровья, а потомъ поѣду въ Мобѣжъ къ сестрѣ. Мой зять, генералъ Алексѣевъ, командуетъ одной изъ нашихъ дивизій, остающихся до сихъ поръ во Франціи. И Блудовы, и я мы рассчитываемъ на васъ: вы намъ покажете Парижъ.

— Милый мой Вигель! Распооряжайтесь мною. Моя благодарность и привязанность даютъ вамъ полное право.

У Блудовыхъ меня такъ приняли, что я былъ растроганъ до глубины души. Я не разставался съ ними все время ихъ пребыванія въ Парижѣ. Вигель остался послѣ ихъ отъѣзда, и я былъ для него тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ для меня въ продолженіе моей жизни въ Петербургѣ. Какъ человѣкъ любознательный, онъ желалъ все видѣть, все испытать, но онъ не окружалъ себя таинственностію какъ Лунинъ, и скрывалъ только то, о чемъ приличіе требовало молчать. Благодаря своей любезности, онъ вездѣ имѣлъ успѣхъ. Съ его помощію я обработалъ свой построчный переводъ *Марьи Посадницы*, такъ что онъ годился для изданія. Это было мое первое произведеніе.

Въ Парижѣ я познакомился еще съ однимъ Русскимъ.

Однажды, мнѣ подали письмо и визитную карточку.

Письмо было изъ Неаполя отъ одного изъ моихъ друзей, Англичанина, по имени Линча, а на карточкѣ стояло имя князя Александра Голицына. Линчъ писалъ, что князь будетъ радъ со мною познакомиться, что онъ въ первый разъ въ Парижѣ, и что я долженъ ему показать городъ и все что въ немъ есть замѣчательнаго. На другой же день я отправился на Вандомскую площадь, въ отель Бристоль, гдѣ князь занималъ первый этажъ. Съ нимъ жилъ его докторъ и капитанъ Скарфъ, Англичанинъ, съ которымъ онъ познакомился въ Неаполѣ и для компаніи отъ скуки привезъ съ собой.

Меня уже ждали, и князь выразилъ мнѣ свое удовольствіе самымъ добродушнымъ образомъ. Онъ слышалъ обо мнѣ отъ Линча и былъ готовъ полюбить меня съ перваго знакомства. Это былъ простой Русскій баринъ, очень богатый, очень добрый, не особенно умный, безхарактерный и капризный, но при всемъ томъ способный на искреннюю и постоянную привязанность. Онъ былъ уже человѣкъ немолодой, но и не старикъ; или лучше сказать это былъ старій, избалованный ребенокъ. Онъ былъ очень лѣнивъ умственно, не особенно образованъ, но понималъ все, благодаря своему высокому положенію въ обществѣ: онъ былъ гофмейстеромъ императрицы Елисаветы Алексѣевны, и всюду сопровождалъ ее.

Такъ какъ князей Голицыныхъ въ Россіи очень много, то они различаются по прозвищамъ, даннымъ имъ въ обществѣ.

Я зналъ княгиню Голицыну, которую звали *princesse moustache*, потому что у ней верхняя губа была покрыта легкимъ пушкомъ; другая была извѣстна подъ именемъ *la princesse nocturne*, потому что она всегда засыпала только на разсвѣтѣ.

Мой же новый знакомый прозывался *le prince cheval*, потому что у него было очень длинное лицо. Онъ былъ вдовецъ, и сыновья его воспитывались въ Москвѣ, у брата его, котораго звали *послѣднимъ изъ бояръ*. Онъ жилъ въ Москвѣ съ большою пышностью: у него были своя домовая церковь, своя пѣвческая капелла, свой оркестръ.

Въ Неаполѣ князь Александръ Голицынъ познакомился съ Линчемъ, и тотъ наговорилъ ему обо мнѣ, рассказалъ о моемъ пребываніи въ Россіи и просилъ полюбить меня.

Поэтому князь, считая меня какъ бы своимъ соотечественникомъ, сразу почувствовалъ ко мнѣ расположеніе. Капитанъ Скарфъ немало содѣйствовалъ моему успѣху своею неуклюжестью и неизмѣнною увѣренностію въ превосходствѣ всего Англійскаго: онъ не могъ быть пріятнымъ собесѣдникомъ для сѣвернаго Француза.

— Господи! добродушно говорилъ Русскій баринъ. Какъ давно ужъ мнѣ не случалось разговаривать съ такимъ удовольствіемъ, какъ теперь. Когда я съ вами, я забываю, что я не въ Петербургѣ. Вы меня заставите полюбить Парижъ. Я здѣсь у васъ помолодѣю! Требуйте чего хотите, но не покидайте меня. Я всегда буду себя считать вашимъ должникомъ.

Ему нравились даже мои недостатки; со мной онъ снова чувствовалъ себя молодымъ. Оба мы отличались пустотой и легкомысліемъ. Дошло до того, что онъ завидовалъ моему умѣнью завязывать галстукъ.

— Я до сихъ поръ не сомнѣвался въ своемъ собственномъ умѣннѣ, говорилъ онъ мнѣ: даже великій князь Михаилъ Павловичъ, когда жилъ въ Неаполѣ, учился у меня, какъ завязывать галстукъ, но теперь я долженъ сознаться: вы перещеголяли меня!

Такимъ образомъ мы сдружились. Я не въ силахъ былъ противиться искушенію и снова увлекся свѣтской пустотой. Я продолжалъ вести бесполезную жизнь, не понимая своей дѣйствительной пользы и заглушая внутренній голосъ, напоминавшій о необходимости подумать касательно своей будущности.

Результатомъ моихъ постоянныхъ сношеній съ Русскими была вторичная поѣздка въ Россію, но уже въ 1845 году.
